

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

Я. А. ШЕР

**КАМЕННЫЕ
ИЗВАЯНИЯ
СЕМИРЕЧЬЯ**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Я. А. ШЕР

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ СЕМИРЕЧЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА•ЛЕНИНГРАД
1966

АННОТАЦИЯ

Настоящая работа является первым специальным исследованием многочисленных древнетюркских каменных изваяний, распространенных в северных районах Средней Азии и на сопредельных территориях, которые в свое время входили в состав тюркских каганатов. В книге обобщены наблюдения над «каменными бабами», приводятся сравнения с подобными памятниками из Южной Сибири, Монголии, дается их общая классификация, на основе которой делается попытка рассмотреть вопросы хронологии, семантики и историко-культурного значения этих памятников. Книга имеет большое количество рисунков и таблиц.

Ответственный редактор
А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

ВВЕДЕНИЕ

«Едва ли в области русской археологии существует какой-нибудь вопрос более запутанный и темный, чем вопрос о «каменных бабах», — писал 50 лет тому назад известный русский археолог и востоковед Н. И. Веселовский в своей обобщающей работе на эту тему (Веселовский, 1915, стр. 3).

За прошедшие 50 лет, из которых 48 приходится на период советской археологии, положение существенно изменилось. Опираясь на труды своих предшественников (А. С. Уварова, Д. А. Клеменца, В. В. Бартольда, В. В. Радлова, Н. И. Веселовского и др.), советские археологи (М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер, Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев, С. А. Плетнева, Л. Р. Кызласов, А. Д. Грач и др.) и некоторые их зарубежные коллеги (Вл. Котвич, А. Сальмони, Л. Йисл) значительно продвинули вперед изучение многочисленных разновременных и разнотипных памятников каменной скульптуры, вошедших в археологическую литературу под не очень удачным и неточным, но традиционным собирательным термином «каменные бабы».

В настоящее время можно считать вполне достоверным подразделение этих памятников на следующие большие территориально-хронологические группы.

1. Изваяния эпохи бронзы южнорусских степей (Тереножкин, 1952; Титенко, 1955; Канивец, 1955; Щепинский, 1958, и др.) — рис. 1, а.

2. Изваяния эпохи бронзы на Енисее (Грязнов и Шнейдер, 1929; Грязнов, 1950, и др.) — рис. 1, б.

3. Изваяния скифского времени южнорусских степей (Миллер, 1925; Passek, Latuun, 1929; Мелюкова, 1952; Елагина, 1959; Артамонов, 1961, и др.) — рис. 1, в.

4. Изваяния скифского времени Монголии и Сибири, так называемые «оленные камни» (Окладников, 1954; Диков, 1958; Членова, 1962, и др.) — рис. 1, г.

5. Изваяния таштыкской культуры Южной Сибири (Кызласов, 1960б, и др.) — рис. 1, д.

6. Древнетюркские изваяния Монголии, Южной Сибири и Туркестана (Радлов, 1899; Казакевич, 1930; Евтюхова, 1941, 1952; Грач, 1961; Шер, 1963б; Кызласов, 1964а,¹ и мн. др.) — рис. 1, е.

7. Кыпчакско-половецкие «каменные бабы» приволжских и южнорусских степей (Веселовский, 1915; Зяблин, 1955; Плетнева, 1958, и др.) — рис. 1, ж (см. рис. 1).

Современное состояние вопроса о каменных изваяниях евразийских степей позволяет надеяться, что в недалеком будущем сложатся условия для обобщенного исследования на эту тему, которое охватило бы большой хронологический период (от эпохи бронзы до средневековья) и проследило бы на всей сумме материала пути развития культовых представлений, с которыми были связаны эти изваяния. Однако до этого необходимо выполнить еще ряд подготовительных работ по конкретным территориально-хронологическим группам памятников.

Одной из наиболее значительных групп как по количеству материала, так и по территории распространения является древнетюркская скульптура. Степень изученности ее по отдельным областям в настоящее время недостаточно равномерна: если для восточных районов ареала этих памятников имеются обобщающие труды (Евтюхова, 1952; Грач, 1961; Кызласов, 1964а), то по западным районам, охватывающим север Средней Азии, приходится довольствоваться разрозненными публикациями и отдельными разделами в трудах, рассматривающих памятники разных эпох.

Настоящая работа имеет своей целью по возможности восполнить этот пробел и ввести в научный оборот известные автору каменные изваяния Семиречья и соседних областей.³

* * *

Начало широкого научного изучения «каменных баб» Средней Азии относится к 70-м годам прошлого века, когда царскому правительству понадобились сведения о природных и хозяйственных ресурсах этой территории. Сюда хлынула армия изыскателей, топографов, землеустроителей, чиновников царской администрации, врачей, учителей. Это в большинстве своем были люди образованные, нередко энтузиасты освоения нового края. Впоследствии

¹ Данная статья Л. Р. Кызласова вышла в свет при подготовке к печати рукописи настоящей работы.

² По неполным данным, сейчас известно более 400 древнетюркских изваяний, часть которых по разным причинам не могла быть изучена.

³ Следует сразу оговориться, что, вероятно, не все изваяния, рассмотренные в данной работе, относятся к древнетюркскому времени. Некоторые из них (см. гл. 2, 3 настоящей работы, изваяния II типа), видимо, окажутся более ранними и более поздними. Это может быть установлено на основе более совершенных методов, чем те, которыми пользовался автор. Думается, что подобное уточнение коснется и некоторых южносибирских изваяний, определенных сейчас как древнетюркские.

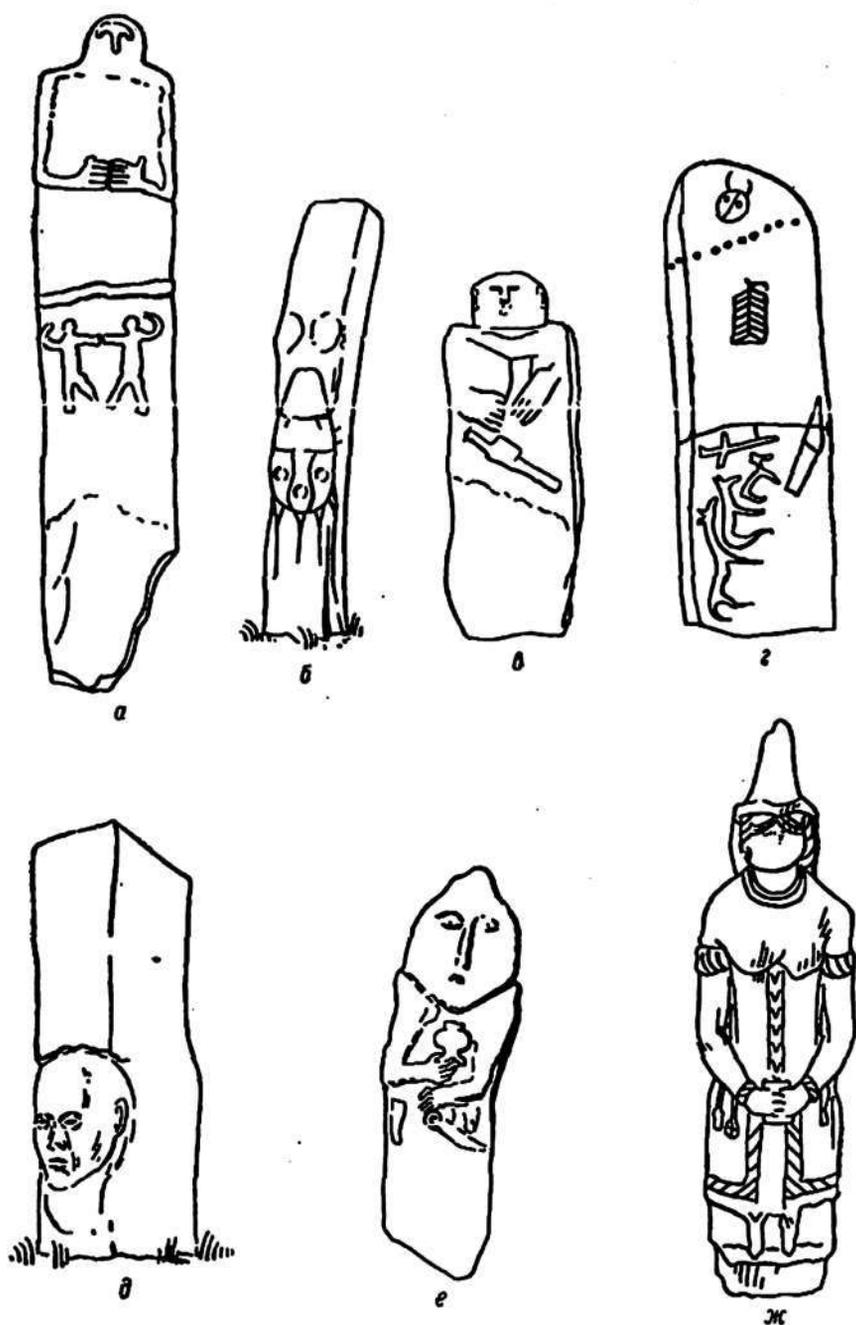

Рис. 1. Типы каменных изваяний евразийского пояса степей.
 а — изваяние эпохи бронзы южнорусских степей; б — изваяние эпохи бронзы из Енисея (по Грязнову); в — снифское изваяние (по Артамонову); г — олений камень (по Окладникову); д — Таштыкское изваяние (по Кызласову); е — древнетюрское изваяние (Тянь-Шань); ж — «каменная баба» из южнорусских степей (по Веселовскому).

они образовали ядро той передовой части туркестанской русской интеллигенции, которая, прекрасно изучив местные языки и обычаи, явилась проводником лучших традиций русской культуры. Им прежде всего обязана русская археология первыми известиями о памятниках древности. «Туркестанские ведомости» — главная русская газета в Средней Азии — очень быстро запестрела сообщениями не только о памятниках мусульманской старины, но и о более древних находках, курганах, поселениях и, конечно, о «каменных бабах». В научный оборот начала входить еще одна область распространения каменных изваяний, не уступающая по их обилию Монголии и Сибири.

В Среднюю Азию приезжали и петербургские ученые. Среди них был крупнейший русский востоковед В. В. Бартольд, отправившийся в 1894 г. в свою известную «командировку с научной целью». Он проехал Чуйскую и Таласскую долины, побывал на Иссык-Куле, в некоторых районах Центрального Тянь-Шаня, в долине р. Или. Всё, что имело археологический или исторический интерес, фиксировалось, описывалось, а путешествовавший вместе с ученым художник С. М. Дудин делал зарисовки и фотоснимки с наиболее интересных памятников и предметов. Возвратившись в Петербург, В. В. Бартольд опубликовал «Отчет о поездке в Среднюю Азию» (Бартольд, 1897), который был одним из первых научных описаний виденных им археологических памятников. В. В. Бартольд стал научным шефом Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА), члены которого внесли большой вклад в изучение археологии Средней Азии вообще и туркестанских «каменных баб» в частности (Аничков, 1897, 1899; Мустафин, 1898; Каллаур, 1898; Колосовский, 1901). Этими именами далеко не исчерпывается список авторов, писавших о древних изваяниях Туркестана. Известный русский археолог А. А. Спицын (1898) и ректор томского университета В. М. Флоринский (1896); чиновник для особых поручений Туркестанского генерал-губернатора Н. Н. Пантусов (1889, 1889а, 1901, 1904) и пишпекский врач, друг семьи М. В. Фрунзе, Ф. В. Поярков (1898); финский археолог Гейкель (Heikel, 1918) и преподаватель французского языка Оренбургской гимназии И. А. Кастаиье (1910); крупный русский ученый Н. И. Веселовский (1915) и сотрудник американской экспедиции института Карнеги Хэнтингтон (Purpelli, 1905) — все эти люди с разным уровнем научного подхода стремились описать, понять и по-своему объяснить загадочные «истуканы», то там, то здесь встречавшиеся на их пути.

Безусловно, работы этого времени неравноценны как по количеству материала и качеству его издания, так и по степени обоснованности их выводов. То, что в одном ряду фигурируют, например, В. М. Флоринский, И. В. Аничков, В. А. Мустафин и А. А. Спицын, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, ни в коей мере не следует рассматривать как признание их равнозначности.

Вряд ли уместны подробное рассмотрение и критика старых работ, написанных и опубликованных задолго до того, как сформировались основные методические требования современной археологии как науки. Несправедливо было бы требовать от их авторов больше того, что они могли сделать и нередко делали для своего времени неплохо. Достаточно отметить, что многие публикации Туркестанского кружка любителей археологии о «каменных бабах» (подробнее об этом см.: Лунин, 1958) не утратили своего значения и до сих пор. Что же касается работ Бартольда (1897), Н. И. Веселовского (1915) и И. А. Кастанье (1910), то без них вообще обойтись невозможно.

В советское время археологическое изучение Средней Азии, как и других областей страны, приобрело небывалый размах. Наиболее значительные исследования древних памятников Семиречья долгое время были связаны с именем выдающегося советского археолога и востоковеда А. Н. Бернштама, создавшего первую научную периодизацию древностей Чу-Илийского междуречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

А. Н. Бернштам глубоко интересовался каменными изваяниями и в своих работах отвел им значительное место (Бернштам, 1940, 1941, 1943, 1947, 1950, 1952, 1954, 1958, 1959). Подробно его исследования будут рассмотрены ниже, в соответствующих главах. После безвременной кончины А. Н. Бернштама семиреченскими изваяниями никто специально не занимался, хотя в некоторых статьях и работах они рассматриваются в связи с иными вопросами (Кибиров, 1955; Альбаум, 1960, 1960а).

Большое количество изваяний рассеяно по степям Казахстана. Однако до последнего времени были всего единичные публикации этих памятников (Кызласов, 1951; Маргулан, 1951, 1957).

Сведения о местонахождениях многих «каменных баб» приведены в капитальном труде «Археологическая карта Казахстана» (АКК, 1960). К сожалению, авторы «Карты» не учли того, что недостаточно указать, где и в каком количестве найдены изваяния, а нужно кратко описывать их иконографические особенности и положение на местности. В связи с этим оказалось почти невозможным использовать в данной работе материалы «Карты».

Интересные археологические находки собраны кружком юных краеведов школы № 10 г. Фрунзе под руководством большого энтузиаста Н. Д. Черкасова, а также учителей Е. М. Черкасовой, Л. В. Шевченко и В. М. Гапоненко. В многочисленных и разнообразных коллекциях школьного музея имеется целый ряд каменных изваяний и большое количество рисунков тех статуй, которые обследованы юными археологами на месте. Следует надеяться, что очень важные материалы музея будут со временем опубликованы.

Тюркские изваяния Семиречья и прилежащих областей наряду с другими памятниками рассматриваются в целом ряде работ,

опубликованных за рубежом (Pumpelli, 1905; Granö, 1909, 1910; Heikel, 1918; Appelgren-Kivalo, 1931; Harva, 1933; Kotwicz, 1928; Kotwicz, Samoilowitch, 1928; Kotwicz, 1937; Grünert, 1959; Ван Цзы-юнь, 1956; Хуан Вань-би, 1960; Ли Чжэн, 1962). Особенно интересны новыми данными и глубиной анализа статьи Л. Йисла и А. Сальмони (Jisl, 1960; Salmony, 1940). Большие раскопки, проведенные чехословацко-монгольской экспедицией под руководством д-ра Лумира Йисла, дали новые материалы для объяснения семантики каменных изваяний. Среди них важное значение имеет находка головы и обломков статуи Кюль-тегина, тюркского принца, в честь которого был сооружен исследованный экспедицией памятник.

* * *

Подводя итог краткому обзору литературы, можно сказать, что интерес к каменным изваяниям не ослаб и в наши дни, а их изучение с зыбкой почвы догадок и легенд встало на твердую научную основу. К сожалению, мы вряд ли находимся на пороге решения всех вопросов, связанных с этими памятниками, и в данной области еще многое предстоит сделать. В первую очередь необходимо завершить сбор сведений и публикацию самих памятников. Это важно осуществить в ближайшее время, так как при сельскохозяйственном и промышленном освоении какого-либо нового района каменные изваяния убирают с мест их первоначальной установки, а археологический надзор далеко не всегда успевает провести соответствующие работы по фиксации памятников *in situ*, что впоследствии значительно затрудняет их изучение.

Работая над сбором сведений о каменных изваяниях Семиречья и некоторых сопредельных районов (Восточный, Центральный и Южный Казахстан), автор данной работы считал своей первоочередной задачей научную систематизацию материала. Предложенная здесь схема классификации древнетюркских изваяний вызвала ряд вопросов историко-культурного характера, и их рассмотрение привело к некоторым выводам. Пришлось также рассмотреть отдельные особенности стиля этих своеобразных памятников монументальной скульптуры, которые представлены не столько с искусствоведческой стороны, — в чем автор не считает себя компетентным, — сколько с точки зрения взаимных влияний изобразительного искусства кочевников и населения земледельческих оазисов Средней Азии и Восточного Туркестана. Этим в общем можно ограничить круг задач, которые в той или иной степени решены ниже. Нередко на передний план выступают вопросы методические, что объясняется источниковедческим характером работы. Использование методов математической статистики, приобретающих все большую популярность у археологов, привело автора к попытке представить описание каменных изваяний в такой

форме, которая была бы удобной для кодирования и последующего применения перфокартных систем обработки.

Географические рамки исследования, связанного с памятниками кочевников, трудно обозначить четко, поэтому часто приходится выходить за пределы собственно Семиречья и рассматривать памятники соседних и более далеких территорий. Поиски аналогий вещей и элементов стиля уводят еще дальше — в Центральную Азию, Восточный Туркестан, Персию и в Причерноморье. Вопросы семантики некоторых групп каменных изваяний рассматриваются в общем плане для Семиречья, Южной Сибири и Монголии, поскольку это памятники единого круга.

* * *

Кроме изваяний, изученных автором непосредственно в поле, в приложении I описаны статуи, хранящиеся в музеях Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Фрунзе, Пржевальска, а также материалы, любезно предоставленные М. П. Грязновым, А. П. Зяблиным, С. С. Черниковым и В. С. Сорокиным. В статистические подсчеты включены некоторые данные из материалов Н. Д. Черкасова. Полевые работы были организованы благодаря активному содействию директора Института истории АН Киргизской ССР К. К. Орозалиева и зав. сектором археологии и этнографии П. Н. Кожемяко. В экспедиционную группу входили В. А. Гаврилов, В. А. Сальников, Т. Кулматов, С. Кулматов, Д. В. Ильичев, Г. М. Швед, В. И. Синкевич, В. Б. Альтман, В. Е. Кулик. Во время работы автор постоянно ощущал поддержку со стороны своих товарищей по Сектору Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Много ценных замечаний сделали М. П. Грязнов, С. С. Черников, А. М. Беленицкий, А. М. Мандельштам, А. А. Гаврилова, А. Д. Грач, просмотревшие рукопись. При изучении методов математической статистики любезную помощь оказали Б. И. Маршак, О. М. Киселев, Г. М. Швед. В подготовке материала к обработке на счетно-аналитической машине принимали участие М. Н. Пшеницына и Э. С. Шарафутдинова. Некоторая литература оказалась бы вне поля зрения автора, если бы не любезное внимание Е. В. Ольшевской. Всем перечисленным товарищам автор глубоко благодарен.

Глава 1

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ. ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Общие наблюдения позволяют считать, что, как правило, изваяния изготовлялись из специально подобранных, удлиненных камней, которые более или менее тщательно подтесывались до формы, близкой к человеческой фигуре. Иногда это были окатанные валуны; в этих случаях наблюдается удачное сочетание гладкой и оббитой поверхности камня, что дополняет рельефное изображение своеобразной фактурой.

Чаще всего изваяниями изображались мужчины⁴ с монголоидными чертами лица, с усами и небольшой бородой (рис. 2). Вместе с тем имеются и явно женские фигуры (рис. 3). Однако физический тип и пол изображенного определяются не всегда, как ввиду плохой сохранности изваяний, так и ввиду недостаточной четкости самого изображения. Головные уборы встречаются редко, иногда показана прическа в виде одной или нескольких кос, свисающих по спине до пояса. На некоторых фигурах одно или оба уха украшены серьгами, на шее гривна или ожерелье. Мужчины изображены одетыми в облегающий кафтан с треугольными отворотами и узкими рукавами. В талии фигура перехвачена узким поясом, нередко с целым набором украшений, пряжек и бляшек. На поясе висит кинжал или сабля, иногда — то и другое. На поясе нередко можно различить подвешенные сбоку точило, сумочку и целый набор различных менее ясных по форме предметов. Встречается также и широкая одежда со свисающими складками и просторными рукавами (рис. 4). В таких случаях обычно отсутствует пояс и оружие. Целый ряд изваяний изображает обнаженных людей, главным образом женщин.

⁴ Данная, наиболее общая характеристика относится как к мужским, так и к женским изображениям.

Подавляющее большинство фигур держит в правой руке или в обеих руках сосуд. Формы сосудов разнообразны: кубки на ножке, кубки с петлевидной ручкой «уйбатского типа», чаши, цилиндрические и цилиндроконические сосуды. В очень редких случаях (известно всего 5) на правой руке показана сидящая птица (рис. 5).

Наряду с изваяниями, имеющими перечисленные детали, достаточно большое количество стел представляет собой только схематическое изображение лица или головы человека.

Технические приемы изображения не очень разнообразны. Обычно это невысокий рельеф, что достигается удалением «фо-

Рис. 2. Тянь-Шань,
оз. Иссык-Куль.

Рис. 3. Семиречье,
Алма-Ата.

на» вокруг той или иной выступающей детали (рис. 6). Наряду с рельефом широко представлена техника контурного резного рисунка по плоскости камня (рис. 7). Часто можно наблюдать сочетание контурной техники и рельефа на одном изваянии (рис. 8). Хотя и редко, но встречается почти объемная скульптура, выполненная с профессиональным техническим мастерством (рис. 9).

Рис. 4. Тянь-Шань, оз. Иссык-Куль.

Небогаты разнообразием и стилистические особенности. Изобразительные пропорции почти стандартны — голова занимает обычно $\frac{1}{3}$ высоты статуи. В изображении черт лица преобладают в основном два приема: стилизация бровей волнистой линией

(рис. 10) и прямоугольное Т-образное изображение носа и бровей в едином комплексе (рис. 11). Иногда на некоторых изваяниях подчеркнута стилизуются изображения пальцев рук, что придает им несколько вычурную, неестественную изогнутость. Подробнее стилистические особенности будут рассмотрены в соответствующем разделе.

Изваяния с оружием и без оружия, но в одежде и с кубками в руке, по имеющимся данным, устанавливались у ритуального сооружения в виде прямоугольной оградки из поставленных на ребро или сложенных плашмя камней, ориентированной сторонами по странам света. Статуя обычно ставилась спиной к оградке у ее восточной стороны, лицом на восток.⁵ Как правило, за ней в восточном направлении тянется ряд каменных столбиков-балбалов, который у конца иногда сворачивает влево (Грач, 1961, стр. 54).

Наряду с оградками известны остатки значительных по размерам сооружений со сле-

дами стен и кровли. У таких сооружений находили скульптурные изображения животных (баран, черепаха), коленопреклоненных людей, фрагменты архитектурного декора и стелы с древнетюркскими надписями. Такими были орхонские памятники.

Наиболее полное представление о них получено в результате упоминавшихся выше работ чехословацко-монгольской экспеди-

⁵ Приложение 1, №№ 14, 30. 78; Грач, 1961, сводная таблица; Евтюхова, 1952, сводные таблицы.

Рис. 6. Тянь-Шань, оз. Сон-Куль.

Рис. 7. Южный Казахстан, Чимкент.

ции под руководством д-ра Л. Йисла (Iisl, 1960; Сэр-Оджав, 1962), которой полностью раскопан всемирно известный памятник в честь Кюль-тегина. Это был монументальный храм размерами 10×10 м, сооруженный на цоколе 13×13 м.⁶ Стены храма были снаружи оштукатурены белой глиной и окрашены красной крас-

Рис. 8. Тянь-Шань, оз. Иссык-Куль.

Рис. 9. Семиречье, Чуйская долина.

кой. Изнутри сохранились остатки полихромной росписи. Посередине находилось святилище, или алтарь размерами 4.4×4.4 м. Между алтарем и стенами оставался проход шириной 1.8 м, ведущий вокруг. Храм был перекрыт черепичной крышей, которая покоилась на 16 деревянных столбах-колоннах; 12 из них были включены в ограждающие алтарь стены, а 4 стояли по углам. Пол

⁶ К сожалению, иллюстративные материалы этих раскопок до сих пор полностью не опубликованы.

был ровно вымощен, вход находился с восточной стороны. Снаружи к храму примыкал мощный двор, огражденный прямоугольной в плане стеной (67 × 29 м). В восточной части ее находились

крытые черепицей ворота шириной 2.9 м. По обе стороны этого входа обнаружены две противостоящие друг другу фигуры бара-

Рис. 10. Тянь-Шань, оз. Иссык-Куль.

Рис. 11. Тянь-Шань, оз. Сон-Куль.

нов. Непосредственно у ворот был расположен прямоугольный резервуар для сбора дождевой воды. Внутри двора, в 8 м от входа, лежала мраморная черепаха с углублением на спине, в которое вставлялся шип стелы с надписью. Над стелой с надписью первоначально был возведен павильон с черепичной крышей. Между воротами и храмом были установлены статуи савонников и придворных, двумя рядами окаймлявшие путь от входа к святилищу.

Первоначальное количество их установить трудно (почти все разбиты). Среди этих статуй сохранилось изображение мужчины с длинным мечом. Внутри центрального помещения обнаружены обломки статуи — изображений самого Кюль-тегина и его жены.

Рис. 12. Голова статуи Кюль-тегина (по Иислу).

Перед местами, где были установлены эти изваяния, обнаружено по яме с покрытыми штукатуркой стенами; на дне их лежали обломки керамических сосудов, изготовленных на гончарном круге. Эти ямы являлись жертвенными местами. В одной из ям была обнаружена голова статуи Кюль-тегина (рис. 12), той самой статуи, сооружение которой запечатлено в хронике династии Тан (Jisl, 1960, стр. 71; Бичурин, 1951, I, стр. 277; Liu Mau-tsai, 1958,

стр. 179). От восточной стены ограды храма в направлении на восток тянется более чем на 3 км ряд вертикально поставленных камней-балбалов, которые, по наблюдениям Л. Йисла, окаймляли стены двора. Сохранилось их 169. Первоначально их было значительно больше. Если интервал между камнями в 3 м (2,6 по Л. Йислу) принять за максимальный, то количество балбалов должно быть порядка тысячи. Вблизи ограды храма в ряду балбалов стоит грубая антропоморфная стела; второе такое изваяние — в том же ряду, в 10 м восточнее входа.

Кроме памятника в честь Кюль-тегина, чехословацко-монгольская экспедиция обследовала еще четыре идентичных, но значительно меньших по размерам памятника.

Основываясь на приведенных данных, орхонские комплексы можно расчленить на следующие основные конструктивные элементы:

- 1) центральная часть — храм со святилищем, или алтарем;
- 2) статуя человека, в честь которого сооружен памятник (расположена внутри святилища);
- 3) галерея статуй придворных вокруг алтаря и на восток от него вереница камней-балбалов, среди которых могут быть грубые антропоморфные стелы.

Примерно такая же картина, хотя и несравненно более упрощенная, устанавливается при рассмотрении основных конструктивных элементов тюркских оградок с изваяниями. В центре оградки всегда имеется жертвенное место, своеобразный алтарь либо в виде ямы с золой, пережженными костями и обломками керамики (Кызласов, 1960, стр. 57), либо в виде специально сложеного каменного ящичка с тем же содержимым (рис. 63 в приложении I). Между жертвенником и оградой — проход по внутреннему периметру оградки. У восточной стены оградки — изваяние, а от него на восток тянется ряд камней-балбалов.

Очевидно, что, несмотря на несоизмеримость по богатству и монументальности, памятники орхонской знати и многочисленные тюркские оградки с изваяниями сооружались в принципе по единому конструктивному замыслу и состоят из одинаковых по характеру составных частей, в частности и таких, как ряды балбалов, смысл и назначение которых никаких сомнений не вызывает. Это обстоятельство делает правдоподобным вывод о функциональном единстве оградок с изваяниями и монументальных орхонских сооружений, что уже отмечалось в литературе (Кызласов, 1960, 1964а; Грач, 1955, 1961).

Областью распространения древнетюркских каменных изваяний можно назвать весь азиатский пояс степей от Южного Приуралья до Восточной Монголии (рис. 13). Следует иметь в виду, что материал, которым мы сейчас располагаем, естественно, весьма незначителен по сравнению с тем количеством памятников, которое, можно предполагать, существовало при их «жизни».

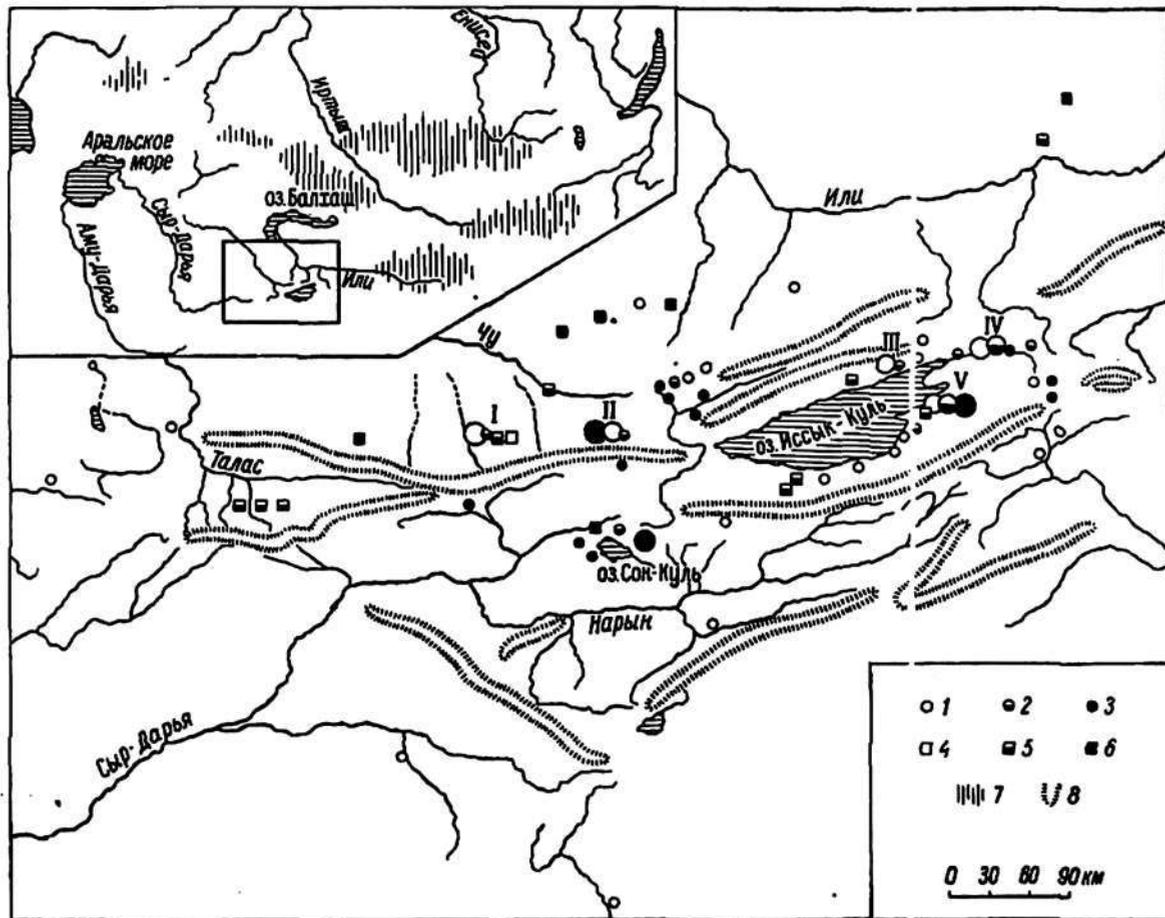

Рис. 13. Распространение каменных изваяний в Семиречье и в азиатском поясе степей. 1—6 — иконографические группы (см. классификацию рис. 14); 7 — районы распространения каменных изваяний в азиатском поясе степей; 8 — горные хребты.

Географическое распределение древнетюркских изваяний по нынешним данным следующее: Семиречье и Казахстан 332.⁷ южная Сибирь, Тува и Монголия — 165.⁸

Можно попытаться «привязать» к определенным районам изваяния отдельных форм. Так, например, женские изображения характерны для Семиречья и нехарактерны для Южной Сибири и Монголии. Причем с удалением на запад их количество увеличивается, и за Волгой они уже почти не отличаются от южнорусских «каменных баб».⁹

* * *

Как уже отмечалось, большинство исследователей рассматривали древнетюркские изваяния в общем как однородную серию памятников, хотя все понимали необходимость какой-то классификации, а некоторые и пытались ее произвести.

К сожалению, пока не создано общей теории классификации археологических памятников. После трудов В. А. Городцова (1923, 1927) эта проблема была предана забвению, несмотря на то что каждому археологу постоянно приходится с ней сталкиваться. Поэтому в данной работе в качестве исходных принципов используются общенаучные требования к классификации.

Классификация должна способствовать познанию объективных закономерностей связи и различий между объектами, составляющими данную систему. Вместе с тем не следует забывать, что всякая классификация является результатом некоторого огрубления, внесения некоторых условностей в подразделяемую совокупность объектов (Философский словарь, 1963, стр. 200—201).

В. А. Городцов в свое время выдвинул следующие главные требования, которым должна соответствовать классификация археологического материала: 1) единая основа для всех классов, 2) соподчинение классов, 3) взаимное исключение выделяемых классов. Однако этого недостаточно для построения классификации, которая вскрывала бы отмеченные выше закономерности в группировке археологических объектов. В силу их чрезвычайной сложности и неоднозначности необходимо введение некоего статистического критерия, который бы помогал улавливать существенное, закономерное и отбрасывать несущественное, случайное.

⁷ По сведениям «Археологической карты Казахстана», а также данным Н. Д. Черкасова, учтенным в настоящей работе.

⁸ По сведениям, приведенным Л. А. Евтюховой, А. Д. Грачом и Л. Р. Кызласовым (Евтюхова, 1952; Кызласов, 1960, 1964а; Грач, 1961).

⁹ В силу неравномерной археологической изученности той или иной историко-географической области пока еще не представляется возможным более или менее ясно представить частоту территориального распределения изваяний.

Такая постановка задачи требует, чтобы в основе классификации лежал признак ведущего порядка и рассматривать его следует в соотношении (корреляции) с признаками второстепенными.

Построенная таким образом классификация позволит выявить не какие-либо однозначные, а статистически устойчивые закономерности.

В связи с этими требованиями предлагавшиеся до сих пор классификации древнетюркских «каменных баб» не представляются вполне удачными. Остановимся на них подробнее.

А. Н. Бернштам использовал в качестве основы для классификации «каменных баб» Тянь-Шаня технику их изготовления и по этому принципу разделил изваяния на четыре группы: 1) контурные изображения на удлинённых камнях (рис. 6); 2) изображения, сочетающие плоскостной рисунок с объёмной головой (рис. 8); 3) изваяния, выполненные слабым рельефом (рис. 11); 4) целиком объёмные статуи (рис. 9). По его мнению, в этих четырех группах наглядно выступают пути развития скульптуры из рисунка и резьбы (Бернштам, 1952, стр. 145). Следует отметить, что А. Н. Бернштам специально каменными изваяниями не занимался, а предложенная им классификация давалась в общем плане анализа древнетюркских памятников Тянь-Шаня.

Л. А. Евтюхова, классифицируя изваяния Южной Сибири и Монголии, подошла к ним в общем с теми же критериями. И хотя это не подчеркивается так ясно, как у А. Н. Бернштама, однако из текста следует, что различия в группах изваяний Л. А. Евтюхова видит также в основном в технике изготовления и на этой основе выделяет: 1) примитивно обтесанные каменные плиты или столбы «с нанесенными на них изображениями или одной головы, или с дополнениями отдельных частей тела, главным образом рук человека»; 2) «примитивные, но уже скульптурные изображения с более или менее разработанными рельефными деталями головы человека»; 3) «скульптурные изваяния в виде фигур людей» (Евтюхова, 1952, стр. 113).

С. В. Киселев, не ставя перед собой задачу специально исследовать древнетюркские изваяния Алтая, разделил их «на две группы — плоских и круглых скульптур» (Киселев, 1951, стр. 528), т. е. и он в основу классификации положил в конечном счете технику изображения. Таким образом, рассмотренные классификации хотя и показывают, что древнетюркские скульпторы пользовались в своей работе различными приемами, тем не менее они не способствуют постановке и решению других более важных вопросов. Строить на их основе хронологию памятников невозможно. Не способствуют они и решению другой не менее важной проблемы — выяснению семантики древнетюркских изваяний, — поскольку строятся лишь на внешних, формальных признаках, не отражающих смысла самого изображения.

Техника изображения может зависеть от целого ряда разных, подчас случайных условий. Например, разная фактура камня предполагает применение различных технических приемов. Степень совершенства используемого инструмента безусловно отразится на технике изготовления. Несомненно, при разном уровне мастерства одни ваятели пользовались одной, другие — другой техникой. Наконец, при прочих равных условиях разная плата за труд может определить разную степень тщательности в работе, что также проявится в технике изображения. Следовательно, техника изображения не может быть тем устойчивым, объективным признаком, который можно было бы положить в основу классификации. Также не могут быть использованы для этого ни порода камня, ни условия находки, часто вообще неизвестные, ни стилистические приемы, хотя все эти факторы необходимо учитывать.

Л. Р. Кызласов также рассматривал вопрос о классификации древнетюркских каменных изваяний (Кызласов, 1960, стр. 64; 1960а, стр. 153). Однако признаки, на которые он обратил внимание, разнохарактерны и вряд ли могут служить основой для общей классификации. Это — головные уборы и прически, формы сосудов, наличие или отсутствие оружия, пояса, порода камня. Если, например, такой признак, как наличие или отсутствие оружия, заслуживает особого внимания, то формы сосудов и порода камня никак ему не равнозначны, хотя и должны обязательно учитываться. Попытка Л. Р. Кызласова выделить особую, характерную якобы только для Тувы, группу изваяний с сосудом в обеих руках не подтверждается материалом, приводимым в данной работе.

Несколько иной принцип классификации каменных изваяний Тувы избрал А. Д. Грач (1961, стр. 54), который исходит из самого изображения, а это, конечно, значительно более существенный признак, чем техника ваяния или различные второстепенные детали. А. Д. Грач выделяет два типа фигур: 1) изображения человеческой фигуры полностью и 2) изображения человеческой головы или лица. Вслед за этим он отмечает, что изваяния второго типа в общем выдерживают пропорции ростовой человеческой фигуры, и тем самым дает повод полагать, что их отличия могут быть чисто внешними и случайными. Такая классификация представляется несколько непоследовательной, так как неясно, какие признаки кладутся в ее основу. Логичнее было бы предположить, что в характере изображения — полная фигура или лицевая стела — и кроется различие между выделенными группами.

Далее, в своей книге А. Д. Грач пользуется как бы еще одной классификацией, хотя прямо об этом и не пишет. Каменные изваяния подразделяются им на две группы: 1) изваяния при оградках и 2) одиночные фигуры. Как показано в книге, первая группа древнее второй (Грач, 1961, стр. 91). Это уже хронологическая классификация. В ее основе лежат вполне объективные признаки:

1) вещи, изображенные на статуях и имеющие аналогии в датированных археологических комплексах; 2) способ установки изваяния и его ориентировка. Имея налицо такие явные различия, А. Д. Грач объясняет их только разницей во времени, а с точки зрения семантики считает все изваяния «балбалами», т. е. изображениями врагов.

Следует попытаться найти такую основу для классификации, которая бы позволила выйти из пределов каждого локального района и рассмотреть древнетюркские изваяния с точки зрения одного обобщенного признака. Наиболее приемлемым следует считать принцип, в некоторой степени намеченный Вл. Котвичем, т. е. в основу классификации положить изобразительный канон. Однако Вл. Котвич, пользуясь разрозненными немногочисленными материалами, не учел, конечно, многого. В частности, из поля зрения исследователей каменных изваяний, в том числе и Вл. Котвича (Kotwicz, 1937, стр. 164—165), выпала одна любопытная закономерность, которая заключается в том, что вся масса древнетюркских изваяний, распространенных от Монголии до Западного Казахстана, объединяется в большие группы, связанные общими иконографическими чертами. Вопрос об иконографии древнетюркских изваяний вообще до последнего времени не поднимался (Шер, 1963), а он заслуживает специального внимания.

Несмотря на то что семантика «каменных баб» во многом еще не может считаться ясной, несомненно, что это памятники культового характера. Как известно, для памятников искусства, порожденных тем или иным культом, характерна устойчивая, консервативная иконография. Это достаточно хорошо видно в канонизированных образах как крупнейших мировых религий, так и языческих культов. Изобразительные особенности всегда непосредственно связаны с характером образа, с его смысловым содержанием.

В связи с изложенными соображениями представилось необходимым в основу классификации каменных изваяний положить изобразительный канон, состоящий из суммы иконографических элементов (поза или пространственное положение фигуры, определенный набор атрибутов), который принимается в качестве ведущего признака. Подразделение на группы по этому основному признаку должно сопровождаться корреляцией с дополнительными признаками: форма сосуда, стилистические особенности и т. п.

Положив в основу классификации изобразительный канон, всю известную автору серию памятников можно разделить на следующие группы.

1. Мужские изваяния с сосудом в правой руке и с оружием. Это наиболее многочисленная группа. Фигуры выполнены разной техникой, с разной степенью мастерства и тщательности, использованы разнообразные породы камня. Вместе с тем все они

объединяются единой канонической позой: мужчина, изображенный анфас, держит перед грудью сосуд в правой руке, левая опирается на саблю, меч и кинжал. К этой группе относится наибольшее количество изваяний из Западного Казахстана, Семиречья, Южной Сибири, Синцзяна и Монголии (Евтюхова, 1952, рис. 3—5, 12, 14, 16—19, 22, 44—49, 71; Кызласов, 1960, рис. 2—5; Грач, 1961, №№ 1, 5, 6, 12, 13, 19, 22, 24, 37, 44; см. также приложение I, 1).

2. Мужские и неопределимые по полу изваяния с сосудом в правой руке, без оружия. Всеми признаками стиля, техники и отчасти иконографически фигуры этой группы очень близки предыдущим. Выделение их в самостоятельную группу обусловлено только отсутствием оружия. Здесь, так же как и в первой группе, ясно видна иконографическая общность на всех перечисленных выше территориях азиатского пояса степей (Евтюхова, 1952, рис. 1, 2, 21—23, 31, 36, 40 и др.; Грач, 1961, №№ 8, 20, 42; приложение I, 2).

3. Изваяния с изображением только лица или головы человека. Такие изваяния распространены на той же территории и широко представлены во всех упоминавшихся выше работах и в приложении (I, 3). Отсутствие каких-либо деталей, кроме головы, вряд ли случайно, поэтому выделяем их в особую группу.

4. Изваяния с птицами выделены в самостоятельную группу, несмотря на их немногочисленность (приложение I, 4). Видимо, изображение птицы, сидящей на правой руке, имеет какое-то особое значение.

5. Мужские изваяния с сосудом в обеих руках. Здесь явно двойной изобразительный канон. Изображена мужская (иногда обнаженная) фигура с сосудом в обеих руках перед животом. Оружия нигде нет. Детали одежды не показаны. Перечисленные признаки требуют выделения этих изваяний в самостоятельную группу.¹⁰

6. Женские изваяния с сосудом в обеих руках. От предыдущих эти фигуры отличаются только признаками пола. Это весьма существенное отличие, могущее указать на некоторые семантические особенности. Распространение женских фигур в отличие от остальных ограничено в основном территорией Семиречья (приложение I, 5).¹¹

¹⁰ Такие изваяния распространены так же широко, как и предыдущие. Они приводятся во всех цитированных выше работах (кроме того, см. приложение I, 5).

¹¹ Может возникнуть сомнение в том, что в особую группу не выделяются сидящие фигуры (см., например, Евтюхова, 1952, стр. 90). Дело в том, что во всех случаях, за исключением тех, где явно являются в виду враги (т. е. в ряду балбалов), вообще изображены сидящие, а не стоящие люди. Основанием к такой догадке служит то обстоятельство, что всегда, когда на изваянии показаны ноги, человек изображен сидящим. Это соображение вполне согласуется с уже давнишним объяснением изваяний как изображений умерших, принимающих символическое участие в поминальном пиршестве (Кызласов, 1960, стр. 64).

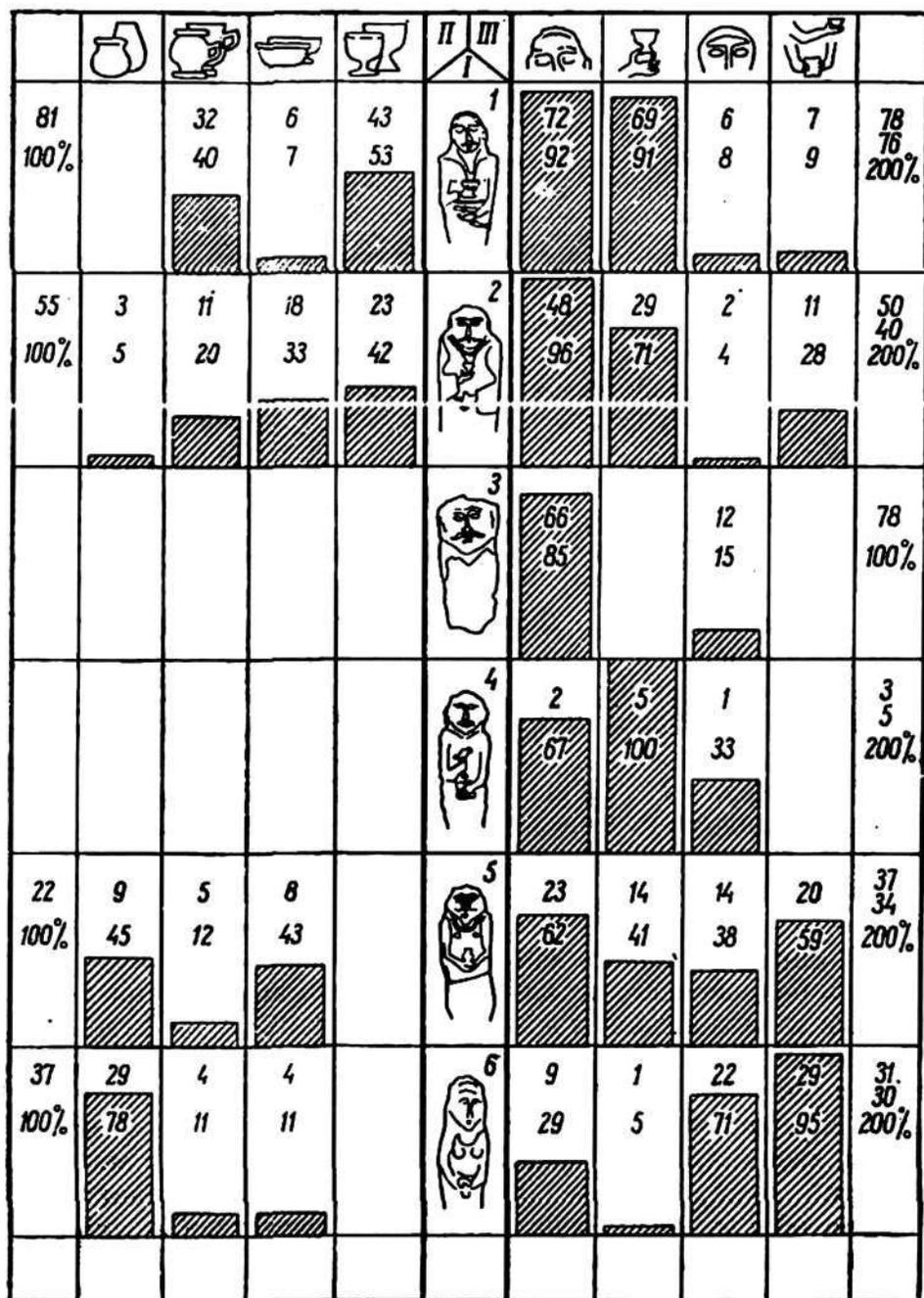

Рис. 14. Таблица взаимной сопряженности таксономических признаков.

Представляется наиболее приемлемым табличный метод выявления корреляционных связей, получивший достаточно хорошую апробацию у археологов (Ефименко, 1926; Арциховский, 1930; Третьяков, 1931; Грязнов, 1941; Максименков, 1960; Хлобыстина, 1962, и др.).

Для построения корреляционной решетки необходимо взять два ряда признаков. Одним из таковых (признак I) служат выделенные выше группы (горизонтальные ряды таблицы рис. 14). Формы сосудов избраны потому, что они, во-первых, в значительной степени изменчивы, а это позволяет проследить, не соответствуют ли определенным формам сосудов определенные группы изваяний; во-вторых, формы сосудов более, чем другие предметы, поддаются хронологическому определению; в-третьих, сосуды изображены на большинстве изваяний (четыре группы из пяти). Для большей убедительности результаты, полученные из левой части таблицы, следует проверить, взяв иной признак второго порядка: стилистические особенности (признак III, правые вертикальные ряды таблицы рис. 14). Это позволит охватить выпавшие из левой части таблицы две группы изваяний без сосудов.

Левая часть таблицы. Формы сосудов взяты обобщенно. Это делается для большей наглядности. В первом столбце отмечено количество случаев (и их процентное выражение), когда на изваяниях изображены кубки на ножке. Во втором — чаши с круглым и уплощенным дном. В третьем столбце объединены кувшины и кружки «уйбатского типа».¹² В четвертом — удлиненные, цилиндро-конические и близкие к ним по форме сосуды.

Распределение материала на корреляционном поле свидетельствует о наличии зависимости в соотношении между формами сосудов и определенными иконографическими типами. Так, кубки на ножке больше всего встречаются в сочетании с двумя первыми группами и нехарактерны для двух последних. В то же время удлиненные сосуды, типичные для изваяний 5-й и 6-й групп, не встречаются в 1-й и 2-й группах. Вообще же расположение частот взаимных соответствий признаков на корреляционном поле позволяет выделить два участка уплотнения, которые соприкасаются между собой. Это обстоятельство делает вполне правдоподобным вывод о наличии двух качественно своеобразных типов фигур, находящихся в положительной связи между собой.

Правая часть таблицы. Здесь вместо форм сосудов признаками второго порядка служат стилистические особенности. Расположение материала в общем подобно предыдущему. Отличие заклю-

¹² Объединение близких форм сосудов в известной степени условно, и в дальнейшем не исключены какие-либо коррективы.

чается в том, что учтены изваяния без сосудов. Здесь еще больше заметна корреляция между первым и вторым участками уплотнения. Своеобразный прием стилизации изображений бровей характерен только для первых четырех групп и редко встречается в двух последующих. Часто наблюдаемая на изваяниях 1-й и 2-й групп несколько вычурная манера трактовки пальцев рук не встречается на изваяниях с сосудом в обеих руках. Вместе с тем последним свойственны нос и брови в виде прямой Т-образной фигуры, что, за редким исключением, не характерно для изваяний двух первых групп, у которых брови стилизованы волнистой линией.

Итак, данные, полученные в результате коррелирования разных признаков, позволяют говорить о двух качественно своеобразных типах памятников, т. е. о двух линиях в развитии древнетюркской скульптуры. Указывая на значимые различия, статистика не дает ответа на вопрос, чем они обусловлены. Причины могут быть разными: здесь возможно проявление и хронологических и семантических различий, попытка установления которых предпринимается в дальнейшем. Пока же следует уяснить, что же дает предложенная классификация.

Прежде всего избранная система группировки позволила охватить все известные в настоящее время изваяния, независимо от мест их распространения. Это весьма важно для выявления основных иконографических типов древнетюркской скульптуры. Достаточно большое количество материала, использованного в работе, позволяет быть уверенным, что если даже в будущем вновь обнаруженные памятники и внесут некоторые исправления в эту классификацию, то эти исправления не будут очень значительными, а вероятность обнаружения совершенно иных иконографических типов древнетюркской скульптуры чрезвычайно мала.¹³

Классификация позволяет прийти к заключению, что каменные изваяния Семиречья, Казахстана, Южной Сибири и Монголии характеризуются одними и теми же иконографическими чертами. В то же время наблюдается два качественно своеобразных типа фигур, отличающихся друг от друга иконографией, стилем и формами сосудов. К I типу относятся изваяния 1-й, 2-й, 3-й и 4-й групп. Ко II — статуи с сосудом в обеих руках, принадлежащие к 5-й и 6-й группам.

Вместе с тем наличие некоторых общих черт не позволяет считать указанные два типа вполне независимыми друг от друга.

¹³ В предложенной классификации не нашли себе места только два изваяния из всего количества известных автору памятников. Первое известно по очень неясному рисунку (Posta, 1905, стр. 113), второе хранится в Кызылском краеведческом музее и опубликовано недавно (Кызыласов, 1964а).

Автору совершенно очевидны недостатки предлагаемой классификации, связанные прежде всего с неразработанностью общей теории классификации археологических памятников и порожденные неполнотой данных об изучаемой совокупности материала.

Одним из главных недостатков изложенной схемы является ее некоторая статичность. В ней не отразилась динамика развития древнетюркской скульптуры. Это объясняется чрезвычайной скудостью данных о происхождении и развитии обряда установки «каменных баб», корни которого, вероятно, уходят в скифскую древность. Однако этот вопрос выходит за пределы настоящей главы и будет рассмотрен ниже.

Глава 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ИЗВАЯНИЙ

Вопрос о происхождении древнетюркской скульптуры редко ставился в археологическом плане. Принадлежность этих памятников к эпохе письменной истории как-то выдвигала на передний план все, что связано с данными различных исторических текстов или этнографии. Безусловно, эти материалы ценны и полезны, но поскольку они достаточно подробно рассмотрены в литературе, остановимся только на археологических свидетельствах.

А. Н. Бернштам, ставя вопрос о месте и центре происхождения «каменных баб» Тянь-Шаня, считал возможным «полагать, что центром происхождения балбалов является страна древних кыргызов — Минусинский край. Именно там мы видим древнейшую форму стел, восходящих к эпохе бронзы, и там эта традиция развивалась непрерывно» (Бернштам, 1952, стр. 144). Минусинский край действительно богат каменными изваяниями. Однако уже первые их исследователи подчеркнули существенные различия между основной массой изваяний эпохи бронзы и несколькими «каменными бабами» тюркского времени, совершенно не характерными для археологического пейзажа Минусинской котловины (Грязнов, Шнейдер, 1929, стр. 86). Дальнейшее изучение минусинских изваяний с еще большей убедительностью показало разницу между изваяниями эпохи ранней бронзы и тюркскими статуями. «Широко распространенные и известные в большом количестве каменные бабы тюркского типа в Минусинских степях представлены всего лишь пятью экземплярами» (Грязнов, 1950, стр. 148). Исследования последних лет, производимые в Минусинской котловине Красноярской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР, не прибавили к этому списку ни одной новой фигуры тюркского времени, хотя найдено много новых стел эпохи бронзы. Остается только присоединиться к мнению М. П. Грязнова: «каменные бабы» эпохи бронзы представляют особую категорию

памятников, ничем не связанную с поздними изваяниями тюркского типа» (Грязнов, 1950, стр. 151).

Вызывает некоторые сомнения попытка Л. Р. Кызласова связать древнетюркскую скульптуру с таштыкскими погребальными масками. «Образуется любопытный генетический ряд: таштыкские погребальные маски-лица — стоящие маски — каменные бюстовые изображения (типа мало-есинского) — погрудные изображения с руками и сосудом (типа Кизил-тас) — тюркские каменные изваяния в виде круглой скульптуры человека с сосудом в руках. Таким образом, — пишет далее Л. Р. Кызласов, — не подлежит сомнению, что тюркские каменные изваяния VI—VIII и последующих веков зарождаются еще в претюркское, таштыкское время. Любопытно, что центром их зарождения было Алтае-Саянское нагорье (Хакаско-Мицусинская котловина и, вероятно, Алтай, на котором, правда ранние изваяния еще не найдены)» (Кызласов, 1960б, стр. 160). Такая точка зрения во многом близка той, которую высказал А. Н. Бернштам, во всяком случае, относительно центра происхождения древнетюркской скульптуры. Думается, что на самом деле все происходило значительно сложнее, хотя недостаток материала не позволяет пока решать этот вопрос позитивно.

Почти никто не рассматривает генезис тюркских изваяний в комплексе с оградкой, у которой они обычно стоят. Это существенное обстоятельство, которое нельзя не принимать во внимание. Рассмотрим происхождение двух основных признаков, характеризующих исследуемые памятники, — иконографию изваяний и конструкцию оградок с балбалами.

1. Иконография тюркских изваяний I типа имеет глубокие корни в искусстве ранних кочевников. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить канонический характер изображения «скифских» и «тюркских» статуй (рис. 1). Все иконографические элементы, характерные для изваяний первой группы нашей классификации, наблюдаются на скифских «каменных бабах» (Миллер, 1934; Спицын, 1928; Passetk, Latynin, 1929; Гайдукевич, 1937, стр. 220; Смирнов, 1946, стр. 41; Богданова, 1961, стр. 250; Артамонов, 1961, стр. 81—82). Фигура изображена анфас, правая рука согнута в локте и держит перед грудью сосуд для питья (ритон), левая — свободно опущена вдоль туловища и опирается на рукоять меча-акинака. Отличия улавливаются только в степени совершенства изображения (скифские — более примитивные) и в форме отдельных предметов (акинак, ритон).

В объяснении семантики скифских изваяний тоже нет единства.

«Возможно, что все эти человекоподобные изображения — скифские или скифо-сарматские — должны быть отнесены в связи с обстоятельствами находки статуи с Дона и с аналогичными статуями более древних времен к принадлежности культа мертвых. Можно думать, что это изображения умерших».

которые ставили на могилу» (Passek, Latynin, 1929, стр. 299. Разрядка моя. — Я. Ш.).

«Эти статуи генетически примыкают к еще более примитивным антропоморфным скульптурам доскифского времени, отличаясь от них прежде всего совершенно отчетливой трактовкой фигуры как мужчины-воина, тогда как в более раннее время, в тех случаях, когда половая принадлежность фигуры обозначена, они всегда оказываются женскими.

Скифские скульптуры представляют собой, конечно, не портреты определенных лиц, а обобщенный образ предка, характеризованный не чертами его лица или особенностями фигуры, а обычными атрибутами мужчины-воина.

Ритон, постоянно изображаемый в руках этих фигур, подчеркивает их культовое значение» (Артамонов, 1961, стр. 82. Разрядка моя, — Я. Ш.).

Отсутствие единства в понимании смысла скифских изваяний не снимает самого факта несомненной древности этого образа. Кого он изображал, конкретного человека или обожествленного предка, — это уже вопрос второго порядка. В данном случае важно, что образ воина, принимающего участие в каком-то ритуальном пиршестве, был хорошо знаком кочевникам и восходит к скифской эпохе.

«Скифским» изваяниям синхронны так называемые оленные камни (рис. 1, 2), которые в ряде случаев можно понять как схематизированные изображения воинов-вождей (Окладников, 1954; Диков, 1958; Членова, 1962).

Правда, между скифскими и тюркскими изваяниями лежит большой хронологический разрыв, который пока почти нечем заполнить, и эволюции не получается. Возможно, что многие фигуры до нас не дошли, так как могли быть изготовлены из дерева или из иных нестойких материалов.

Вообще же наша цель не заключается в том, чтобы обязательно построить непрерывный генетический ряд эволюции каменных изваяний от скифского времени до раннего средневековья. Можно усомниться в том, что такой ряд существовал в природе. Закономерности развития предметов материальной и духовной культуры слишком сложны, их описание на основе законов эволюции не может отразить всего многообразия этого процесса.

Для нас было важно показать, что канонизированный образ воина с чашей в одной руке и с оружием на поясе уходит своими корнями в глубокую древность.

2. Конструкция прямоугольных оградок, при которых чаще всего обнаруживаются изваяния I типа, также связана с чрезвычайно древней традицией, восходящей к еще более отдаленному времени — эпохе бронзы. Появившись в доандроновское время как основной тип надгробных сооружений, оградка продолжает

существовать у многих племен азиатских степей во все последующие периоды в разных модификациях.

Не является чем-то неожиданным и ряд камней-балбалов. В «Политике» Аристотеля читаем: «...у воинственного народа иверов вокруг могилы втыкают столько колышков, сколько умерший истребил врагов» (Латышев, 1893, I, стр. 383).

Все эти факты делают вполне обоснованным вывод: основные иконографические и конструктивные элементы, из которых состоит сооружение с каменным изваянием, имеют глубокие генетические корни в духовной и материальной культуре ранних кочевников Евразии.

Признаки традиционности и преемственности от более древних эпох наблюдаются и в других чертах тюркского погребального обряда, описанного в китайских хрониках. Рассмотрим его отдельные элементы. Чтобы не повторять неоднократно цитировавшиеся и вызвавшие в отдельных местах сомнения переводы Н. Я. Бичурина, целесообразно воспользоваться новейшим переводом Лю Мао-цзая (Liu Mau-tsai, 1958), в котором учтены все возможные разночтения и сверены многие из тех источников, которыми Н. Я. Бичурин не пользовался (кроме того, в книге Лю Мао-цзая впервые в европейской литературе приводятся некоторые новые источники). Цель такого анализа заключается в выявлении во всем комплексе церемоний, с одной стороны, местных, более древних пластов, с другой — новых, привнесенных извне особенностей.

О п л а к и в а н и е. «Когда один из них умирает, труп ставится на возвышении в юрте (шатре). Все дети и внуки, родственники по мужской и женской линии забивают каждый барана и лошадь и кладут как жертвенное приношение вокруг юрты. Затем они верхом семь раз объезжают юрту и каждый раз, когда они подходят к входу в юрту, слегка оцарапывают себе лицо. При этом они плачут так, что слезы и кровь текут вместе. Так они делают семь раз и затем прекращают» (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 9).

Здесь прослеживается широко распространенный у древних народов обычай выражения траура по умершему. Принесение в жертву животных и царапанье лица до крови широко засвидетельствовано в этнографической литературе. Эти обычаи могли возникнуть еще до появления религиозных представлений, связанных с погребальным культом (Токарев, 1964, стр. 170 и сл.).

С о ж ж е н и е п р а х а. «Они выбирают один день, берут лошадь, одежду и предметы обихода умершего и сжигают их с трупом. Затем они собирают пепел, чтобы похоронить его в надлежащий момент: когда кто-либо умрет весной или летом, ждут, пока трава и листья деревьев пожелтеют; когда кто-либо умрет осенью или зимой, ожидают всходов и цветения растений» (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 9).

Обряд трупосожжения сам по себе известен в Южной Сибири уже в начале таштыкской эпохи (Киселев, 1951, стр. 221; Кызласов, 1960б, стр. 76), он засвидетельствован многочисленными памятниками, безраздельно господствует на последующих сырском и уйбатском этапах этой эпохи (Кызласов, 1960б, стр. 117) и переходит к древним кыргызам. Таким образом, трупосожжение у тюрков-тугю также восходит к древнейшим местным традициям.

П о х о р о н ы. «Тогда выкапывают яму и погребают (пепел). В день похорон родственники снова приносят жертвы, ездят верхом (вокруг могилы) и царапают свои лица. Вся церемония повторяется вновь, как в день смерти. После похорон они складывают слоями (нагромождают) камни и ставят затем (памятный) столб (мачту); число камней соответствует, смотря по обстоятельствам, числу людей, которых умерший убил при жизни» (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 9).

Очевидно, что в обряде похорон трудно усмотреть что-либо чуждое степным скотоводческим народам и их древним обычаям.

С о о р у ж е н и е м е м о р и а л ь н о г о « х р а м а ». «На могиле сооружается помещение, в котором рисуется изображение мертвого и военные сцены из его жизни. Если умерший однажды убил человека, кладется один камень. При этом случается, что накладываются (нагромождаются) сотни, даже тысячи камней» (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 10, 500).

Описывая похороны Кюль-тегина, хронисты сообщают о повелении танского императора построить в честь умершего принца храм, высечь из камня статую и на стенах храма изобразить ратные подвиги умершего (Бичурин, I, 1951, стр. 276—277; Liu Mau-tsai, 1958, стр. 179, 228—229). Когда умер (734—735 гг.), отравленный своими придворными, хан Бильге, император Сюаньдзун написал следующее письмо.

«Дэнли кагану Тугю.

Дни и месяцы быстро протекали, и наступает время похорон (Бильге-хана). Как может найти покой мое сердце, полное боли и тоски? Ведь я (с умершим) был как отец с сыном, и наши симпатии с годами становились все крепче, я особенно печалился о нем, когда узнал, что выбрано место для похорон. Когда недавно прибыл Холиши сыгинь и просил о похоронных предметах, я ему все предоставил. Основанием этому служило то, что я (тем самым) хотел воздать (умершему) верностью и уважением. Поэтому я часто повторял траурные торжества и умножал подарки. . . Теперь я посылаю еще моего дядю (младшего двоюродного брата моего отца), генерала (Ли) Цзюана с особыми полномочиями выразить (тебе) соболезнование, и одновременно он должен наблюдать за похоронами и руководить ими. (Ли) Цзюан — старший в царской семье и уважается за свою преданность. . . Я посылаю (людей) соорудить (умершему) могильный камень и храм, чтобы

передать из поколения в поколение его пример и запечатлеть его заслуги. Для этого я приказал своему хронисту сочинить текст, и я лично его подписал . . . чтобы выразить (свою симпатию умершему) . . .» (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 376—377).

В этих сообщениях как бы подчеркивается, что строительство храмов на могилах знатных тюрок происходило по инициативе танского двора, представитель которого принимал активное участие в похоронной церемонии. Возникает сомнение: не заимствована ли эта процедура тюрками у танского двора. Однако вряд ли здесь было прямое заимствование. Хотя и трудно себе представить наличие строительных навыков и архитектурных традиций в среде кочевников, некоторые источники свидетельствуют, например, о том, что для одного из тибетских царей (VI в.) «знатым тюрком» была построена украшенная кохутри гробница (Кузнецов, 1961, стр. 24). Нельзя также забывать, что почти любой курган был первоначально каким-то примитивным архитектурным сооружением.

Участие посланников танской империи в обряде похорон можно объяснить дипломатическими соображениями. Среди тюрок в результате социально-экономических и военно-политических факторов усилилась общественная дифференциация. Родо-племенная аристократия стремилась закрепить свое господство всеми способами, в том числе и придавая новые, более пышные формы различным обрядам и церемониям, происходившим в честь представителей знатного рода. Танские дипломаты, прекрасно понимая выгоду политики противопоставления знати народу, естественно, прилагали максимум усилий, в первую очередь в областях более существенных, чем погребальная церемония, стремясь, однако, использовать любую возможность для проявления подобной инициативы. Думается, что именно так следует оценивать те заботу и внимание к такого рода событиям, которые нашли свое отражение в анналах.

Поэтому излишняя прямолинейность в оценке подобного рода факторов иногда может привести к ошибочному их истолкованию. Так, например, А. Д. Грач совершенно справедливо объясняет сооружение статуи Кюль-тегина как одну из дипломатических мер, предпринятых танским императором. И вместе с тем А. Д. Грач видит в этом факте проявление чуждого тюркам обычая. Уместно поставить вопрос: какой уважающий себя дипломат, не пожелав окончательно потерять доверие, пойдет на ломку старых традиций страны, в которой он аккредитован? Конечно, естественнее было бы использовать их для того, чтобы выразить уважение и одновременно в завуалированной форме проводить свои интересы.

Возможно, что ряд элементов в тюркском погребальном обряде появился под влиянием церемоний танского двора, но вместе с тем ни один из них не вносил существенных изменений в соб-

ственно тюркскую обрядовость, а их влияние оставалось в пределах формы, не затрагивая сущности самого обычая.

Так же, хотя и в противоположном направлении, можно объяснить другой факт, засвидетельствованный китайскими хрониками — сооружение статуй 14 князей Западного Края, установленных в знак победы над ними. Кстати, в изложении этого события вкралась фактическая ошибка.¹⁴ Конечно, в этом одиночном факте отражено какое-то заимствование также больше дипломатического характера, чем историко-культурного. Поэтому вряд ли здесь можно усматривать какое-то серьезное влияние тюрков на Китай. Интересно было бы проследить, каким военнополитическим событиям синхронны подобные «влияния». Представляется, что эти влияния проникали в периоды мирных отношений Китая с тюрками: причем, как известно, такие периоды — далеко не частое явление в истории Тюркского каганата. Но выяснение этого — задача историка, а не археолога.

Другое дело — взаимопроникновение культуры в тех областях, которые дают больше степеней свободы (утварь, одежда и т. п.). Но об этом будет сказано особо.

Попытка рассмотреть в самом общем виде происхождение древнетюркских изваяний приводит к убеждению, что они порождены очень древним кругом культовых представлений с довольно четко сложившимися канонами. Древнейшими носителями этих представлений были, вероятно, племена доскифского и скифского времени.

¹⁴ Волею случая или по невнимательности кого-то из исследователей (кто ошибся первый, установить трудно) в нескольких работах говорится об установке этих статуй у гробницы первого танского Тайцзуна. А. Д. Грач (1961, стр. 56) ссылается на В. А. Казакевича (1930, стр. 27), О. Мюнстерберга (1912, т. II, стр. 67) и Э. Шаванна (1904, стр. 38). В. А. Казакевич тоже ссылается на указанные работы Э. Шаванна и О. Мюнстерберга и на Г. Е. Грумм-Гржимайло (1926, т. III, стр. 63), который также черпает эти сведения у Э. Шаванна и О. Мюнстерберга. Видимо, первым ошибся О. Мюнстерберг, ибо он же спутал второго Тайцзуна, царствовавшего в 763—779 гг. (Egkes, 1957, стр. 116) с первым Тайцзуном (Ли Ши-минем), который царствовал в 627—649 гг. и о могиле которого идет речь. На самом же деле статуи были установлены не у гробницы Тайцзуна, а внутри одного из помещений императорского дворца, которое никакого отношения к гробнице не имеет (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 675). Приношу глубокую благодарность Л. Н. Меньшикову за любезный перевод китайского текста и его пояснение.

Глава 3

ХРОНОЛОГИЯ

При определении времени большинства рассматриваемых здесь каменных изваяний исходным считается их принадлежность древним тюркам, установленная уже давно по данным исторических источников, подтвержденных и археологическими исследованиями (Бартольд, 1897; Веселовский, 1915; Евтюхова, 1952; Грач, 1961; Jisl, 1960, и др.). Это положение позволяет подходить к изучаемой серии памятников с достаточно ограниченными хронологическими рамками, которые определяются периодом массового проникновения и активной деятельности древних тюрков на территории Семиречья, т. е. временем до того, как процесс этнической и культурной ассимиляции свивелировал своеобразие их культуры. Из этого, однако, вовсе не следует, что время распространения изваяний в Семиречье и на Тянь-Шане можно связать с временем первого появления здесь тюркоязычного населения. О первых переселениях собственно тюрков на рассматриваемую территорию существует специальная литература, в мнениях различных авторов нет единства, и разрешение этой проблемы — дело будущего. Понятие «культура древних тюрков» употребляется нами не в этническом, а чисто в археологическом смысле: имеется в виду комплекс памятников, которые носят вполне определенные черты: оградки, изваяния, балбалы, погребения с конем, сопровождаемые своеобразным инвентарем в виде поясных наборов, стремян, стрел и т. п. В результате многолетних археологических исследований установлено, что эта культура появляется в Семиречье и на Тянь-Шане не ранее VI в. (Бернштам, 1941, 1943, 1949, 1952; Кибиров, 1957; Зяблин, 1959; Кызласов, 1959; Агеева и Максимова, 1959; Кадырбаев, 1959; Шер, 1961, 1963б). Причем до этого времени на рассматриваемой территории неизвестны памятники, которые можно было бы генетически связать с культурой древних тюрков Центральной Азии. Резкое изменение облика погребальных комплексов и появление оградок с балба-

лами и каменными изваяниями в VI в. объясняются массовым проникновением в Семиречье и Тянь-Шань больших групп тюркских племен, связанным с созданием Первого Тюркского каганата, который затем раскололся на Восточный и Западный каганаты. Эти данные археологических исследований подтверждаются свидетельствами письменных источников. Так, в «Суйшу» под 600 г. упоминается тюркский Чуло-хан, который «... не имел постоянного местопребывания, а более жил в прежней Усуньской земле» (Бичурин, 1950, стр. 279).¹⁵ Сюан-Цзян, проезжая в 630 г. по Чуйской долине, отметил, что эти места находятся уже издавна во власти тюрков (Julien, 1857, стр. 9). Составленное на основе древних источников «Землеописание Китайской империи» также свидетельствует о том, что Семиречье и Тянь-Шань во второй половине VI в. уже были под властью тюрков (Бичурин, 1960, стр. 542, 546). В 565 г. Чач был захвачен каганом Истеми (Артамонов, 1962, стр. 134). Таким образом, установление нижней даты древнетюркских изваяний Тянь-Шаня и Семиречья — VI в. — вряд ли может быть поставлено под сомнение.

Для выяснения верхней даты приходится, к сожалению, пользоваться только косвенными данными. В X в. все шире распространяющийся ислам укрепляется и в Семиречье (История Киргизии, 1956, стр. 132). При новой религии еще продолжают бытовать изображения людей и животных (Дьяконов, 1947), но культовые живопись и скульптура почти сразу прекращают свое существование (Якубовский и Большаков, 1959, стр. 447). В этой связи представляется уместным напомнить, что многие из описанных выше статуй несут следы насильственного разрушения, причем это зачастую не просто уничтожение статуи или результат ее вторичного использования, а именно умышленная порча изображения путем сколов передней, лицевой части фигуры. Эти сколы во многих случаях сильно патинизированы, что свидетельствует об их древности. Возможно, здесь находит свое отражение борьба с «идолопоклонством» при проникновении ислама в кочевническую среду. Эти факты, а также и то, что в конце X в. Семиречье и Тянь-Шань составили первоначальное ядро государства Караханидов — ревностных сторонников ортодоксального ислама, позволяют предполагать, что на протяжении последующего столетия обычай установки каменных изваяний, носящий явно культовый характер, должен был постепенно исчезнуть. Следовательно, общая продолжительность бытования в Семиречье и на Тянь-Шане древнетюркских «каменных баб» может быть ограничена в рамках VI—XI вв., если расширить эти рамки для северных, степных

¹⁵ Перевод этого текста, сделанный Э. Шаванном, не расходится с переводом Н. Я. Бичурина (Chavannes, 1904, стр. 14). Локализация «Усуньской земли» на Тянь-Шане сомнений не вызывает.

районов, где распространение ислама было не так интенсивно до XII в.

Для более детального датирования древнетюркских каменных изваяний разработан метод сопоставления предметов, изображенных на них, с реальными вещами, обнаруженными при раскопках или другим образом. Впервые им воспользовался А. А. Спицын (1898). Широко применяется такая методика авторами специальных работ о каменных изваяниях (Евтюхова, 1952; Кызласов, 1960, 1964а; Грач, 1961). Степень ее совершенства и точности весьма относительна, поскольку время самих предметов далеко не всегда определяется надежно. Иногда продолжительность бытования отдельных форм вещей, например круглодонных чаш, превосходит по продолжительности период, в течение которого существовал обряд установки самих изваяний. К сожалению, никаким иным, более совершенным методом археология в данный момент не располагает.

Предметы, изображенные на статуях и имеющие значение для датировки, или, как их часто называют, реалии, можно сгруппировать следующим образом: оружие, украшения, сосуды.

Изваяния I типа ¹⁶

О р у ж и е. На изваяниях наблюдаются изображения мечей, сабель и кинжалов. Необходимо изложить критерии, которые позволили отделить изображения мечей от изображений сабель. Специальные исследования по истории раннесредневекового оружия убедительно показывают, что искривленная сабля появилась в кочевнической среде не ранее начала VII в., одновременно со стременами, и сыграла значительную роль в дальнейшем совершенствовании конного строя и тактики (Корзухина, 1950; Мерперт, 1955). До этого времени главным оружием всадника был меч. Для нас в данном случае большое значение имеет тот факт, что сабля вообще неизвестна ранее VII в., что позволяет нам внутри большой группы изваяний с оружием выделить относительно ранние фигуры — с изображениями мечей и более поздние — с саблями. Схематичность и условность многих изображений заставляют в ряде случаев быть весьма осторожным с заключениями. Общепринятые признаки — изгиб клинка, некоторый угол оси клинка по отношению к оси рукоятки — далеко не всегда могут быть прослежены со всей очевидностью; такие же признаки, как однолезвийность, вообще не могут быть установлены. Это заставляет нас искать другие критерии при определении типа оружия. Таковыми можно считать форму и размер рукоятки, некоторые особенности перекрестия, ширину клинка. Наблюдения над средневековым оружием по коллекциям Государственного

¹⁶ См. классификацию в предыдущей главе.

Эрмитажа показывают, что рукоять сабли всегда значительно короче, чем рукоять меча, так как сабля берется одной рукой и рубить ею удобно только при условии, если рука очень плотно охватывает рукоять. Поэтому длина рукояти сабли всегда не превышает средней ширины ладони и очень часто имеет ребристую насечку для удобства держать саблю в руке. Что касается меча, то он в бою часто брался двумя руками и поэтому его рукоять должна быть в связи с этим значительно длиннее. Клинок сабли всегда уже, чем клинок меча. Навершие рукояти у сабли часто имеет выступ в сторону острого края лезвия, в то время как у меча навершие выступает в обе стороны равномерно. Существенные отличия имеются и в способе ношения меча и сабли. Меч носился в ножнах на перевязи и висел под близким к прямому углом к поясу. Об этом свидетельствуют не только наблюдения над средневековым оружием, но и раннесредневековые изображения всадников и пеших воинов с мечами, относящиеся к IV—VI вв., по предметам так называемой сасанидской торевтики (Смирнов, 1909, рис. 52, 56—58, 60, 308; Орбели и Тревер, 1935, рис. 8, 9, 11, 15; SPA, 1938, IX, рис. 213, 229б, 230а) и по другим памятникам изобразительного искусства раннего средневековья, например на рельефах Так-и-Бустана (SPA, 1938, табл. 163).

Способ ношения сабли резко отличается от способа ношения меча. Это, конечно, объясняется в первую очередь иным назначением сабли и вызвано потребностью быстро и удобно выхватывать саблю из ножен и в максимально короткий срок изготовиться для нанесения рубящего удара. В связи с этим сабля носилась под значительным углом к поясу, часто почти параллельно ему. Это хорошо видно, например, на блюде с «согдийским всадником» (Смирнов, 1909, стр. 61; Орбели и Тревер, 1935, рис. 1).

Исходя из вышеперечисленных критериев, представляется возможным выделить три¹⁷ изваяния с явными изображениями мечей, отнести их к раннему периоду древнетюркской скульптуры и датировать VI в.¹⁸ Изображения других предметов на этих фигурах не противоречат такой датировке. Так, например, кубок изваяния № 43 находит себе аналогии в росписях Балалык-тепе, относящихся к VI в. (Альбаум, 1960, стр. 179). Серьги с шаровидными подвесками известны в VI в. и позднее в могильнике Кудыргэ (Руденко и Глухов, 1927, стр. 41), а также в ранних аварских погребениях Венгрии (Laszlo, 1955, табл. II).

С а б л и и к и н ж а л ы наблюдаются на изваяниях №№ 1, 2, 4, 5, 6—13, 15—27, 29—60. Рассмотрим сначала изваяния №№ 9, 17 и 35. Большое значение для их датировки имеют формы рукоятей сабель, которые на них изображены. Особенно интересны

¹⁷ №№ 38, 43, 51 (см. приложение I).

¹⁸ К этому же времени, очевидно, относится одно из изваяний Тувы. опубликованное Л. Р. Кызласовым в Вестнике МГУ. № 1, 1960, стр. 65.

навершия в виде слегка сплюснутой овальной петли. Сабли с такими рукоятями в кочевнических древностях евразийских степей встречаются довольно редко. На территории нашей страны такая сабля известна в единственном числе среди вещей Перецепинского клада (МАР, 34, 1914). Правда, петлевидное навершие здесь обломано, но его легко реконструировать по металлической обкладке, в которую оно было вправлено. В значительном количестве сабли с такими рукоятями встречаются в аварских курганах на территории Венгрии. Для некоторых из этих могильников такая форма оружия может быть признана типичной. Время перецепинской сабли и упомянутых аварских могил определено с достаточной убедительностью, это VII в. Несомненная аналогия в форме рукоятей сабель позволяет датировать наши изваяния временем не позднее VII в., ибо вряд ли в Восточном Казахстане они могли появиться позднее, чем в степях Придунавья.

Такое совпадение в форме наверший заставляет нас более внимательно отнестись к другим изваяниям, на которых изображены сабли и кинжалы с навершиями в виде петли. Правда, здесь они не настолько явно выражены, как это было на фигурах, рассмотренных выше. Однако в инвентаре кочевнических погребений неизвестны другие формы оружия с петлевидными навершиями, что позволяет, хотя и с меньшей долей очевидности, отнести все изваяния с изображениями такого вида оружия к VII в. Датировка других предметов, изображенных на перечисленных выше фигурах, не противоречит этому. Изображения сабель, кроме рассмотренных выше, не выходят за пределы форм, известных нам по археологическим исследованиям, а также по изображениям оружия на аналогичных изваяниях Южной Сибири и Монголии (Евтюхова, 1952; Кызласов, 1960; Грач, 1961). Вряд ли есть необходимость подробно на этом останавливаться, поскольку аналогичный анализ для изваяний Южной Сибири и Монголии уже проделан в указанных выше работах Л. А. Евтюховой, Л. Р. Кызласова и А. Д. Грача. Все, что касается датировки сабель, вполне может быть распространено и на изваяния Тянь-Шаня и Семиречья.

Сосуды. Кубки на ножке изображены на изваяниях №№ 1—3, 5, 7—9, 13, 16—20, 23, 26, 29, 30, 34, 37, 38, 40, 41, 43, 48, 50, 53, 61, 72, 74 и др. Их форма неодинакова, однако все это разные варианты широко распространенной формы кубка, восходящей, по мнению некоторых авторов, к «традиционным персидским прототипам» (Gyllensvärd, 1958, стр. 65). Часто такие кубки обнаруживаются в комплексах, датируемых VI—VII вв. (МАР, 34, 1914, табл. 12, 23; Тревер, 1947, стр. 130; Laszlo, 1955, табл. I). Нельзя также не обратить внимания на многочисленные изображения таких кубков в настенной живописи раннего средневековья, относящейся также к рассматриваемому времени (Альбаум, 1961, стр. 179). Вероятно, не только

Иран, но и Средняя Азия могла быть поставщиком такой посуды. Вместе с тем некоторые кубки, очевидно, изготовляли на месте, копируя привозные образцы.

Хотя никто из исследователей не пишет об этом прямо, везде подразумевается, что на каменных изваяниях изображаются металлические кубки. Вряд ли в культовых пиршествах употреблялась глиняная посуда, не имевшая особой ценности. В неоднократно цитировавшихся выше работах Л. А. Евтюховой и А. Д. Грача изображения сосудов на каменных изваяниях уже были объектом специального исследования. Они были подвергнуты классификации, которую вряд ли можно назвать хронологической, однако в то же время предложить что-либо более эффективное сейчас трудно. Дело в том, что большинство кубков и сосудов, берущихся в качестве аналогий, происходит из случайных находок и, конечно, не может служить основой для более или менее четкой хронологической шкалы. Датировка групп сосудов, предложенная Л. А. Евтюховой и использованная А. Д. Грачом, соответствует современному состоянию наших знаний и может быть вполне принята, правда с некоторыми уточнениями и дополнениями, которые уже относятся к изваяниям Тянь-Шаня и Семиречья.

Обращают на себя внимание различия в преобладающих формах сосудов между изваяниями Южной Сибири и Монголии, с одной стороны, и изваяниями Тянь-Шаня и Семиречья — с другой. Рассмотрим отношение количества изваяний с изображением кубков на ножке к общему числу изваяний с сосудами вообще.

	С кубками на ножке	С другими сосудами	Всего с сосудами
Семиречье	57	79	136
Южная Сибирь	9	70	79
Всего	66	149	215

Нетрудно доказать, что эти различия очень значимы (Урбах, 1963, стр. 264) и что в дальнейшем в Южной Сибири, например, на каждые вновь обнаруженные 100 изваяний с изображениями сосудов будет приходиться не более 13 изваяний с кубками на ножке; в то же время в Семиречье на каждые 100 новых изваяний с сосудами будет приходиться не менее 39 с кубками на ножках.¹⁹ Если вспомнить, что эти формы сосудов ведут свое происхождение

¹⁹ Расчет сделан на основе правил сравнения двух вероятностей (Ван дер Варден, 1960, стр. 54—58).

ние из Персии (Gyllensvärd, 1958) и, вероятно, из Согда, то становится ясно, что преобладание на семиреченских изваяниях кубков на ножке — результат тесной связи с оседло-земледельческим населением Средней Азии.

Кубки «уйбатско-копенского» типа ²⁰ встречаются на очень многих изваяниях из Южной Сибири (Евтюхова, 1952; Грач, 1961) и на некоторых статуях из Семиречья (см., например, №№ 11, 21, 32, 33). Датировка металлических и керамических сосудов подобной формы довольно определена — VII—VIII вв. (Мелиоранский, 1902, стр. 17—22; Евтюхова, 1948, стр. 40—52; Кызласов, 1959а, стр. 212; Распопова, 1960, стр. 144—147).

Ук р а ш е н и я. Серьги (№№ 3, 8, 9, 15, 17—19, 21, 23, 25, 28, 29, 32, 35, 39, 40, 44, 50, 53, 72, 73 и др.) воспроизводят широко известную форму серег с шаро- или каплевидными подвесками и датируются VI—VIII вв.

Таким образом, если отдельные группы вещей не дают четкой датировки, то весь комплекс предметов, показанных на рассмотренных изваяниях I типа, особенно изображения наверший сабель и кубков, позволяет выделить некоторые фигуры VII в. из всей совокупности изваяний, датируемых более широко — VI—VIII вв. К этому времени может быть отнесено наибольшее количество статуй четырех первых иконографических групп (рис. 15).

Изваяния II типа

Изваяния II типа значительно труднее распределить хронологически, чем предыдущие, прежде всего потому, что, за исключением невыразительных сосудов, здесь почти не изображены датирующие предметы. Поэтому и обоснование датировки изваяний II типа соответственно слабее. Интуитивно чувствуются хронологические различия, но доказать их каким-то объективным образом почти невозможно. Высказанные здесь больше в форме догадок, чем научных рассуждений, соображения станут несколько яснее и убедительнее при чтении главы 4, раздела, который касается семантики изваяний II типа.

Изваяния II типа, вероятно, появились значительно раньше древнетюркских, какое-то время сосуществовали с ними, а затем пережили их и получили дальнейшее развитие в монументальной скульптуре кочевников Поволжья и южнорусских степей (рис. 15).

Древний, дотюркский период в скульптуре этого типа выделить пока не удастся, хотя в его наличии можно не сомневаться.

Некоторые изваяния II типа имеют детали, свидетельствующие об их синхронности древнетюркским статуям. Это прежде всего отдельные изображения сосудов №№ 139, 140, 144,

²⁰ Условное название кубков с петлевидной ручкой, аналогичных найденным в Уйбатском и Копенском чаатасах.

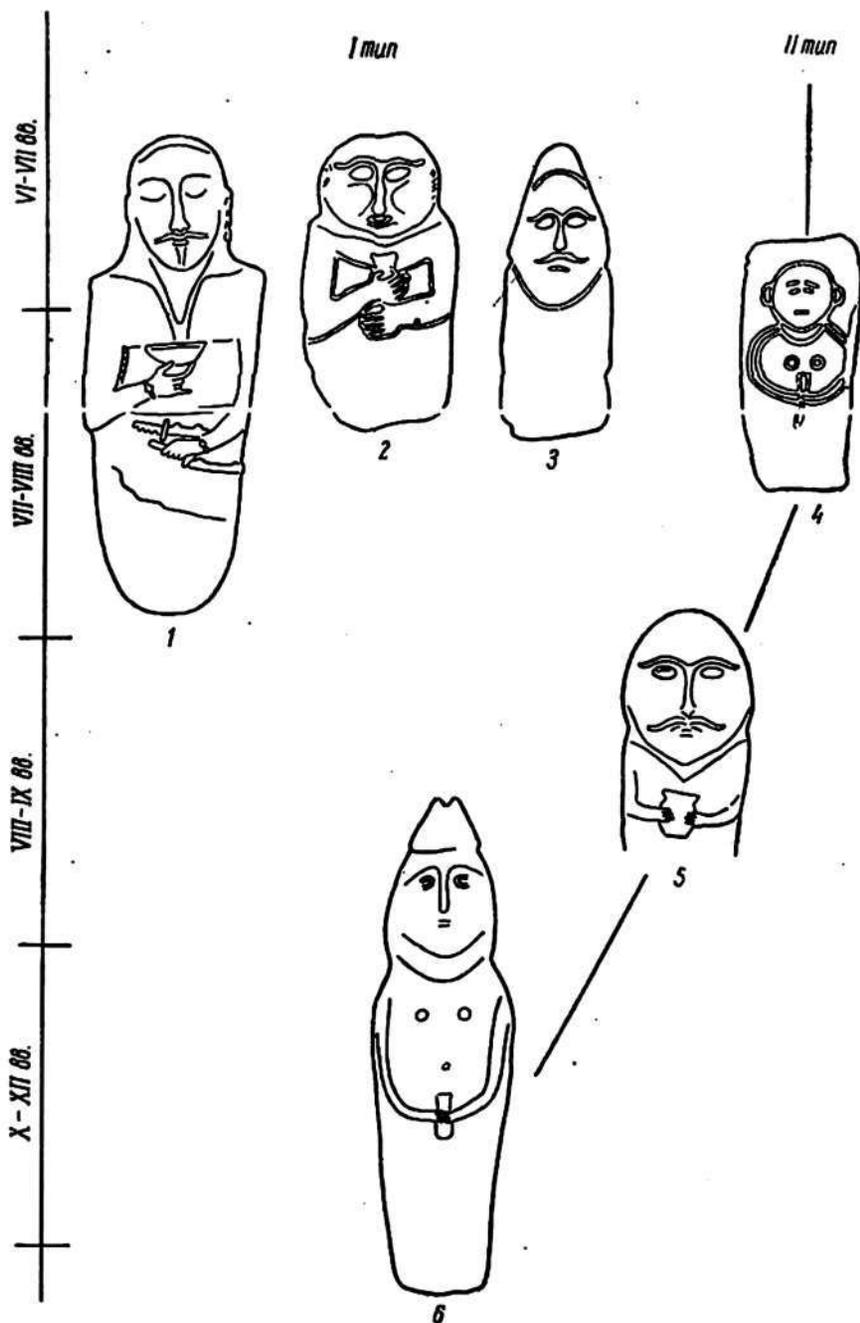

Рис. 15. Схема хронологии каменных изваяний Семиречья.

145.²¹ Затем наблюдается ряд стилистических аналогий. Например, стилизованное изображение бровей заметно на изваяниях №№ 136—138, 143, 144, и др. Исследования подобных по иконографии южносибирских изваяний с более выразительными деталями позволяют датировать перечисленные выше фигуры VIII—IX вв. (Кызласов, 1960, стр. 153; Грач, 1961, стр. 67). Одна из таких фигур имеет на спине надпись (Евтюхова, 1952, стр. 95, рис. 42). В связи с пересмотром датировки памятников енисейской письменности эта надпись и само изваяние отнесены ко второй половине IX в. (Кызласов, 1960в). Правда, нельзя считать доказанным, что надпись одновременна статуе, но и оспаривать датировку Л. Р. Кызласова пока нет оснований.

Особый интерес представляет группа изваяний, обнаруженных у памятника, связываемого народной легендой с эпическими героями Козы-Корпеш и Баян-Слу (Абрамов, 1858, 1858а; Баранов, 1899; Кастанье, 1910). Головные уборы изваяний, стилистические особенности, детали одежды и, наконец, общий изобразительный канон не оставляют никаких сомнений в непосредственной близости их к южнорусским «каменным бабам» не только по стилю, но и по времени. Что же касается сооружения, с которым они связаны, то сооружение подобной формы известно в Восточной Монголии и датируется X—XII вв. (Jisl, 1960, стр. 21, рис. 16; Вяткина, 1959). Показательно, что и статуи у памятника Козы-Корпеш постигла участь многих других. Еще в первой половине прошлого века они находились внутри упомянутого сооружения (Левшин, 1832, стр. 205). Впоследствии их вытащили отсюда и разбили.

В заключение следует отметить, что датировка каменных изваяний на основе довольно устаревшей методики не может претендовать на точность и безошибочность. Вместе с тем эта методика апробирована в других подобных работах и дает некоторое представление о хронологии рассматриваемых памятников. Нужно надеяться, что она будет исправлена в будущем с помощью каких-то более совершенных методов.

²¹ Отметим, что в Южной Сибири значительно больше статуй II типа с изображениями явно древнетюркских сосудов (Евтюхова, 1952, №№ 19, 36, 37, 40, 42, 43, 44, 50, 52, 56, 62 и др.).

Глава 4

СЕМАНТИКА

Далеко не всегда ясность в вопросах смысла и назначения каменных изваяний возрастала пропорционально количеству напечатанных трудов, посвященных этим памятникам. Такое положение, почти господствовавшее до открытия орхонских памятников в Монголии (1889 г.), было довольно четко охарактеризовано Н. И. Веселовским: «Чем больше археологи писали об этом предмете, тем сильнее разыгрывалась их фантазия, а вопрос затемнялся в высшей степени» (Веселовский, 1915, стр. 22).

Дешифровка древнетюркских рунических текстов, помимо того, что это само по себе было выдающимся открытием, имела весьма важное значение и для понимания и объяснения «каменных баб», поскольку некоторые из каменеписных памятников были обнаружены в одном комплексе с изваяниями. После привлечения новых источников к разгадке тайны «каменных истуканов» сложилась определенная традиция их толкования, основанная на сведениях древнетюркских текстов и танских официальных хроник.

В нескольких древнетюркских текстах были обнаружены упоминания о камнях-балбалах. Их удалось отождествить с вершинами каменных столбиков, вытянутых на восток от оградки с изваянием или от храмового комплекса орхонского типа.²² На некоторых из таких столбиков были даже соответствующие надписи, например: «. . . балбал Сабра таркана», «Это каменный балбал шада толесов» (Малов, 1959, стр. 11; Радлов и Мелиоранский, 1897, стр. 45). После такого удачного отождествления понятие «балбал» распространилось на каменные изваяния вообще. Поскольку балбалы, судя по текстам, олицетворяют врагов, убитых или побежденных тем человеком, в честь которого воздвигнут памятник, а ряду балбалов часто предшествует извая-

²² Вероятно, первыми, кто сделал это отождествление, были В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский (1897, стр. 9).

ние, то и об изваяниях стали говорить, как об изображениях врагов.

Вместе с тем в китайских официальных хрониках при описании погребального обряда тюрков-тугов упоминается сооружение в здании при могиле «нарисованного облика покойного» или «каменного знака» (Бичурин, I, 1950, стр. 230; Liu Mau-tsai, 1958, стр. 9; Итс, 1958, стр. 102). В другом месте, повествуя о похоронах принца Кюль-тегина, хронист пишет о сооружении его (Кюль-тегина) статуи (Бичурин, I, 1950, стр. 277; Liu Mau-tsai, 1958, стр. 179). Эти сведения позволяют отождествлять каменные изваяния не с врагами, а с самими тюрками.

Недостатки археологической методики изучения семантики каменных изваяний и противоречивость данных письменных источников привели к тому, что были высказаны разные гипотезы: спор между их сторонниками велся в основном в филологическом плане (как понимать то или иное место текста, то или иное слово). При этом некоторые участники дискуссии, не зная языков источников, ссылаются на те лингвистические авторитеты, которые им кажутся более солидными, но разногласия есть и среди самих лингвистов. В связи с этим представляется целесообразным и даже необходимым рассмотреть вопрос о семантике именно на основе археологической классификации материала, дополняя и корректируя полученные выводы данными текстов.

Прежде всего следует остановиться на двух имеющихся гипотезах.

Гипотеза I. Изваяния-балбалы изображают наиболее могущественных врагов, убитых или побежденных при жизни знатным тюрком. Установив изображение врага на могиле или у поминального сооружения, близкие и родственники покойного обеспечивали ему тем самым служителя в загробном мире (Бартольд, 1897; Веселовский, 1915). Развивая и обосновывая дальше гипотезу I, А. Д. Грач попытался показать, что этот обряд носил и определенную социально-политическую окраску. Изваяния, поставленные на оживленных караванных путях из Китая в Южную Сибирь и на Запад, должны были служить воплощением силы и мощи тюркского каганата и устрашать его потенциальных врагов (Грач, 1961, стр. 92). Следует отметить, что если В. В. Бартольд и Н. И. Веселовский признавали слабые стороны своей гипотезы, в частности то, что ею невозможно объяснить семантику некоторых групп фигур, то А. Д. Грач в своих суждениях более категоричен и считает, что иного объяснения древнетюркских статуй Тувы²³ быть не может (Грач, 1961, стр. 76—77).

²³ Мнение В. В. Бартольда и Н. И. Веселовского распространялось на все древнетюркские изваяния. А. Д. Грач рассматривает в своей работе только те «каменные бабы», которые найдены в Туве, и соответственно с этим не распространяет свое мнение на изваяния соседних областей. Вместе с тем нельзя забывать, что тувинские статуи, несомненно, принадлежат к более

Гипотеза II. Большинство каменных статуй изображали самих тюрок и устанавливались на могилах или на местах ритуального сожжения праха покойного (Клеменец, 1895; Казакевич, 1930; Массон, 1949, 1951, 1953; Киселев, 1951; Евтюхова, 1952; Бернштам, 1952, 1954; Потапов, 1953; Гумилев, 1959; Кызласов, 1960, 1964, 1964а). Если первая гипотеза исключает возможность иного истолкования каменных изваяний, кроме как изображения врагов, то вторая допускает двойное объяснение: «Они могли быть как изображениями портретного характера, воспроизводящими похороненного, так и изображением обобщенным, воспроизводящим его слугу в потустороннем мире» (Бернштам, 1952, стр. 143). Обе гипотезы не исходят из какой-либо четкой классификации самих памятников, а базируются на данных письменных источников.

Проверка существующих гипотез

Гипотеза I строится на сведениях древнетюркских рунических текстов и подкрепляется рядом историко-археологических доводов.

Рассмотрим конкретные данные. Кроме тех отрывков, в которых упоминается слово «балбал», в древнетюркских текстах нет больше мест, которые можно было бы так или иначе привлечь к истолкованию смысла «каменных баб» как изображений поверженных врагов. Выдержки о балбалах следующие.

1. Памятник в честь Кюль-тегина. «В честь моего отца-кагана во главе (вереницы могильных камней) поставили „балбалом“ (изображение) Баз-кагана. . .» (скобки и кавычки С. Е. Малова, — Я. Ш.; Малов, 1951, стр. 38).

2. Третий памятник с Уйбата. «Для красивого памятного здания тюркский ханский „балбал“ среди народа (государства) — девять героев, следуя друг за другом, и сыновей героев, поставив (все это) вместе (сгрудив), он выбрал доблестному моему начальнику» (Малов, 1952, стр. 63).²⁴

3. Пятый памятник с Уйбата. «Камень — балбал Кашука пограничной земли тепла» (Малов, 1952, стр. 65).

4. Онгинский памятник. «Их героев-мужей он поставил балбалами. . .» (Малов, 1959, стр. 10).

5. Там же, особый камень. «Балбал Сабра таркана» (Малов, 1959, стр. 11).²⁵

широкому кругу древнетюркской скульптуры и выводы относительно тувинских статуй независимо от воли автора выходят за пределы территории Тувы.

²⁴ Перевод В. В. Радлова несколько отличается (Radloff, 1895, стр. 339—346).

²⁵ Между прочим, из предыдущего текста, где упоминается имя Сабра таркана, не следует, что это был враг того человека, в честь которого соору-

6. Памятник хану Могильяну. «Когда мой старший сын умер от болезни (от раны?), я поставил [ему] балбалом Куг-сеягуна» (Малов, 1959, стр. 23).

7. Там же. «. . . их витязей убив, я приготовил (себе) балбалов» (Малов, 1959, стр. 23).

8. «Это каменный балбал шада толесов» (Радлов, Мелиоранский, 1897, стр. 45).

Ознакомившись с отрывками, в которых фигурирует слово «балбал», поставим вопрос: каково значение этого термина и на каком основании понятие «балбал» отождествляется со всеми каменными изваяниями?

Вообще со словом «балбал» в археологической литературе связана значительная путаница. В одних работах оно означает только могильные камни, иногда грубо обработанные в виде антропоморфных стел (см., например, Евтюхова, 1952, стр. 115—116). В других — балбалами называются каменные изваяния. В третьих — под балбалами понимается и то и другое (Бернштам, 1952, стр. 78; История Киргизии, 1956, стр. 80). Поэтому полезно обратиться к данным тюркологии. Первые переводчики рунических текстов весьма осмотрительно толковали смысл слова «балбал», допуская возможность переводить его как «камень или каменная фигура» (Радлов, Мелиоранский, 1897, стр. 20). Впоследствии С. Е. Малов, несомненно под влиянием археологов, написал в своем словаре: «balbal — статуя, каменная баба» (Малов, 1951, стр. 368), хотя ни в одном из древнетюркских текстов нет ни одного прямого или косвенного указания на то, что балбал можно отождествить с каменным изваянием. Этот хотя и негативный, однако очень важный момент почему-то не принимается во внимание сторонниками гипотезы I. Слово «изображение» и фраза «вереница могильных камней» в тех местах, где они приводятся, взяты в скобки, что указывает на смысловую реконструкцию текста переводчиком.²⁶

Во всех остальных случаях, когда в надписи встречается слово «балбал» (Малов, 1951, стр. 39; 1952, стр. 52, 63, 65; 1959, стр. 10), нет повода к тому, чтобы объяснить его как обозначение каменной статуи. В одном же месте говорится прямо, что это камень (Малов, 1952, стр. 65).

жен памятник (Малов, 1959, стр. 10). В этой связи можно высказать догадку, что балбалы могли обозначать не только изображения врагов, но и знаки жертвоприношения. Сколько было принесено таких жертв, столько было установлено балбалов. Но это, конечно, пока только догадка.

²⁶ Даже если согласиться с правоммерностью таких вставок (это вопрос лингвистический, в котором автор не считает себя компетентным), то изображение во главе вереницы камней не может быть поставлено в однозначное соответствие с каменным изваянием. Под «изображением» можно понимать и грубую антропоморфную стелу, и любой иной столб из дерева или другого нестойкого материала, быстро разрушившегося.

Очевидно, нельзя, не имея достаточно твердого представления о том, что есть «балбал», подводить под это понятие целую серию памятников, да еще и неоднородных, как это показала классификация.

Рассмотрим историко-археологические доводы в пользу гипотезы I (применительно к материалам Тувы).

а) Прическа, изображенная на ряде каменных фигур, не соответствует той тюркской прическе, которая описывается в китайских хрониках. Тувинцы называют каменные изваяния к и ж и к о ж э э — человек косатый (т. е. с косой), что позволяет предполагать наличие косы на всех изваяниях и воспринимать это название как обобщенное наименование памятников чуждой этнической принадлежности.

б) На нескольких изваяниях изображены коленчатые кинжалы так называемого «уйбатского» типа, характерные только для кыргызов.

в) Лица древнетюркских статуй имеют явно подчеркнутую монголоидность, что является признаком, чуждым древним тюркам.

г) В тувинском эпосе сохранилось несколько сюжетов, где речь идет о железных и иных изваяниях, используемых как мишени при стрельбе из лука во время состязаний. В одном случае упоминается об изваянии богатыря, сраженного в поединке другим богатырем.

д) В фольклоре селькупов зафиксирован обычай устанавливать трупы побежденных врагов по обе стороны дороги, по которой они пришли. В фольклоре кетов имеются упоминания об изображениях побежденного врага, вырезанных на дереве.

е) Свидетельство Ибн-Фадлана об обычае тюрков-огузов вырубать из дерева изображения людей, убитых при жизни покойником, и помещать их на его могилу (Грач, 1961, стр. 69, 78—89).

При внимательном изучении материала эта весьма развернутая аргументация более убедительна в своей комментаторской части, чем в фактической. Рассмотрим последовательно каждый довод.

а) На изваяниях изображены разные прически. Встречается и одна коса. Вместе с тем нередки изображения 5—8 тонких косичек (см. приложение I, 1), что вполне соответствует описанию тюркской прически, приведенному в китайских хрониках (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 8, 494).

б) Ареал коленчатых кинжалов достаточно широк, на что, например, указывает А. Д. Грач (1961, стр. 79). Уже поэтому коленчатые кинжалы не могут быть твердым признаком кыргызской этнической принадлежности. Это тем более очевидно, что они изображены на очень многих изваяниях Тянь-Шаня (см. приложение), где нет памятников енисейских кыргызов (Кызласов, 1959; Зяблин, 1959; Шер, 1963б).

в) Монголоидность не может быть чуждым признаком для людей, этногенез которых шел в области распространения монголоидной расы. Монголоидность тюрков наряду с наличием значительного числа европеоидных черт, воспринятых от племен, с которыми тесно соприкасались тюрки, засвидетельствована специальными антропологическими исследованиями (Гинзбург, 1960, стр. 10).

г) Очень интересные в этнографическом плане фрагменты тувинского эпоса, в которых упоминаются изваяния, служащие мишенью для стрельбы из лука, прямого отношения к проверяемой гипотезе не имеют. В этом нетрудно убедиться, прочитав сами отрывки.

1. «... победит тот, чья стрела пролетит через дырку лисьей лопатки и через ушко серебряной иголки, подождет кучу дров, привезенных на ста быках, попадет в голову железного изваяния и раздробит ее» (Гребнев, 1960, стр. 50).

2. «Надо стрелять так, сын мой, чтобы прострелить ушко большой иголки, прострелить дырочку лопатки, отстрелить по среднему суставу трехсуставное растение дересу, срезать железное намогильное изваяние и чтобы из кучи дров, привезенных на тридцати быках, сделалась мука (пыль)» (Грач, 1961, стр. 87).

3. «... отстрелить в поясице шесть намогильных изваяний» (там же).

4. «Убил силача Темир Моге и, так как говорят, что семья доброго воина не прерывается, поставил каменное изваяние, чтобы было памятником будущим поколениям (потомкам)» (Гребнев, 1960, стр. 49).

Очевидно, что ни в одном случае нет оснований, не нарушая законов логики, видеть в этих изваяниях изображения именно врагов. Это заключение усиливается тем, что к тюркскому времени относится только формирование тувинского героического эпоса, который в последующие эпохи претерпел многие изменения и дошел до нас со значительными переосмыслениями своих образов и содержания (Гребнев, 1960, стр. 51).

д) В общем то же возражение относится и к привлечению данных селькупского фольклора. Установка трупов побежденных врагов на видных местах — обычай, достаточно широко распространенный в пространстве и времени. Достаточно вспомнить расправу с участниками восстания Спартака. Но какое отношение имеет этот обычай к объяснению древнетюркских каменных изваяний как изображений врагов? Иное дело — рассказ об изображении побежденного врага в кетском фольклоре. Это уже ближе к описываемому в древнетюркских текстах обряду.

е) Свидетельство Ибн-Фадлана, безусловно, является веским аргументом в пользу того, что и восточные тюрки могли устанавливать изображения убитых врагов на могиле своего соплеменника. Но ни этот, ни какой-либо другой из перечисленных выше

доводов не позволяет относить к категории балбалов все древнетюркские изваяния.

Таким образом, из гипотезы I следует взять для дальнейшей работы ее рациональную часть: тот неоспоримый факт, что на могиле или на месте сожжения праха покойного тюрка устанавливались камни-балбалы и что некоторые из них могли иметь вид грубых антропоморфных стел. Объяснение же всех остальных каменных изваяний как изображений врагов критики не выдерживает.

Гипотеза II базируется на сведениях китайских официальных хроник «Тан-шу» и более ранних «Чжоу-шу», «Бэй-ши» и «Суй-шу». Исследователи каменных изваяний пользуются этими источниками главным образом в переводах на русский (Бичурин, 1950—1953), французский (Chavannes, 1903) и немецкий (Liu Mau-tsai, 1958) языки. Как уже отмечалось выше, китайские летописцы приводят рассказ о погребальном обряде тюрков-тугю, где, в частности, говорится: «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи» (Бичурин, 1950, I, стр. 230).

Очевидно, что наряду с упоминанием балбалов, олицетворяющих убитых врагов, речь идет еще и об изображении самого умершего. Сооружение посмертной статуи упоминается еще в китайских хрониках при описании похорон принца Кюль-тегина (Бичурин, 1950, I, стр. 277; Liu Mau-tsai, 1958, стр. 179). Эти сведения письменных источников подтверждаются археологическими раскопками. В конце прошлого века открыт памятник Кюль-тегина, а совсем недавно, при его раскопках, обнаружена голова и другие обломки упомянутой статуи (Jisl, 1960, см. выше).

Любопытна еще одна деталь. «Когда один из них умирает, труп ставится (разрядка моя, — Я. Ш., почему ставится, а не кладется?) на возвышении в юрте» (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 9). Может быть, уже труп устанавливался в такой же позе, в какой затем было сделано изваяние?

В качестве подкрепляющих доводов небезынтересно указать на некоторые места из киргизского героического эпоса «Манас». Отрывки эти по своему содержанию явно восходят к древней, домусульманской части эпоса.

Старый Кокетей, умирая, завещает:

«... Останется моя вдова,
Моя любимая Кюлаим.
Перед изображением моим
День и ночь пусть не сидит,
Глаза слезами не слепит...»
(Манас, 1960, стр. 50).

На похоровах Манаса мастер Бакай

«. . .срубил тополевый ствол.
Приложил старание он.
Высек изваяние он:
Под его рукам возник
Деревянный Манаса двойник!
Как у Манаса, руки его,
Как у Манаса, ноги его,
Даже глаза похожи его!»

(Манас, 1960. стр. 302).

В отличие от гипотезы I критика гипотезы II затруднительна прежде всего в силу ее более правдоподобного характера. Установка статуарного изображения умершего на могиле или мемориальном сооружении вполне согласуется с общечеловеческими представлениями об этой стороне культурной жизни и широко представлена на всем протяжении истории самых разнообразных по уровню цивилизации народов. Гипотеза II не противостоит гипотезе I, а включает в себя последнюю как частный случай, ибо не отрицает паличья камней-балбалов, изображающих врагов. Правда, и в ней имеются слабые места.

Использование переводов, а не китайских подлинников может вызвать сомнение в точности фраз. Такое сомнение высказал А. Д. Грач относительно первого отрывка в переводе Н. Я. Бичурина. Р. Ф. Итс по просьбе А. Д. Грача сделал контрольный перевод отрывка (Итс, 1958, стр. 102). После этого стало ясно, что следует читать не «нарисованный облик покойного», а «каменный знак». Имеет ли это уточнение принципиальный характер? А. Д. Грач пишет: «Контрольное сравнение текстов окончательно исключает, на наш взгляд, возможность привлечения китайских источников для доказательства того, что статуи являются изображением знатных тюрок, лишая тем самым сторонников этой концепции (гипотеза II, — Я. III.) главного и единственного аргумента» (Грач, 1961, стр. 77). Если бы этот аргумент действительно был единственным, то, возможно, гипотезу II было бы значительно труднее отстаивать. Но, как показано выше, рассмотренный отрывок является не только не единственным, но и не главным аргументом в пользу гипотезы II. Что же касается уточнения, сделанного при контрольном переводе, то его недостаточно для того, чтобы отвергнуть факт изготовления каменного изваяния умершего, которое могло быть изготовлено различной техникой, в том числе и такой, которую можно назвать «рисованием», т. е. контурным резным рисунком.²⁷

Второе слабое место рассматриваемой гипотезы заключается в отсутствии четкой классификации. Почти все сторонники гипотезы II полунитивтивно представляют себе, что изваяния должны были изображать самих тюрок и вместе с тем некоторые из них

²⁷ Все эти вопросы подробно рассмотрены Л. Р. Кыласовым (1964а).

могли изображать врагов. Однако конкретных признаков, по которым можно было бы отличать первые от вторых, указать не удалось, поскольку не было классификации.

Вместе с тем гипотезу II как исторически и логически правдоподобное объяснение следует оставить в основе дальнейшего семантического анализа, построенного на изложенной в первой главе классификации.

Поскольку исходным моментом является классификация, рассуждения будут строиться примерно по следующей схеме: а) установлены такие-то факты; б) предлагается гипотеза, объясняющая эти факты; в) проверка гипотезы на согласованность с другими, независимыми от классификации фактами.

Классификация (см. главу 1) позволила подразделить все учтенные памятники на два типа. В соответствии с таким подразделением целесообразно вести и дальнейшее рассмотрение семантики.

Семантика изваяний I типа

Изваяния I типа удалось подразделить на 4 группы по определенным признакам. Первый вопрос, на который необходимо ответить, — не являются ли установленные различия случайными, отражают ли они определенные закономерности? Иными словами, мы будем проверять гипотезу о случайном характере установленных различий. Для большей убедительности проверку следует произвести на основе разных независимых признаков: 1) способ установки изваяний, 2) их средняя высота.

1. Способ установки. Наиболее полные данные об установке изваяний *in situ* приведены в работе А. Д. Грача (1961) и менее полные — в работе Л. А. Евтюковой (1952).

Из таблицы видно процентное соотношение по группам изваяний с балбалами и без них.³⁸

Группа	Всего при оградках	Из них с балбалами	%
1	25	14	56
2	24	6	25
3	42	21	50

Правда, данные эти весьма относительны, поскольку неизвестно количество оградок, подвергавшихся разрушению. Однако

³⁸ Нам не удалось разыскать сколько-нибудь достоверных сведений, которые способствовали бы объяснению семантики изваяний 4-й группы (с птицей на правой руке). Поэтому немногочисленная 4-я группа изваяний здесь не рассматривается.

следует отметить, что оградки с изваяниями, относимыми к разным иконографическим группам, находились в общем в одинаковых условиях и разрушались независимо от своей принадлежности к той или иной группе нашей классификации. Это дает право предположить, что выявившееся в таблице соотношение со значительной степенью вероятности отражает ту пропорцию, которая была в действительности.

Выявляются следующие очевидные закономерности.

1) У изваяний 1-й группы чаще, чем у других, устанавливались балбалы.

2) У изваяний 3-й группы балбалы устанавливались реже, чем у 1-й, но чаще, чем у 2-й группы.

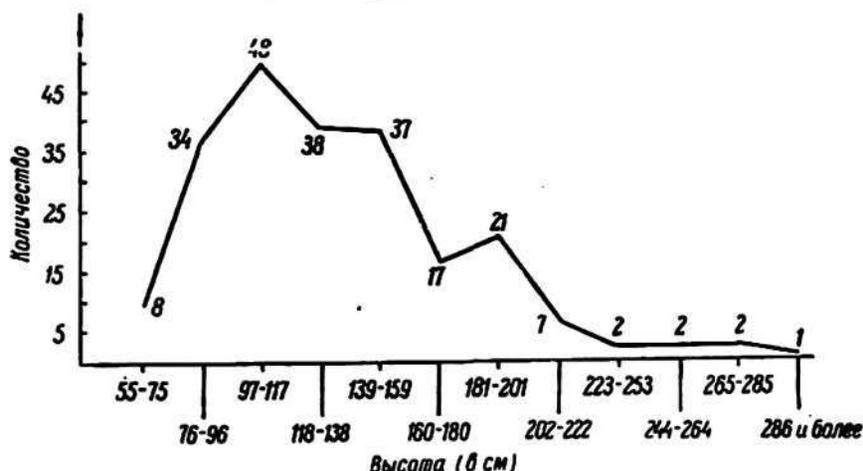

Рис. 16. Распределение изваяний I типа по высоте.

3) У изваяний 2-й группы балбалы устанавливались значительно реже, чем у двух остальных (в 2 раза).

Объяснение указанных различий приводится ниже. Далее следует проверить различия между группами изваяний по другому признаку.

2. Средняя высота фигур. Подсчет арифметических средних показывает некоторые существенные различия в высотах изваяний разных групп: 1-я группа — 145 (пределы колебаний от 55 до 280 см); 2-я — 121 (55—150 см), 3-я — 83 см (55—160 см).

Различия между изваяниями по высоте очевидны.

Является ли это обстоятельство случайным? Возможно. И задача последующего статистического анализа будет состоять в том, чтобы принять или отвергнуть гипотезу о случайных причинах отмеченных различий.

В математической статистике имеются две основные категории критериев для проверки гипотез: критерии параметрические — для совокупностей, дающие нормальное распределение, и непараметрические (порядковые), когда исследуемый материал не под-

вержен нормальному распределению. Выбор критерия определяется характером распределения, которое дает (рис. 16) двухвершинную кривую. Причиной двухвершинности в данном случае может быть только отсутствие одного стандарта в изготовлении изваяний. Уже это является весьма существенным для нас выводом. Для проверки, не являются ли различия в размерах изваяний вообще результатом случайных причин, наиболее подходящим представляется критерий Вилкоксона (Вандер Варден. 1960, стр. 337—346), мощность которого достаточна для нашей совокупности материала.

В качестве нулевой гипотезы примем следующее утверждение: различия в высотах между изваяниями разных групп не связаны с определенными закономерностями и объясняются случайными причинами. Проверка при помощи критерия Вилкоксона отвергает нулевую гипотезу при сравнении высот изваяний между 1-й—2-й и 1-й—3-й группами с вероятностями ошибки в первом случае 0.8%, во втором — 2.4%. Различия между 2-й и 3-й группами не устанавливаются данным критерием как закономерные и могут быть вызваны случайными причинами.

Следующим этапом является попытка объяснить причины установленных различий. Опять рассуждаем по той же схеме: факты—гипотеза—проверка. Здесь, конечно, следует иметь в виду, что при объяснении причин различий между изваяниями сами различия берутся в качестве исходного факта.

Гипотеза: различия между 3 группами каменных изваяний I типа связаны с неравенством в социальном положении лиц, в честь которых они устанавливались. Проверка этой гипотезы, хотя и менее строгая, чем предыдущей, может быть построена на следующих фактах.

На изваяниях 1-й группы почти всегда подчеркивается однообразный покрой одежды (узкие рукава, затянутый в поясе кафтан) и всегда показано оружие. Одновременно изваяния 1-й группы в среднем наибольшие по высоте, и при них чаще и в большем количестве устанавливались балбалы. Эти признаки подводят к мысли о том, что 1-я группа изваяний олицетворяет представителей тюркской знати, кочевой военной аристократии.

Рассмотрим изваяния 2-й группы (см. рис. 3). Если из всей совокупности исключить те фигуры, на которых детали одежды вообще не показаны или даны неясно, то останется 16 статуй. Из них на 15 (95.7%) показаны широкие, свисающие рукава. Преобладание этого признака у изваяний 2-й группы и полное его отсутствие у изваяний 1-й группы настолько очевидно, что избавляет от необходимости заниматься специальными статистическими подсчетами. Объяснение такой особенности можно получить из аналогий с памятниками, близкими нашим по характеру и времени. В сочетании с отсутствием оружия свободная одежда с широкими свисающими рукавами наводит на мысль о принад-

лежности людей, изображенных в фигурах 2-й группы, к сословию, не связанному с военным делом как основным занятием. Частично этим можно так же объяснить и сравнительную редкость установки балбалов при оградках с фигурами 2-й группы. Что это могли быть за люди? Думается, что правдоподобным будет предположительное отнесение изваяний 2-й группы к изображениям чиновной аристократии, людей, близких к правящей военной верхушке, но не занимающихся непосредственно военным делом. Этот вывод хорошо связывается с тем установленным выше фактом, что у изваяний 2-й группы значительно реже, чем у остальных, устанавливались балбалы. Эти изваяния могли устанавливаться как самостоятельно при оградках (см., например, Узбек-сай, приложение 1, 2, № 63), так и в комплексе с другими фигурами, изображавшими участников траурной церемонии (Siren, 1930, p. 9).

Иногда считаются загадочными «мотивы изображения сосудов на каменных изваяниях» (Грач, 1961, стр. 66). Гипотеза II объясняет эту «загадку» довольно просто. В мировой этнографии широко известен обычай погребального пиршества, в котором мысленно подразумевалось участие самого умершего (Штернберг, 1936, стр. 331; Токарев, 1964, стр. 182). Причастие тюрок к этому обычаю засвидетельствовано в письменных источниках. Так, например, «... когда тугю узнали о смерти Чен Ву-тьхина, они везде устроили пиршества... затем они соорудили для Чен Ву-тьхина храм» (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 335). Таким образом, кубок, который изображен в правой руке, есть не что иное, как знак присутствия, участия самого покойного в устроенном в его честь пире (Кызласов, 1964а). Между прочим, форма большинства кубков, изображенных на изваяниях 1-й и 2-й групп, до недавнего времени сохранилась в особом типе керамических кубков, использующихся у народов Средней Азии в качестве парадной посуды для подачи воды, айрана, кумыса, сливок и сиропов (Пещерева, 1959, стр. 239, 243, 253).

Антропоморфные стелы, относящиеся к 3-й группе, в тех случаях, когда они установлены у оградки лицом на восток, вероятнее всего, изображали более или менее рядовых воинов. Тогда же, когда такие стелы находятся в ряду балбалов, их можно связывать с изображениями врагов.

Все эти выводы, конечно, ни в коей мере не претендуют на окончательное решение проблемы.

Семантика изваяний II типа

В свете отмеченных выше иконографических и конструктивных различий (стр. 32 наст. работы) изваяния II типа нельзя связывать с погребальным или поминальным обрядом и нужно искать другое истолкование фигурам этого типа.

Прежде всего обратимся к некоторым иконографическим аналогиям. Антропоморфные статуарные изображения вообще широко известны у разных народов древности как неперемные атрибуты различных вариантов культа предков, характерного для подавляющего большинства древних племен и сохранившего свои пережиточные формы вплоть до последнего времени. Пересказ колоссальной литературы по этому вопросу и изложение тех или иных форм проявления культа предков вряд ли будут уместны. Достаточно привести близкие иконографические аналогии, чтобы подкрепить уже, очевидно, улавливаемую читателем попытку связать изваяния 5-й и 6-й групп нашей классификации с культом предков.

1. Уйбатская Кыс-таш. Фигура женщины. Рельефом изображены грудь и лицо. Контуром нанесены волосы, детали лица и руки (Грязнов, 1950, стр. 130, 142—143).

2. Корчинская баба из верховьев р. Бирн близ улуса Корчина (Минусинская котловина). Изображено лицо, женская грудь и руки (Грязнов, 1950, стр. 144).

Наиболее вероятная датировка обеих изваяний — андроновское время эпохи бронзы (Грязнов, 1950, стр. 143). В отличие от большинства каменных баб Минусинской котловины они имеют изображение женской (вернее, девичьей) груди и рук, сложенных на животе, что сближает их с некоторыми нашими фигурами.

3. Кизи-таш — каменное изваяние близ с. Аскыза (Паллас; 1788, стр. 501; Костров, 1854, стр. 13; Appelgren-Kivalo, 1931, стр. 17; Грязнов, 1950, стр. 145), Улу-Кыс-таш (Грязнов, 1950, стр. 145—146). Оба изваяния происходят из Минусинской котловины. Несмотря на весьма неясные и не очень достоверные рисунки (оба изваяния не сохранились), М. П. Грязнов установил их особенности. Иная техника изображения — высечение силуэтов путем выемки поверхности камня за пределами изображаемых фигур. Наличие дополнительных изображений типа писаниц.

Эти фигуры еще ближе, чем предыдущие, к изваяниям 5-й и 6-й групп классификации. Общими признаками являются и техника изображения, и то, что второе изваяние явно женское, что отразилось и в его названии (Кыс-девушка). По поводу датировки и семантики этих изображений М. П. Грязнов писал: «Они принадлежат другому типу памятников, отличному от андроновских каменных баб не только по своему внешнему оформлению, но, надо думать, и по своему функциональному назначению и осмыслению. Время их сооружения не может быть пока точно определено. На то, что они по времени значительно позже андроновских каменных баб, указывает наличие в изображениях таких предметов, как копьё с трехлопастным флагом (Кизи-таш), известное нам по енисейским писаницам тюркского времени, и бронзовый котел (тувинское изваяние), известный для минусинской

курганной и таштыкской культур. По основному изображению они сближаются с каменными бабами тюркского типа такими деталями, как сосуд в руках . . . и положение ног „калачиком“ . . . не имея других, более прочных оснований для датировки этих памятников, сейчас можно ограничиться лишь предположением, что они относятся ко времени около нашей эры или несколько позднее, и считать их ранними формами каменных баб тюркского типа» (Грязнов, 1950, стр. 148). Л. Р. Кызласов более категорично относит последнее из этих трех изваяний к таштыкскому времени (1960б, стр. 159).

Рис. 17. Изображение женщины с сосудом в руках. Якутское искусство. (По Якуниной).

4. Образ женщины, держащей обеими руками перед животом сосуд для кумыса, в костерезном искусстве якутов (рис. 17). Вот что об этом пишет Л. П. Якунина, сравнивая это изображение с каменными бабами южнорусских степей. «Такое сходство в трактовке женского образа на обоих памятниках и общность деталей позволяет предполагать возможность установления тесной связи между ними» (Якунина, 1959, стр. 88). Небольшая давность этого изображения на кости не может служить препятствием для аналогии, поскольку, несомненно, сам образ восходит к значительно более отдаленным временам, на что и указывает Л. П. Якунина (1959, стр. 90).

5. Миниатюрное резное изображение на удлинённом камне, изображающее женщину с сосудом в обеих руках в «трехрогом» (см. приложение I, №№ 67, 71, 83, 90 и др.) головном уборе (рис. 18). Условия находки неизвестны (Тюменский музей, карта-тека М. П. Грязнова). Высота 12—15 см.

6. Миниатюрная фигурка, вырезанная из рыбьего зуба, высотой около 4 см (Salmony, 1940, стр. 12). Изображена женщина с сосудом в обеих руках (рис. 19). Стиль очень близок

к стилю изваяний 6-й группы. Даже изображение девичьей груди дано тем же приемом. Место находки — Северная Монголия, датировка VII—VIII вв. (Институт изящных искусств, Нью-Йорк).

7. Миниатюрное изображение человека, держащего перед животом обеими руками сосуд. Северный Кавказ, IX—X вв. (Salmony, 1940, стр. 15). Высота около 5 см (рис. 20).

Размеры трех последних изображений исключают возможность связывать их с теми же функциями, которые выполняли изваяния I типа. Скорее всего это «карманные» или домашние аму-

Рис. 18. Миниатюрное изображение женщины с сосудом в руках. Высота 12—15 см. (По Грязнову).

Рис. 19. Миниатюрная фигурка из Северной Монголии. Высота около 4 см. (По Salmony).

Рис. 20. Миниатюрная фигурка с Северного Кавказа. Высота около 5 см. (По Salmony).

леты, олицетворяющие обожествленного предка. Полное совпадение в иконографии и стиле с изваяниями II типа позволяет предполагать, что и последние относятся к тому кругу культовых представлений, который значительно древнее и шире обряда установления изваяний у оградок.

8. Каменные бабы южнорусских степей (рис. 1, ж). Территориально и иконографически это самая близкая аналогия изваяниям II типа. Правда, с их семантикой тоже далеко не все ясно. Видимо, здесь уже наслонились разные формы более древних обрядов, в том числе и культа предков. О весьма развитом культе предков у кочевников Дешт-и-Кыпчака сообщают ПIANO Карпини и Гильом Рубрук (Пiano Карпини, 1957, стр. 28, 29, 94, 150, 151,

166, 175, 176). Главным атрибутом этого культа были идолы, изготовлявшиеся из войлока и, вероятно, из дерева. Те же авторы, правда, сообщают и об установке надмогильных статуй команам (стр. 102, 103). Вряд ли это сообщение достоверно, поскольку раскопки курганов с каменными изваяниями либо не дали никаких следов кочевнических погребений, либо содержали бедные впускные погребения, к которым статуи не имели никакого отношения (Плетнева, 1958, стр. 207). Во всяком случае характер поклонения каменным статуям, о котором сохранились данные письменных источников, позволяет связывать их с культом предков (Низами, 1953, I, стр. 359).

9. Интересной, хотя и очень отдаленной по территории аналогией являются образы предков в культовых изображениях одного из племен Индонезии (Kahlo, 1959). Здесь также изображены мужчины и женщины, держащие перед животом в обеих руках сосуд. Эта аналогия свидетельствует о какой-то очень древней культовой иконографии, конвергентно возникавшей у племен, никогда между собой не общавшихся, но одинаково усердно почитавших своих предков.

Хотелось бы отметить, что канонический образ человека, держащего в сложенных на животе руках сосуд, распространен далеко за пределами азиатского пояса степей. Когда была раскопана нижняя часть одной из колоссальных статуй острова Пасхи, оказалось, что на животе контурными рисунками изображены руки, держащие сосуд (Хейердал, 1961, фото между стр. 96 и 97). Деревянные идолы, запечатленные в подобной позе, известны на барабанах для хранения черепов у племени пангве в Африке (Lips, 1961, стр. 516). Безусловно, трудно представить себе какие-либо связи и заимствования у столь отдаленных друг от друга во времени и пространстве племен. Но сам факт конвергентного возникновения такого образа еще потребует объяснения.

На интересную особенность семиреченских женских фигур в отличие от южнорусских обратил внимание автора этой работы М. П. Грязнов. Характер изображения женской груди на семиреченских статуях коренным образом отличается от того, что мы наблюдаем на южнорусских «бабах». На всех женских фигурах из Семиречья явно изображена девичья грудь, а не грудь женщины-матери, которая изображалась совершенно иначе. Не хотел ли скульптор подчеркнуть этим особый социально-культовый характер образа девы-прародительницы? Думается, что положительный ответ на этот вопрос вряд ли может вызвать серьезные возражения. Нет нужды повторять приведенные в работе М. П. Грязнова (1950) примеры о широкой распространенности культа девы-прародительницы рода или племени. Подобное объяснение семиреченских женских изваяний очень хорошо увязывается с легендой о происхождении народа хойху (уйгуры). «Рассказывают, что

у хуннуского Шаньюя родились две дочери чрезвычайной красоты. Вельможи считали их богинями. Шаньюй сказал: можно ли мне таких дочерей выдать за людей? Я предоставлю их Небу. И так на север от столицы в необитаемом месте построил высокий терем, и, поместив там обеих дочерей, сказал: молю Небо принять их. По прошествии трех лет мать пожелала взять их. Шаньюй сказал: невозможно: еще не пришло время. Через год после сего один старый волк стал денно и ночью стеречь терем, производя вой: почему вырыл себе нору под теремом и не выходил из нее. Маленькая дочь сказала: наш родитель поместил нас здесь, желая предоставить Небу; а ныне пришел волк; может быть, его прибытие имеет счастливое предзнаменование. Она только что хотела сойти к нему, как старшая ее сестра в чрезвычайном испуге сказала: это животное: не посрамляй родителей. Маленькая сестра не послушала ее, сошла к волку, вышла замуж и родила сына. Потомство от них размножилось и составило государство. . .» (Н. Я. Бичурин, 1950, стр. 215). В этой легенде хорошо сохранились древнейшие пласты тотемических представлений. По женской линии происхождение ведется от девы — дочери шаньюя, по мужской от известного не только у уйгуров, но и у других тюркских племен тотема — волка. Такое объяснение тем более вероятно, что хронологически аналогичные семиреченским фигуры, происходящие из Южной Сибири, относятся, вероятнее всего, к уйгурскому времени (Кызласов, 1960в, стр. 153).²⁹ Можно ли утверждать, что семиреченские изваяния изображают одну из дочерей хуннского шаньюя, которая, выйдя замуж за волка, положила начало племени хойху? Если такое утверждение и не выглядит достаточно убедительным, все же связь рассматриваемой группы изваяний с культом обожествленных предков вполне очевидна. Вероятно, в этих образах сохранились и какие-то пережитки матриархата. В подкрепление последнему тезису уместно привести сообщение Суй-шу о том, что у племени тйеле (Liu Mau-tsai, 1958, стр. 128) после свадьбы жених остается в доме невесты до тех пор, пока не родится ребенок и не будет выкормлен грудью. Только после этого он возвращается к себе (Кюнер, 1961, стр. 39). В этом сообщении, по-видимому, запечатлелись пережитки матриликального рода или семьи у уйгуров.

Заканчивая рассмотрение семантики изваяний II типа, следует с известной степенью вероятности отметить, что и этнически значительную их часть вернее всего связывать с уйгурами, хотя происхождение культа, которому они принадлежат, относится к значительно более отдаленным по времени эпохам.

²⁹ Утверждение Л. Р. Кызласова о том, что такие изваяния характерны только для Тувы, объясняется, видимо, тем, что ему были неизвестны подобные статуи в Семиречье.

Глава 5

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Рассмотренные выше вопросы историко-археологического характера уже не раз были предметом обсуждения в исследованиях, посвященных «каменным бабам». Несколько иначе обстоит дело со стилистическим анализом этих памятников. О стиле древнетюркских изваяний почти не писали, хотя необходимость такого исследования вряд ли может быть поставлена под сомнение. Анализ стилистических особенностей помогает понять некоторые черты культурной жизни древних тюрков, пришедших с Алтая и Монголии в Среднюю Азию, их связи с оседло-земледельческим населением Согда и его колоний и в какой-то степени оценить характер древнетюркской монументальной скульптуры. Этим в основном и ограничивается задача настоящего раздела.

В упоминавшихся выше работах В. В. Бартольда, Н. И. Веселовского, М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера, Л. А. Евтюховой, Л. Р. Кызласова и А. Д. Грача, равно как и в многочисленных мелких статьях, сообщениях и заметках стиль «каменных баб» либо вообще не рассматривается, либо речь идет в основном о технических приемах изображения, что нельзя считать стилистическим анализом.

А. Н. Бернштам, пожалуй, первый поставил вопрос о необходимости такого исследования. Сначала им был отмечен только примитивный характер изображения (Бернштам, 1941, стр. 62). Затем, предпринимая попытку классифицировать семиреченские изваяния, А. Н. Бернштам отмечает сохранение единых стилистических особенностей у изваяний разных групп (1950, стр. 79), хотя и не указывает, какие конкретные особенности имеются в виду. Позднее, работая над своим обобщающим трудом по археологии Тянь-Шаня и Памиро-Алая, он вплотную подошел к необходимости рассмотреть конкретные особенности стиля «каменных баб». Новые находки с побережья оз. Иссык-Куль

позволили ему отметить, что «великолепная техника обработки и художественный вкус, проявленный скульптором, свидетельствует о том, что перед нами изваяние незаурядное, работа явно большого мастера» (Бернштам, 1952, стр. 81). А. Н. Бернштам заметил, что некоторые изваяния имеют подчеркнутую манерность и изящество в изображении рук и совершенно справедливо указал на то, что «скульптор находился, несомненно, под влиянием как согдийской, так и восточнотуркестанской манеры трактовки рук и особенно положения пальцев» (Бернштам, 1962, стр. 81, 144). Этими замечаниями и исчерпываются попытки проанализировать стиль древнетюркских «каменных баб». В настоящее время их можно продолжить.

Выше, в главе о классификации изваяний, были отмечены особые стилистические приемы, характерные для определения иконографических групп. Их в общем два: стилизация бровей и стилизация пальцев рук. Остановимся на них несколько подробнее.

Стилизация бровей представляет собой своеобразный технический и стилистический прием, с помощью которого брови изображаются волнистой линией с внутренним изгибом на переносице и наружными изгибами — над глазами; окончания бровей придают неестественно манерный вид загнутых вверх линий. Иногда брови изображаются отдельно, но чаще — в едином рельефе с носом. Из приводимых ниже таблиц видно, какому количеству изваяний (по иконографическим группам) свойствен такой стилистический прием.

Южная Сибирь и Семиречье

	Группы					
	1	2	3	4	5	6
Всего изваяний	78 ³⁰	50	78	3	37	31
Стилизация бровей	72	48	66	2	23	9
% к общему количеству	92	96	85	67	62	29

Семиречье

	Группы					
	1	2	3	4	5	6
Всего изваяний	57	29	40	3	11	31
Стилизация бровей	52	28	36	2	5	9
% к общему количеству	91	97	90	67	45	29

³⁰ Имеются в виду не все фигуры данной группы, а те из них, у которых сохранились голова и лицо.

Поиски аналогичных приемов изображения бровей почти не дали материалов для сравнения. Их отсутствие в других видах скульптуры и пластики, по-видимому, можно расценивать как свидетельство того, что это специфически тюркская манера изображения, тюркский стиль. В самом деле, на скифских, таштыкских и половецких изваяниях прослеживается совсем иной прием изображения бровей. Ничего подобного мы не встречаем и на памятниках древней живописи. Любопытные параллели дают так называемые шаманские изображения, опубликованные А. А. Спицыным (1904, стр. 36, рис. 241; стр. 117, рис. 496). Это — бляшки в виде человеческих лиц, на которых так же, как и на изваяниях, стилизованы изображения бровей.

А. А. Спицын, правда, не дает датировки и интерпретации этих предметов. Однако показателен предполагаемый район происхождения — Западная Сибирь (точнее, бывшая Тобольская губерния). Стиль этих головок существенным образом отличается от так называемых чудских древностей и вряд ли будет ошибочно отнести их к кругу памятников древнетюркского искусства.

Рассматриваемый прием стилизации в изображении бровей может оказаться не лишенным исторического смысла. Хроника Бейши сохранила интересное сообщение о жителях одного из районов Семиречья. «По обычаю тюркистанцев, остригают волосы и подравнивают брови, намазывая их клейстером, что придает им блестящий лоск» (Бичурин, 1950, II, стр. 241). По-видимому, особая трактовка бровей на изваяниях трех первых групп может иметь какое-то отношение к отмеченному упомянутой хроникой обычаю. Остатки этого обычая отражены в одной значительно более поздней казахской легенде: «И затем выходит молодой человек с прекрасно выведенными бровями. . .» (Валиханов, 1961, стр. 488).

Таким образом, рассмотренный стилистический прием, вероятно, следует считать тюркским по происхождению.

Стилизация изображения кисти и пальцев рук прослеживается на изваяниях в следующих количествах.

	Всего изваяний 1-й и 2-й групп	Стилизация рук	%
Семиречье	99	64	65
Южная Сибирь (с Тувой) . . .	68	22	32

Этот стилистический прием представляет собой определенную манеру изображения кисти руки (в основном правой), когда ваятель стремился мягкостью линий и несколько вычурными изгибами передать своего рода аристократизм изображаемой персоны.

Анализ подобной манеры изображения показывает, что в данном случае прослеживается явное влияние художественных традиций, нехарактерных для тюркского искусства и уходящих своими корнями в согдийское и буддийское искусство Средней и Центральной Азии. Рассмотреть это влияние будет удобнее всего на примере одного изваяния, в стиле которого наиболее четко отразились подобные традиции. Имеется в виду изваяние № 57, которое неоднократно публиковалось (Бернштам, 1941, табл. X; 1950, рис. 260; 1952, стр. 146; История Киргизии, стр. 25; Шер, 1963а).

Своей канонизированной позой и общим обликом изваяние, безусловно, относится к древнетюркским статуям, ко 2-й группе изложенной выше классификации. Однако чертами лица, характером и манерой исполнения это изваяние существенно отличается от большинства «каменных баб». Прежде всего бросается в глаза тщательное соблюдение пропорций, мягкость линий, несколько необычная техника изображения надбровий, определенная стилизация разреза глаз с тяжелыми, приспущенными веками, рельефные, пухлые губы. Любопытна трактовка кисти руки, особенно вычурно изогнутых пальцев (рис. 9).

Все эти особенности, отдельными деталями встречаемые на других изваяниях, на этой статуе оказались собранными воедино и тем самым серьезно повлияли на весь ее облик в целом.

Поиски стилистических аналогий уводят нас в мир буддийского и согдийского искусства. На первый взгляд может показаться, что в подчеркнутой манерности руки, держащей кубок, нет ничего особенного. Существуют общие способы держания в руке тех или иных предметов обихода, сохранившиеся иногда до наших дней. Однако здесь это, видимо, не так. В самом деле, если это обычный способ держать кубок в руке, то почему же на одних изваяниях эта рука изображена грубо, схематично (табл. X, рис. 45), а на других — тонко и, можно сказать, не без изящества (табл. III, рис. 15)? Этот изобразительный прием, вероятно, корнями своими уходит в буддийскую иконографию, где каждый жест имеет определенный смысл. Особенно широкое распространение он получил в настенной живописи Пенджикента, Балалык-тепе, а также в некоторых памятниках Афганистана и Восточного Туркестана (Дьяконов, 1954; Беленицкий, 1959; Альбаум, 1960; Stein, 1907, табл. LXI, LXIV; Godard Y., Godard J., Hackin J., 1928, табл. XXIIIa). То, что в свое время предполагал А. Н. Бернштам — влияние согдийской и восточнотуркестанской художественных школ, представляется несомненным. Против этого тезиса возражал Л. И. Альбаум. «После изучения живописи Балалык-тепе и сравнения ее персонажей с балбалами можно говорить не о влиянии согдийской или восточнотуркестанской школ, а о том, что скульптор изображал в балбалах определенный народ в характерной схематично-портретной позе» (Альбаум, 1960, стр. 194).

Это возражение представляется неубедительным прежде всего потому, что Л. И. Альбаум исходил как из несомненного из тезиса о «врагах», который, как было показано выше, критики не выдерживают. В данном случае этот тезис был «удобным» для попытки отождествить балбалы с эфталитами. Кроме того, Л. И. Альбаум пользовался в своей работе искаженными прописовками, что, безусловно, не позволяет судить о стилистических и иконографических особенностях рассматриваемых им статуй.

При сопоставлении трактовки изображений пальцев рук на семиреченских и южносибирских изваяниях видно, что этот прием стилизации в Южной Сибири встречается значительно реже, чем в Семиречье. Причина, вероятно, в том, что западные турки были в более тесном контакте с населением Согда и быстрее воспринимали отдельные элементы согдийской художественной культуры.

Намного менее выразительны стилистические особенности изваяний остальных групп. Во всяком случае элементы, которые были положены в основу классификации, выявляются достаточно четко и позволяют тем самым отличать эти группы статуй от только что рассмотренных. Здесь уже не заметно никакого влияния искусства населения земледельческих оазисов, зато ряд черт сближает эти статуи с более поздними, половецкими «каменными бабами». В ряде случаев, например в статуях с могилы легендарного Козы-Корпеш, это сходство приближается к тождеству.

Итак, рассмотрение некоторых особенностей стиля также позволяет говорить о двух основных направлениях в древней каменной скульптуре Семиречья. Первое направление связано, видимо, с временем наивысшего культурного подъема Западно-Тюркского каганата и характеризуется как собственными стилистическими приемами, так и значительным влиянием согдийской художественной школы. Второе направление, возникнув задолго до первого, развивалось на более удаленных от центров культурной жизни территориях и впоследствии переросло в половецкую скульптуру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задача построения единой для всех рассмотренных памятников типологической классификации, поставленная в самом начале, нужна была для того, чтобы получить более или менее совершенный метод для работы над материалом. Несомненно, изложенная в первой главе схема не свободна от недостатков и условностей. Однако критерием ее пригодности оказалась возможность постоянно пользоваться данной классификацией при постановке и рассмотрении всех последующих задач. Тем самым в какой-то степени логически усиливается правдоподобие не только самой схемы, но и положенных в ее основу таксономических признаков.

Классификация обнаружила устойчивый изоморфизм как между отдельными изваяниями, что было известно и ранее, так и между целыми группами памятников независимо от их местонахождения, часто разделенных тысячами километров. В ряде случаев это подобие форм не зависит не только от пространства, но и от времени, и уходит своими корнями в скифскую древность. Такая традиционность изобразительных канонов в искусстве, порожденном религиозным мировоззрением, — хорошо известный и многократно повторяющийся в мировой культуре факт, который отражает консервативность обрядовой стороны религии, хотя и не препятствует изменениям идейного осмысления внешне мало меняющихся обрядов.

Выявленные при классификации два особых типа памятников объясняются их принадлежностью к двум разным обрядам: I тип — к обряду поминовения конкретных умерших или погибших людей, II тип — к значительно более широкому культу обожествленных предков.

Невозможность выявить существенные изменения во времени значительно затрудняет хронологическую характеристику каменных изваяний. При всем несовершенстве методики датирования изваяний по формам изображенных на них предметов ею приходится пользоваться до тех пор, пока не будут предложены более

точные способы хронологического определения «каменных баб». Облегчающим обстоятельством явилось наличие достоверных датирующих сведений письменных источников.

Подразделение каменных изваяний на типы и группы, их датировка и попытка объяснить семантику позволили получить некоторые материалы, дополняющие письменные сведения по истории культуры кочевников Семиречья в раннем средневековье.

Время тюркских каганатов на этой территории представлено пока недостаточным количеством исследованных археологических памятников. Вместе с тем, судя по историческим данным, Семиречье было местом, где сложилась и расцвела крупнейшая кочевая держава домонгольского времени — Западный каганат. Большое количество древнетюркских каменных изваяний убедительно подтверждает эти сведения. Правда, здесь так и не обнаружены храмовые комплексы с изваяниями, подобные орхонским. Думается, что в том виде, в каком были обнаружены орхонские «гробницы», аналогичные памятники Семиречья не будут найдены. Прежде всего это объясняется иными, неблагоприятными для их сохранения условиями. Известно, что центр Западно-Тюркского каганата находился где-то в Чуйской долине; менее значительные ставки, видимо, были еще в нескольких местах. Чуйская долина неоднократно была ареной многочисленных столкновений и вторжений, ее землю много раз топтали орды завоевателей. Вряд ли следует ожидать, что с VI—VIII вв. здесь могли сохраниться памятники, бывшие символом политического господства древних тюрков; такие сооружения в первую очередь разрушались теми, кто захватывал власть. Наиболее вероятными местонахождениями памятников, подобных орхонским, следует считать два района.

1. Район Иссык-Ата—Кегеты (Чуйская долина). Из этого района происходит несколько особенно интересных каменных статуй; одна из них отделана с особой тщательностью (№ 15). Кроме того, здесь (у устья ущелья Иссык-Ата) была обнаружена каменная черепаха, неизменный атрибут орхонских памятников. По размерам она уступает своим монгольским прототипам, но ее смысл и назначение, в сочетании ³¹ с изваяниями, не вызывают никаких сомнений в принадлежности к сооружению типа орхонских храмов.

2. Район Талды-су (Иссык-Куль). Здесь в достаточно большом количестве, но, к сожалению, не *in situ*, обнаружены наиболее выразительные статуи из используемой в этой работе серии. Особый интерес вызывает статуя № 37 (высота 2.8 м), изображавшая, несомненно, очень знатную персону.

Если остатки погребальных «храмов» и сохранились, то их следует искать прежде всего именно в этих районах.

³¹ Выше, при описании храма в честь Кюль-Тегина, отмечалась каменная черепаха как пьедестал для стелы с надписью (см. также Киселов, 1962).

С исторической точки зрения такое выделение двух (несомненно, их было больше) центров сосредоточения древнетюркских памятников вполне правомерно, поскольку Западный каганат состоял, как свидетельствуют источники, из 10 племенных объединений.

Восточную часть Иссык-Куля в VIII в. населяло крупное тюркское племя чигиль, а где-то в южной части Семиречья (Чуйская долина) был центр Тюркешского каганата.

Конечно, на нашем материале трудно определить, какие статуи относятся ко времени Западного, а какие — к периоду Тюркешского каганата. Однако территориальное их распространение вполне соответствует засвидетельствованным историческими источниками районам расселения западных тюркских племен.

Можно внести некоторые коррективы в наши представления об этногенетических процессах, происходивших на территории Тянь-Шаня и Притяньшанья в VI—VIII вв. До сих пор неясно, какие тюркские племена играли в это время ведущую роль в формировании этно-культурного облика народов, населявших Тянь-Шань и прилегающие к нему районы. Неоправданно большое место отводилось в литературе енисейским кыргызам-хакассам, которые якобы обитали на Тянь-Шане уже в VI—VIII вв., но об этом молчат источники (История Киргизии, I, 1956, стр. 113). Отдельные находки погребальных комплексов с явно выраженными чертами культуры алтайско-орхонских тюрок (Зяблин, 1959; Кызласов, 1959; Шер, 1962, 1963б) уже давно сигнализировали об ином, отличном от енисейско-кыргызского, этно-культурном компоненте.

Немногочисленные, но выразительные данные о тюркских могилах с конем на территории Тянь-Шаня и Семиречья в сочетании с рассмотренной серией «каменных баб» становятся уже внушительным аргументом качественного порядка, свидетельствующим о значительной роли тюркоязычных племен алтайско-орхонского (но не енисейского) происхождения в этногенетических процессах, происходивших в северных районах Средней Азии в рассматриваемое время.³²

Если письменные источники молчат, а археологические — говорят о некоем ином этно-культурном массиве племен, то ясно, что нет никаких оснований связывать культуру кочевников Тянь-Шаня времени тюркских каганатов с населением Минусинской котловины. В то же время гипотеза об алтайско-орхонском ком-

³² Следует отметить, что здесь имеются в виду чисто археологические признаки, в соответствии с которыми различаются памятники кыргызов и алтайско-орхонских тюрок. Погребальный обряд кыргызов — трупосожжение, надгробное сооружение — чаатас. Погребальный обряд тюрок — трупосожжение и сооружение пазыяния для поминок или трупоположение с конем под курганной насыпью. Помимо этого, имеются некоторые отличия в форме инвентаря, сопровождающего погребенного (керамика, металлические изделия).

поненте в этногенезе народов Семипречья заслуживает серьезной дальнейшей разработки.

Некоторые любопытные данные можно отметить в области культовых представлений древних тюрков. Их общий характер можно представить как шаманизм, что, собственно, было известно и ранее. Вместе с тем проявляется ряд конкретных черт тюркского шаманизма, и, что, пожалуй, важнее всего, можно проследить некоторые изменения в облике культовых церемоний, связанные с усилением общественной дифференциации.

В сооружении тюркских помпальных памятников наблюдается довольно четкая преемственность в ряде основных конструктивных элементов от предшествующих эпох. Вместе с тем в эти устоявшиеся, традиционные формы вклиниваются новые, совершенно не характерные ранее черты, происхождение которых, по всей вероятности, объясняется изменениями социального порядка, происходившими в тюркском обществе. Это было время сложения гигантской раннефеодальной империи, подчинившей себе на короткий период колоссальную территорию степной части евразийского континента, а также значительную часть земледельческих районов Средней и Центральной Азии. Безусловно, старые культовые обряды и церемонии, не носившие еще на себе отпечатков нового строя, не могли удовлетворять кочевую аристократию. По-видимому, сначала в ее среде имел место некоторый «период исканий» новых идеологических форм закрепления складывающихся общественных порядков. Очевидно, так можно объяснить несостоявшуюся попытку ввести у тюрков буддизм. Эта религия не привилась среди тюрков прежде всего, вероятно, потому, что ее основные каноны не соответствовали целому ряду особенностей их социально-политического уклада. Одним из таких нововведений явился обычай строить пышные храмы, известные по находкам в Кошо-Цайдаме, Баян-Цокто, Ихэ-Хушоту и др., которые должны были отражать величие и мощь феодализирующейся верхушки каганата. Этот обычай в несравненно менее пышном виде распространился среди остальных кочевников, которые в меру своих возможностей стремились подражать могущественным сюзеренам. Так появились скромные каменные оградки с жертвенными сожжениями, изваяниями и балбалами, широко известные в степях от Монголии до Западного Казахстана.

Наряду с этим обычаем, отразившим изменения в структуре общества, продолжали существовать еще более древние обряды установки статуй обожествленных предков, сохранявшиеся, очевидно, до тех пор, пока они не были вытеснены исламом. В западной же части кочевого мира, у обитателей южнорусских степей, этот обычай просуществовал дольше и, возможно, тоже претерпел ряд изменений.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

В настоящем приложении публикуются описания и рисунки 145 изваяний, происходящих из Семиречья и сопредельных территорий. В основном приводятся материалы, ранее не публиковавшиеся. Исключение сделано для некоторых изваяний, опубликованных либо недостаточно достоверно, либо в редких изданиях. В каждом таком случае дана ссылка на соответствующее издание.

Все прорисовки выполнены в масштабе 1 : 5. В отдельных случаях, когда изваяние известно не в натуре, а по фотоснимкам и рисункам, делается специальная оговорка, а масштаб приближается к стандартному.

Для удобства в тексте дается сплошная нумерация памятников.

На карте (рис. 13) изваяния обозначены условными знаками соответственно группам классификации. Увеличенные условные знаки с римскими цифрами обозначают места скопления изваяний.

1. МУЖСКИЕ ИЗВАЯНИЯ С СОСУДОМ В ПРАВОЙ РУКЕ И С ОРУЖИЕМ НА ПОЯСЕ

Западный, Центральный и Восточный Казахстан

Т а б л и ц а I

1. Физический тип неясен, в ушах серьги с шаровидными подвесками. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит сосуд на высоком поддоне (кубок?). Левая — не обозначена. Намечены пояс и рукоять сабли или кинжала. Техника точечная; все детали рельефны, но грубы и схематичны. 125×30×29 см.³³

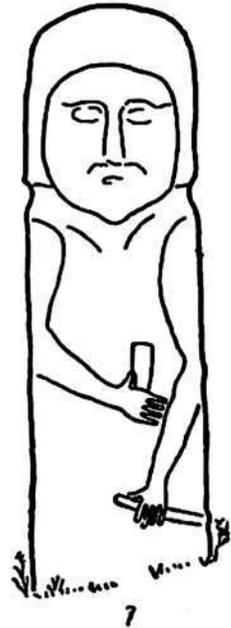
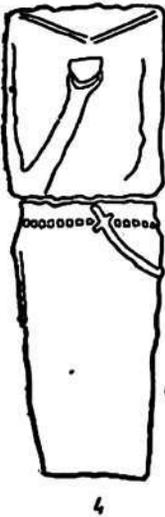
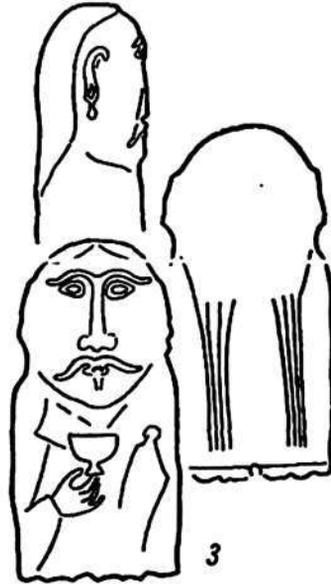
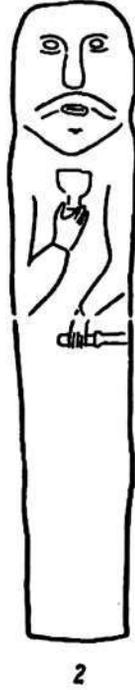
Семипалатинская обл., рисунок М. П. Грязнова. СМ.

2. Лицо монголоидное. Шея и плечи едва намечены. Правая рука согнута под острым углом перед грудью и держит за ножку кубок. Левая — опущена на рукоять сабли с прямым перекрестием. Сабля узкая и длинная, намечена схематично. Техника точечная; все детали рельефны. 170×35 см.

Семипалатинская обл. Рисунок М. П. Грязнова. СМ.

³³ Размеры указываются в стандартном порядке: высота—ширина—толщина. В тех случаях, когда размеры точно не установлены, дается знак (?). Предполагаемые размеры (если изваяние повреждено или измерено от уровня почвы) указываются в скобках. Размеры не указываются, если установить их не удалось.

Таблица I

3. Лицо монголоидное. Волосы зачесаны на прямой пробор и спускаются по спине до пояса двумя широкими косами, состоящими каждая из трех тонких косичек. Брови стилизованы, мочки ушей оттянуты, в них серьги с массивными шаровидными подвесками. Правая рука согнута под прямым углом и держит тремя пальцами кубок на ножке. Мизинец правой руки мамино оттопырен. Кафтан с треугольными отворотами. На углу левого отворота — бубенчик или пуговица. Узкий пояс с круглой бляхой сзади. Ниже пояса фигура, по-видимому, обломана — 90 (140)×43×30 см. Техника точечная; все детали рельефны.

Р. Кендерлык. Семипалатинская обл. Рисунок М. П. Грязнова и фотография (фотоархив ЛОИА). СМ.

4. Голова отбита. Намечен тупоугольный вырез одежды. Правая рука изображена в условно-схематичной манере, согнута в локте под острым углом и держит перед грудью чашу. Левая — опущена к поясу. Кисть левой руки отбита. Пояс наборный. На его передней части тринадцать подпрямоугольных бляшек. Спереди на поясе под углом висит короткая сабля или кинжал с прямым ромбовидным перекрестием. Справа висит удлиненный предмет, вероятно точильный брусок. Техника точечная; все детали рельефны. 125 (144)×40×10 см.

Чаган-Обо, Чиликтинская долина, Восточный Казахстан. Рисунок С. С. Черникова.

5. Голова отбита. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью кубок на ножке. Левая — полусогнута и покоится на рукояти сабли или кинжала. Схематически показан наборный пояс (тринадцать бляшек). На правом боку на поясе висит каптаргак. 72 (172)×36 см.

Чаган-Обо, Чиликтинская долина, Восточный Казахстан. Рисунок С. С. Черникова.

6. Лицо монголоидное. Изображение бровей стилизовано. Голова не выделена, все изображение выполнено в условно-схематичной манере. Правая рука едва намечена. Пояс с прямоугольной пряжкой. Ниже пояса сабля в ножках с обоями для подвешивания. Прямоугольная стела. Техника точечная. 77×24 см.

Тополев Мыс, южный берег оз. Зайсан, Восточный Казахстан. Фото С. С. Черникова. (Археологическая карта, 1960, стр. 187, № 2715).

7. Лицо монголоидное, брови стилизованы. Голова не выделена из монолита, но околтурена врезанной линией. Нижняя часть головы отделена широкой выемкой, схематично обозначающей шею и плечи. На голове неясной формы головной убор, вероятно тиша казахского малахая. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед левой стороной груди высокий кубок, очевидно, за ножку. Левая — полусогнута и покоится на рукояти кинжала или сабли. Ладони обеих рук раскрыты. В левом плече просверлено глубокое круглое отверстие. Техника точечная и контурная. Детали лица рельефны; овал лица — контур, остальное — рельеф. 155×44×24 см.

С. Трушниково, Восточный Казахстан. Фото С. С. Черникова. (Археологическая карта, 1960, стр. 127, № 1854).

Т а б л и ц а II

8. Лицо монголоидное, голова выделена из монолита, схематично намечены шея и плечи, брови стилизованы. Правая рука согнута под острым углом и держит перед грудью за ножку кубок. Левая — полусогнута и покоится на рукояти сабли или кинжала, охватывая ее. На запястьях — браслеты с ромбовидным расширением посредине. Узкий пояс, пряжка с подвижным язычком. Справа на поясе подвешена полукруглая сумка — каптаргак. Техника точечная; все детали рельефны. Объемная статуя. 180 (?)×60 (?) см.

Сарынильды, долина в восточной части Джунгарского Алатау. Фото С. С. Черникова.

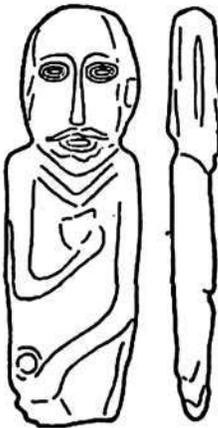
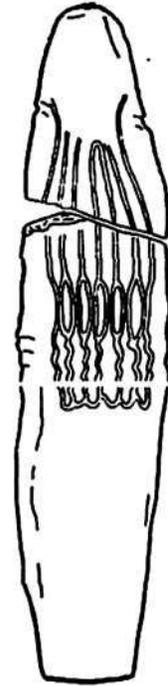
Таблица II

8

9

10

11

12

9. Лицо монголоидное, брови стилизованы, усы короткие, широкая клиновидная борода. Волосы зачесаны назад и спускаются по спине ниже пояса шестью косами. В нижней части косы перехвачены и распущены завитками. Голова слита с туловищем и отделяется от него схематичной линией, обозначающей подбородок и плечи. В ушах серьги с шаровидными подвесками. На груди треугольные отвороты кафтана. Правая рука (кисть стилизована) согнута под прямым углом и держит перед грудью кубок за ножку. Левая — полусогнута и покоится на рукояти сабли. Пояс с круглой пряжкой. Сабля в ножнах с обоймой для подвешивания. Рукоять с кольцевидным навершием. Справа, на поясе, висят одна над другой круглая и подпрямоугольная сумочки. Плоская четырехгранная стела; серый гранит. Лицо рельефно; все остальные детали выполнены контурными линиями. 180×35×20 см.

Р. Курмельты, Восточный Казахстан. Обнаружено в 1910 г. В. И. Каменским. Валялось у четырехугольной каменной оградки из обтесанных плит. «По середине могилы — (В. И. Каменский принял оградку за могилу, — Я. Ш.) ясно обозначилось черное, круглое пятно, прикрытое камнями. Кроме двух-трех косточек от детского тазобедренного сустава, ничего не найдено». ³⁴ МАЭ АН СССР (колл. № 1817).

10. Лицо монголоидное. Голова выделена из монолита, четко показаны плечи. На груди треугольная рельефная линия, обращенная вершиной вниз (вырез одежды или шейное украшение). Правая рука согнута в локте под острым углом и держит перед грудью круглодонную чашу. Левая — полусогнута и опирается на какой-то предмет, верхняя часть которого изображена в виде кольца (рукоять сабли или кинжала с кольцевидным навершием). Руки и предметы показаны слитно и весьма схематично.

Серая сланцевая порода. Техника точечная; все детали рельефны. 110×35×10 см.

Обнаружено в 1910 г. в долине р. Курмельты, Восточный Казахстан, В. И. Каменским. МАЭ АН СССР (колл. № 1817).

11. Лицо монголоидное, брови стилизованы. Голова выделена из монолита, четко смоделированы плечи. На груди треугольные отвороты кафтана. Правая *пола* сверху. Правая рука согнута под острым углом и держит перед грудью кубок кувшинообразной формы. Левая — покоится на рукояти сабли. Рукава узкие, облегающие. Узкий пояс. На поясе висит каптаргак с прочерченным на нем клапаном. Из-под него свисает подпрямоугольный предмет. Слева на поясе под некоторым углом к нему висит сабля в ножнах с обоймами. Рукоять сабли с округлым навершием. Ниже показан кинжал с прямой рукоятью в ножнах с обоймами. Техника точечная; все детали рельефны. 150×32 см.

Каркаралынк. Восточный Казахстан. Рисунок Аспелина (Appelgren-Kivalo, 1931, стр. 26, рис. 343). МТУ.

12. Лицо монголоидное, брови стилизованы. Голова выделена из монолита. На груди треугольные отвороты кафтана. Запах полы не прослеживается. Правая рука согнута под острым углом и держит двумя пальцами круглодонную чашу. Левая — полусогнута и покоится на рукояти сабли. Глубокой бороздой показан пояс. Сабля с прямой рукоятью без навершия в ножнах с обоймами, за которые она подвешена к поясу под углом около 60°. Техника точечная; все детали рельефны. 117×26 см.

Рисунок Аспелина (Appelgren-Kivalo, 1931, стр. 27, рис. 341). БМ.

Т а б л и ц а III

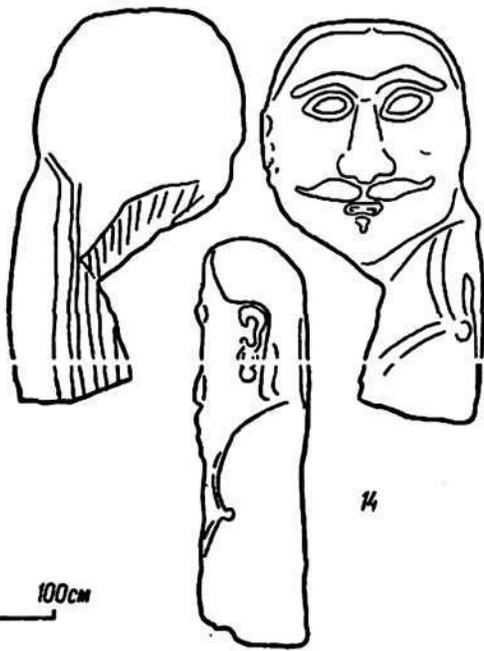
13. Голова отбита. Правая рука согнута в локте и держит перед грудью кубок на ножке. Левая полусогнута и покоится на рукояти сабли или кин-

³⁴ В. И. Каменский. Отчет о раскопках в Восточном Казахстане (рукопись). МАЭ, колл. № 1817, стр. 10. Каменные изваяния, хранящиеся в МАЭ, изучены благодаря содействию А. Д. Грача.

Таблица III

13

14

15

16

жала. Справа на поясе висит каптаргак. Техника точечная; все детали рельефы. 140 (180) × 30 см.

Ульке-2, Западный Казахстан. Могильник, состоящий из разновременных курганов. Изваяние стояло у оградки лицом на СВ. Балбалы не обнаружены. Рисунок В. С. Сорокина.

14. Лицо монголоидное, брови стилизованы, голова выделена из монолита, намечены шея и плечи. Волосы разделены прямым пробором и спускаются на спину тонкими косами. В ушах серьги в виде шаровидных подвесок на колечках. Виден левый треугольный отворот кафтана с каймой и шариком (бубенчик или пуговица). Изваяние обломано (отнесение его к рассматриваемой группе условно). Серый гранит. Техника точечная. Объемная фигура. 105 (210) × 55 × 30 см.

Каргалы, Восточный Казахстан. Находка В. И. Каменского, 1910 г. МАЭ АН СССР (колл. 1817).³⁵

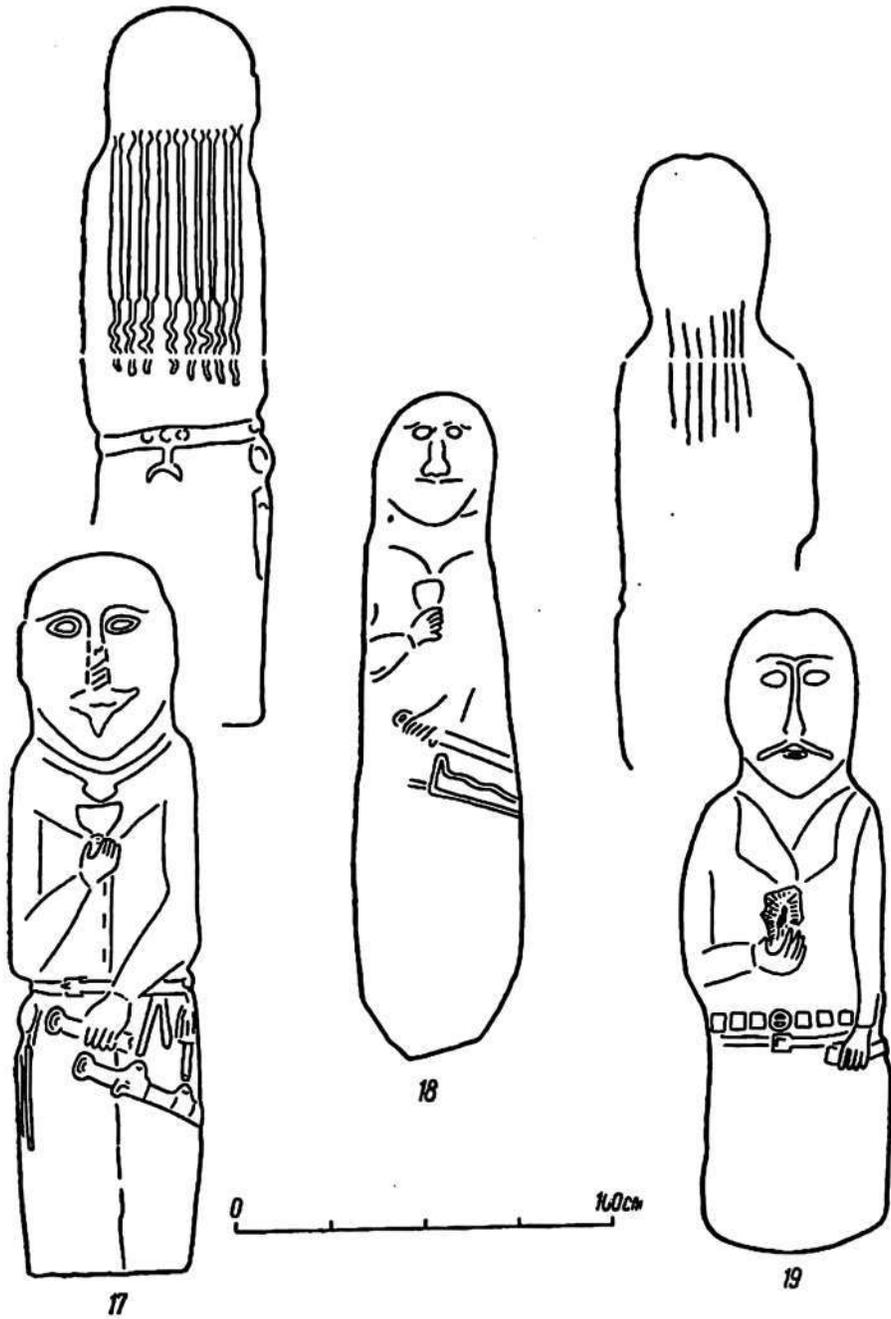
Семиречье и Южный Казахстан

15. Лицо монголоидное, брови стилизованы, в ушах серьги с шаровидными подвесками, треугольная борода спускается на грудь. Черты лица несколько утонченные. Правая рука согнута под прямым углом и поддерживает перед грудью тремя манерно изогнутыми пальцами круглодонную чашу с рельефным бортиком. Левая рука опущена на рукоять сабли, кисть изогнута. На запястьях обеих рук браслеты с округлым расширением посредине. На узком поясе подвешен кинжал с прямым перекрестием. На рукояти кинжала поперечные выемки для пальцев, на ножнах — обоймы для подвешивания к поясу. Узкая сабля с длинной рукоятью как бы опоясывает фигуру по нисходящей неполной спирали. Ножны сабли с обоймами для подвешивания. На груди треугольный вырез одежды. Темно-серый валун, подтреугольный в сечении. Техника точечная; все детали рельефы и выполнены мягкими, без угловатости, характерными для большинства изваяний линиями. 167 × 57 × 42 см.

Ущелье Кегеты, Чуйская долина. Найдено в 1885 г. Ф. В. Поярковым (Флоринский, 1896, табл. VII; Бартольд, 1897, табл. VII, 1; Кастанье, 1910, табл. XIII, 4; Грязнов и Шнейдер, 1929, табл. VII, 65; Альбаум, 1960, рис. 150; он же, 1960а, рис. 24). ГМЭ СССР.

16. Лицо монголоидное, брови стилизованы, волосы заплетены в семь кос и спускаются по спине ниже пояса. Каждая коса сверху и внизу перехвачена, очевидно, тесемкой. Внизу, после перехвата, косы распущены завитками. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит двумя пальцами за ножку кубок. Левая — опущена на рукоять кинжала, охватывая ее пальцами. Пальцы рук стилизованы. Кафтан с треугольными отворотами (правая пола сверху). Узкий пояс с круглой пряжкой, очевидно, с подвижным язычком. Справа на поясе подвешен каптаргак с прочерченным на нем клапаном, мешочек для огня и точило; между сумочкой и пряжкой свисают два ремешка. Ниже пояса кинжал в ножнах с обоймами для подвешивания; рукоять с прямым перекрестием образует некоторый угол с клинком. Ниже кинжала горизонтально подвешена длинная узкая сабля с пря-

³⁵ «Третья каменная баба, отосланная мною отсюда в Петербург, была взята по дороге в Кокпекты в селении Каргалы. Крестьянин Зорин нашел ее на поле и привез домой в качестве тумбы». Здесь же В. И. Каменский описывает каменное сооружение с изваянием. «За 2-й каменной бабой я нарочно ездил верст за 8 вверх по речке Кокпектинке к Урнек-Тасу. Она была найдена у огромного могильного (опять могила? — Я. Ш.) сооружения. Сооружение это состоит из каменной мостовой линии в 2 сажени шириной и около 200 шагов с каждой его стороны. В середине этого четырехугольника возвышается каменная пирамида в несколько сажень высоты. Камни ничем между собой не связаны и не имеют земляного покрова». См. указ. рукопись, стр. 12.

мым перекрестием и поперечными выемками для пальцев на рукояти. На ножнах обоймы для подвешивания. Темно-коричневый песчаник. Техника точечная; все детали рельефны. 140×30×16 см.

Тянгеньбулак, северные склоны Каратау, Южный Казахстан. (Археологическая карта, 1960, табл. VII, 185). ЧКМ.

Таблица IV

17. Лицо монголоидное, брови стилизованы, волосы зачесаны назад и заплетены в восемь кос, спускающихся по спине до пояса, с перехватами и завитками, как на предыдущем изваянии. Правая рука согнута в локте под острым углом и держит за ножку кубок, левая — опущена на рукоять кинжала, охватывая ее пальцами. Пальцы рук стилизованы. Кафтаг затянут узким поясом с прямоугольной пряжкой, вероятно с подвижным язычком. Пояс с круглыми бляшками и свисающими ремешками; сзади на коротком ремешке горизонтально прикреплена полулунная бляшка. Справа на поясе подвешен кинжал с пробитым на нем тонкой линией клапаном. Ниже — прямоугольный мешочек для огнива, рядом на поясе висит точильный брусок. Кинжал изображен неполностью. Очевидно, ваятель не сумел сочетать полное изображение кинжала с ремнями для подвешивания сабли. Рукояти кинжала и сабли с одинаковыми кольцевидными навершиями. Сабля в ножнах с обоймами. Слева на поясе висит еще одна прямоугольная сумка с клапаном и застежкой. Техника точечная; все детали рельефны. 200 (?) × 50 (?) × 20 (?) см.

Г. Джамбул (?). Четыре фотоснимка с разными ракурсами (фотоархив ЛОИА АН СССР).

18. Лицо монголоидное, брови стилизованы. Голова отделена от туловища тонкой схематичной линией, изображающей подбородок. Правая рука согнута в локте и держит перед грудью сосуд (кубок на ножке?). Пальцы правой руки проработаны. Левая — опущена на рукоять кинжала с кольцевидным навершием. Ниже контуром показана сабля в ножнах с обоймами. Сочетание точечной и контурной техники; большинство деталей рельефно. 200 (?) × 40 (?) см.

Сергиополь. Семиречье. Фото Н. Н. Пантусова, 1899 г. Фотоархив ЛОИА АН СССР.

19. Лицо монголоидное, брови стилизованы, уши намечены. Сзади на спине шесть кос. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью сосуд (сосуд сколот). Пальцы правой руки проработаны. Левая — опущена на рукоять сабли, охватывая ее. Кафтаг с треугольными отворотами, перехвачен двумя поясами. Один пояс из квадратных блях, по три с каждой стороны, с круглой пряжкой с подвижным язычком. Другой — ниже первого — узкий, без украшений, с квадратной пряжкой. Сабля узкая, длинная, с округлым навершием. Темно-серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 167×46×25 см.

С. Сергеевка, Алма-Атинской обл. Хранится в школе № 25 г. Алма-Аты. Привезено учителем Л. Ф. Катургой.

Таблица V

20. Лицо монголоидное, брови стилизованы, в ушах серьги с шаровидными подвесками. Рот углублен на 1,5—2 см. Голова выделена из монолита, показаны шея и плечи. Правая рука согнута под острым углом и держит за ножку кубок. Пальцы проработаны. Левая — согнута под прямым углом и покоится на рукояти кинжала; указательный палец вытянут. Узкий пояс с овальной, вытянутой по вертикальной оси пряжкой. Впереди слева к поясу горизонтально подвешен кинжал в ножнах с обоймами, с прямой рукоятью. Ниже, под небольшим углом к поясу, висит сабля в ножнах. Рукоять без

Таблица V

20

21

22

23

навершия образует некоторый угол по отношению к кличку. На правом боку, на поясе, висит круглый каптаргак с прочерченными на нем волнатообразными завитками. Плита; серый, крупнозернистый гранит. 165×50×12 см.

Найдено в 1952 г. в г. Алма-Ате, в районе мясокомбината. РКМ Казахской ССР, Алма-Ата.

21. Лицо монголоидное, брови стилизованы, прическа не прослеживается. Четко смоделированы шея и плечи. Левая часть головы сколота. Углом намечен вырез одежды. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью, очевидно за ручку, кубок «уйбатско-копенского» типа. Левая — согнута под прямым углом и прижата к животу. Пальцы рук показаны грубо. Узкий пояс. Спереди к поясу подвешен княжал в ножнах с обоями для подвешивания. Рукоять княжала образует некоторый угол по отношению к кличку. Справа на поясе подвешена сабля в ножнах с обоями. Сабля как бы опоясывает фигуру по нисходящей неполной спирали и подвешена под небольшим углом к поясу. Слева на поясе висит удлиненный предмет, очевидно сумка. Темно-серый крупнозернистый гранит. Техника точечная, все детали рельефны. Поверхность статуи сильно выветрена. 165×45×
× 13 см

Карабалты, Чуйская долина (Бернштам, 1943, табл. VI, 19). ИМ Киргизской ССР, г. Фрунзе.

22. Лицо монголоидное, брови стилизованы. Голова выделена из монолита. На груди показан вырез одежды. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью сосуд в виде усеченного конуса. Левая — покоится на рукояти сабли. Пальцы рук изображены грубо. Сабля с прямым перекрестием, в ножнах с обоями подвешена к поясу с левой стороны. Ниже сабли фигуру опоясывает борозда, очевидно градица, по которую изваяние вкапывалось в землю. Техника точечная, все детали рельефны.

Кегеты, Чуйская долина. Найдено в 1885 г. Ф. В. Поярковым. Фото (Флоринский, 1896, табл. VII, 6).

23. Физический тип пейсен. Голова не выделена из монолита, линия шеи и подбородка намечена схематичным контуром. В ушах серьги с шаровидными подвесками. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью кубок на ножке. Кисть правой руки проработана. Левая — опущена на рукоять сабли, охватывая ее. Уплощенная, подпрямоугольная в сечении стела. Детали лица рельефны, остальные детали намечены контуром. 170 (?)×
× 30 (?)× 15 (?) см.

Карабалты, Чуйская долина. Рисунок С. М. Дудина (Бартольд, 1897, табл. VIII, 12).

Т а б л и ц а VI

24. Лицо монголоидное, голова выделена из монолита. Правая рука согнута под острым углом (кисть схематична) и держит перед грудью круглодонный сосуд, левая — покоится на рукояти прямого княжала в ножнах с обоями для подвешивания. Темно-серый гранит. Техника точечная. Все детали рельефны. 110×50 см.

Чуйская долина. ИМ Киргизской ССР, г. Фрунзе.

25. Лицо монголоидное, брови стилизованы. Волосы зачесаны назад и свернуты в один толстый жгут. В ушах серьги с шаровидными подвесками. Черты лица смягчены. На шее гривна. Правая рука согнута под прямым углом перед грудью. Кисть правой руки и предмет, который она держит (сосуд?), сколоты. Левая — полусогнута, нижняя ее часть тоже сколота. Справа на груди сохранилась часть треугольного отворота кафтана. Узкий пояс с бляшками, часть которых пострадала от ударов острым металлическим орудием. Справа на поясе висит каптаргак. Передняя часть слева внизу тоже повреждена. Темно-красный песчаник. Техника точечная; все детали рельефны, линии несколько смягчены. 110×55 см.

Район г. Чимкента (?). ЧКМ.

Таблица VI

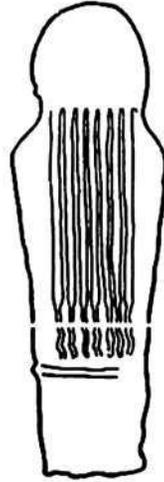
24

25

26

27

28

29

30

26. Лицо монголоидное, брови стилизованы, голова выделена из монолита, показаны плечи. Волосы зачесаны назад и спускаются по спине до пояса семью узкими косами. Каждая из кос внизу перетянута и распушена завитками. Передняя часть лица повреждена (глаза сколоты, нос частично сколот). В ушах едва прослеживаются серьги пейсовой формы. На груди четко передан левый отворот кафтана. Правый — прослеживается с трудом. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью кубок. Кубок и рука до локтя только угадываются, поскольку передняя часть статуи тоже повреждена. Повреждение, по всей вероятности, нанесено в древности; поверхность камня в поврежденной части патинизирована настолько, что почти не отличается от остальной поверхности. Левая рука полусогнута в локте и покоится на рукояти сабли. Пальцы левой руки проработаны. Сабля подвешена параллельно линии пояса на двух полукруглых обоямах. Серовато-коричневый крупнозернистый гранит. Техника точечная, слабый рельеф. Ниже пояса фигура заключена в музейный постамент. 122×40×28 см. Киргизская ССР. МИУ, г. Ташкент.

Тянь-Шань

27. Лицо монголоидное, брови стилизованы, голова изображена слитно с туловищем и отделяется от него схематичной линией, изображающей подбородок. Схематично, контуром показана правая рука, держащая перед грудью кубок. Левая — опущена на рукоять сабли. Удлиненный валун. Сочетание рельефа (лицо) и контурного рисунка (рук и предметы).

Правый берег р. Каинды (приток р. Сарыджаз), отрог хр. Иньльчек (Центральный Тянь-Шань). Стоит в восточной части каменной оградки, лицом на восток. Оградка в группе из трех таких же оградок с названиями. Фото. (Радек, 1947, стр. 461, рис. 4). (Архив ЛОИА).

28. Лицо монголоидное, брови стилизованы. Верхняя часть головы удлинена (головной убор?). Правая рука согнута под прямым углом и держит, очевидно за ручку, сосуд баночной формы. Левая — покоится на рукояти сабли. Пояс и сабля показаны схематично, контуром. Справа на поясе подвешен каптаргак. Серый гранит. Техника точечная и контурная; большинство деталей рельефно. 90×43×23 см.

Ущелье Чоң-Кызылсу, Пржевальский район. ПГМ.

29. Лицо монголоидное, брови стилизованы. В ушах серьги в виде колечка с бусиной. Правая рука (показана только кисть) держит двумя пальцами кубок на ножке с полусферическим туловом и слегка отогнутым венчиком. Кафтан с треугольными отворотами. Впереди слева показан кинжал или короткая сабля в ножнах с обоямами. Уплощенная стела; темно-коричневый гранит. Техника контурная. 125×43×16 см.

Иссык-Куль, Пржевальский район. ПГМ.

30. Лицо монголоидное. Голова с удлинением вверху (головной убор или прическа?). В правом ухе серьга с каплевидной подвеской. Шея и плечи едва намечены. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью тремя пальцами кубок на ножке. Левая — опирается на рукоять кинжала или сабли с кольцевидным навершием. Справа на поясе подвешена прямоугольная сумочка с клапаном. Белый мрамор. Техника точечная; все детали рельефны. 123×35×15 см.

Тентри-Тяг, Тянь-Шань, Пржевальский район. Находка В. И. Радека. ПГМ.

Т а б л и ц а VII

31. Лицо монголоидное, брови стилизованы, голова выделена из монолита, показаны шея и плечи. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью, очевидно за ручку, сосуд цилиндрической формы. Левая — согнута под прямым углом и покоится на рукояти кривой сабли, охватывая ее. Рельефно показан пояс. Темно-серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 100×50×30 см.

Таблица VII

31,

32

33

34

35

36

Иссык-Куль, ПГМ.

32. Лицо монголоидное, брови стилизованы. Голова слита с туловищем и отделяется от него схематичной линией, обозначающей шею и линию подбородка. Голова с левым плечом отбита. На груди треугольные отвороты кафтана. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью кубок на поддоне с шейкой и венчиком. Левая — покоится на рукояти сабли, охватывая ее. Пояс с округлой пряжкой. Впереди справа на поясе висит каптаргак с прочерченными на нем клапаном. Рукоять сабли с кольцевидным навершием. Грубо обтесанная стела. Сочетание рельефа (лицо и некоторые другие детали) и контурных линий.

«. . . находится около ключа Талды-су или (как его нам называли) Талды-булак, верстах в 30-ти от селения Атбаши, вверх по реке Атбаш. Фигура оказалась бабой того же типа, но с некоторыми особенностями: на правом боку у нее был кисет, по форме напоминавший кисеты кошоцайдамских изваяний на Кокшиң-Орхоне; голова, по-видимому, была украшена шлемом; по спине шел ряд бороздок, имевших, вероятно, целью передать полосатость материи (несомненно, это косы, — Я. Ш.). Баба. . . стояла около могилы, на запад от нее; лицо тоже было обращено к западу» (Бартольд, 1897). Рисунок С. М. Дудина и фото. Исходные необычная ориентировка (лицом на запад) не может быть сразу принята на веру, поскольку положения изваяния В. В. Бартольд сам не видел, а описывает со слов наблюдателей.

33. Голова отбита. На груди видны треугольные отвороты кафтана. Правая рука согнута под прямым углом и держит за ручку кубок усеченно-конической формы, на поддоне. Левая — прослеживается с трудом. Пояс с 5 бляшками в виде «сердечка». Спереди на поясе горизонтально висит кинжал в ножнах с обоями. Слева на поясе, под некоторым углом к нему, висит сабля. Техника точечная; все детали рельефны.

Ак-Терек, урочище на южном берегу оз. Иссык-Куль. Найдено в 1893 г. В. В. Бартольдом. Рисунок С. М. Дудина (Бартольд, 1897, табл. IX, 2).

34. Лицо монголоидное. Голова не выделена из монолита. Линия шеи показана схематично. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью кубок за ножку. Пальцы правой руки проработаны. Левая — покоится на рукояти кинжала в ножнах с обоями. Кисть левой руки не показана. Рукоять кинжала образует с клинком тупой угол. Техника точечная; все детали рельефны. 110 (?) × 40 (?) см.

Чичкая, речка на южном берегу оз. Иссык-Куль. Рисунок С. М. Дудина. Изваяние стояло в западной части четырехугольной каменной ограды, лицом на запад (Бартольд, 1897, табл. XI, 4).

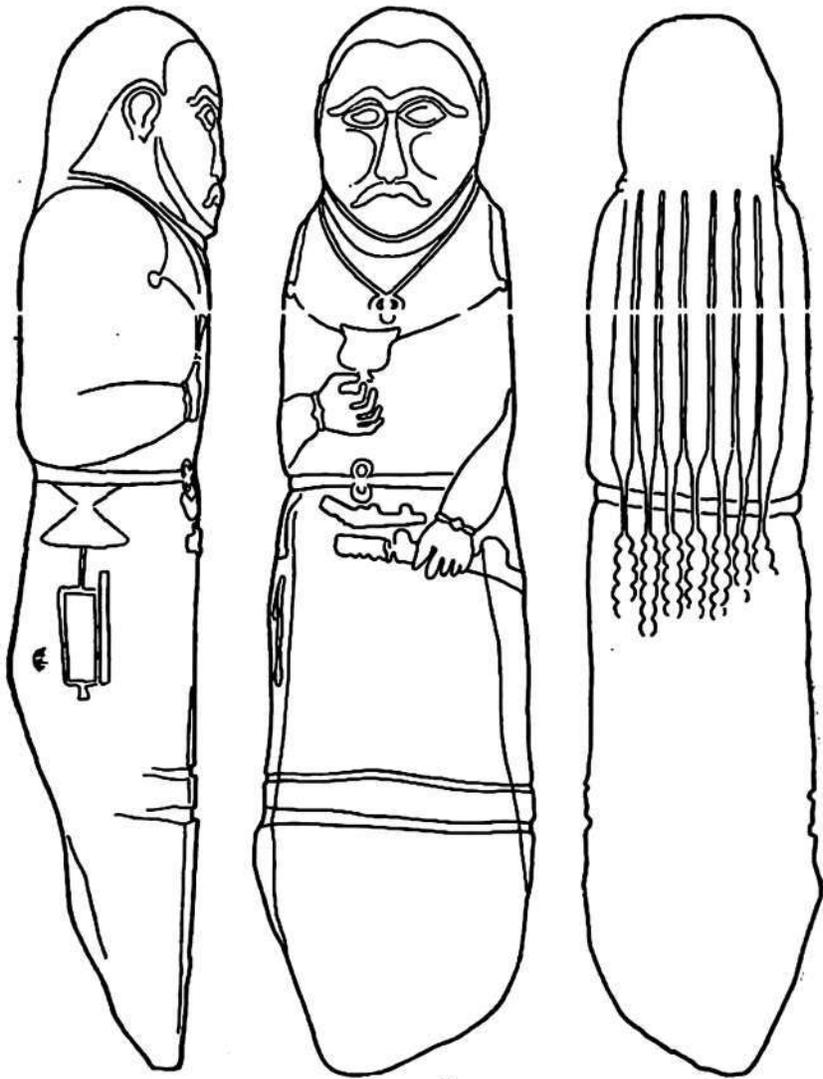
35. Лицо монголоидное. Волосы зачесаны на прямой пробор и стянуты сзади в жгут. Брови стилизованы. В ушах серьги с шаровидными подвесками. Шея почти незаметна, плечи едва показаны, правая рука согнута в локте под прямым углом (кисть показана схематично) и держит сосуд конической формы (вероятно, неудачное изображение кубка). Левая — покоится на рукояти сабли, охватывая ее. Кафтан с треугольными отворотами. Пояс с круглой пряжкой. На поясе подвешены кинжал и сабля с одинаковыми кольцевидными навершиями и обоями для подвешивания на ножнах (у кинжала они в виде полуколец). Слева к поясу подвешен каптаргак. Темно-серый (почти черный) валун. Сочетание точечной и контурной техники. 85 × 50 × 20 см.

Иссык-Куль, ПГМ.

36. Лицо монголоидное, брови стилизованы. Волосы зачесаны назад и спускаются по спине семью косами. Косы изображены контуром. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью кубок на высоком поддоне или ножке. Кисть правой руки проработана. Левая — покоится на рукояти небольшой сабли или большого кинжала. Рукоять кинжала образует тупой угол с клинком. На ножнах — обоймы для подвешивания. Узкий пояс. Темно-серый валун. Техника точечная и контурная с использованием естественной поверхности валуна. 95 × 40 × 20 см.

Тянь-Шань. ИМ Киргизской ССР, г. Фрунзе.

Таблица VIII

37

0 100 см

Таблица VIII

37. Лицо монголоидное. брови стилизованы. Волосы зачесаны назад и спускаются на спину ниже пояса семью косами, каждая из которых внизу стянута и перехвачена. На каждой косе прослеживается от одного до пяти кружков (вероятно, украшения или завитки). В левом ухе серьга в виде фигуры, составленной из трех колец. На месте серьги в правом ухе — скол поверхности камня. На груди амулет, по форме подобный трилистнику, с двумя симметричными полулунными вырезами. Показаны треугольные отвороты кафтана с углами, пристегнутыми к пуговицам, или с бубенчиками. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит двумя пальцами за ножку кубок с округлым туловом и расширяющимся наружу венчиком. Левая — покоится на ножнах сабли, охватывая их пальцами. На запястьях обеих рук браслеты с ромбовидным расширением посредине. Кисть правой руки трактована несколько манерно. Фигура перехвачена поясом с пряжкой в форме «восьмерки». Спереди на поясе висит кинжал в ножнах с обоями для подвешивания. Рукоять кинжала имеет поперечные выемки для пальцев и составляет с клинком тупой угол. Сабля изображена ниже кинжала в ножнах с обоями. Рукоять сабли с поперечными выемками и коротким прямым перекрестием с ромбовидным расширением посредине. Справа на поясе подвешены сумочка для огня и точильный брусок. В нижней части изваяния сделаны две поперечные углубленные линии. Очевидно, изваяние по этим линиям вкапывалось в землю. Темно-серый гранит; объемная статуя. 280×57×50 см.

Корумды, северо-восточный берег оз. Иссык-Куль; вывезено с поля, расположенного южнее села. Лежит у дома колхозника И. Т. Толобаева.

Таблица IX

38. Лицо монголоидное, брови стилизованы; голова изображена слитно с туловищем и отделяется от него схематичной линией, изображающей подбородок и шею. Слегка намечены покатые плечи. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью кубок. Кисть не прослеживается. Левая — почти не прослеживается. Контурной линией показан пояс. Впереди слева под поясом контуром изображена рукоять меча или сабли. Серый песчаник. Сочетание точечной и контурной техники. 125×60×27 см.

С. Светлый Мыс, Тюпский р-н, Иссык-Куль. Точное место находки неизвестно. Хранится во дворе сельской школы.

39. Лицо монголоидное. Брови стилизованы, в ушах серьги с подвесками неясной формы. Голова выделена из монолита, показаны плечи. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью чашу с округлым, слегка заостренным дном. Пальцы правой руки изображены с некоторой манерностью. Левая — полусогнута и покоится на рукояти кинжала. Кисть левой руки раскрыта. Рукава узкие, облегающие. Рукоять кинжала образует тупой угол по отношению к клинку. Серый, крупнозернистый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 10×48×28 см.

С. Уйтал, северный берег оз. Иссык-Куль. Точное место находки неизвестно. Обнаружено А. Н. Бернштамом в 1939 г. и опубликовано (Бернштам, 1942, табл. X, 11; он же, 1954, стр. 289). ИМ Киргизской ССР, г. Фрунзе.

40. Лицо монголоидное, брови стилизованы. На голове прическа или головной убор неясной формы. В ушах серьги с шаровидными подвесками. Голова смоделирована отдельно от туловища, четко показаны шея и плечи. На груди треугольные отвороты кафтана. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью кубок на низкой ножке с отогнутыми наружу краями. Кисть правой руки проработана. Левая — полусогнута и покоится на кинжале. Облегающие рукава с узкими манжетами. Возможно, что это не манжеты, а браслеты. Узкий пояс с овальной пряжкой, очевидно, с подвиж-

38

39

40

41

42

43

ным язычком. Справа на поясе висит каптаргак. Впереди слева на поясе висит кинжал с рукоятью без навершия и прямым перекрестием. Рукоять кинжала образует тупой угол с его клинком. Ниже кинжала на ремнях почти горизонтально висит сабля в ножнах. Обоймы с полукольцами для подвешивания. Рукоять сабли имеет поперечные выемки для пальцев руки и прямое перекрестие. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. Объемная статуя. 130×45×32 см.

С. Талды-Су, оз. Иссык-Куль. Привезено с одного из близлежащих полей.

41. Лицо монголоидное, брови стилизованы, голова хорошо смоделирована, плечи выделены. Правая рука согнута под углом, близким к прямому, и держит перед грудью за ножку кубок. Кисть проработана отчетливо, детально обозначен каждый палец. Левая рука покоится на рукояти сабли и отличается от правой значительно большим схематизмом. Сабля показана условно, видны обоймы для подвешивания. Узкий пояс. Посредине передней части пояса едва уловимое утолщение (однако неестественное). Вероятно, пряжка. Справа на поясе подвешены каптаргак, точило и какой-то прямоугольный предмет. Серый, крупнозернистый диорит. Техника точечная; все детали рельефны. Объемная фигура. 165×45×22 см.

С. Корумды, оз. Иссык-Куль.

42. Физический тип неясен, черты лица сильно выветрены. Голова выделена из монолита, намечены шея и плечи. Правая рука согнута под острым углом и держит перед грудью круглодонную чашу. Левая — согнута почти под острым углом и опирается на рукоять сабли. Кисти рук трактованы схематично. 114×32 см. Техника точечная; все детали рельефны.

Р. Гульча, Фергана. Фото К. И. Антипиной и прорисовка (Заднепровский, 1960, рис. 89). Опский музей.

43. Лицо монголоидное, брови стилизованы, в ушах серьги с шаровидными подвесками. Голова выделена из монолита. На голове прическа либо головной убор неясной формы. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью за ножку кубок с изогнутым наружу венчиком. Кисти рук проработаны. Левая — согнута под прямым углом, ее кисть покоится на рукояти меча или сабли с прямым перекрестием. Прослеживаются треугольные отвороты кафтана. Узкий пояс. На поясе, справа на боку, висят каптаргак и оселок. Серый песчаник. Техника точечная; все детали рельефны. Объемная фигура. 125×40×25 см.

Р. Талды-Су, левый берег. Обнаружено в 200 м к югу от дороги «Талды-Су-Санташ» на первой надпойменной террасе. Обследование места находки показывает, что изваяние сюда откуда-то привезено, ибо никаких следов места его первоначальной установки не обнаружено.

Т а б л и ц а X

44. Лицо монголоидное, брови стилизованы, голова выделена из монолита, показаны шея и плечи. В ушах серьги с шаровидными подвесками. Правая сторона скелета, прослеживается только часть кубка или чаши. Левая рука опущена на ножны сабли. Слева на поясе каптаргак. Виден левый треугольный отворот кафтана. Нижняя часть изваяния обломана. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 200×75×33 см.

С. Талды-Су, Иссык-Куль; привезено с поля в районе села.

45. Лицо монголоидное, брови стилизованы, передняя сторона частично повреждена. Голова смоделирована отдельно от туловища, показаны шея и плечи. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью кубок на ножке. Левая — согнута в локте под прямым углом и покоится на рукояти кинжала. Пальцы левой руки проработаны. Рукоять кинжала с прямым перекрестием образует тупой угол с клинком. Пояс с пряжкой неясной формы. Темно-серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 170×55×35 см.

С. Корумды, северо-восточный берег оз. Иссык-Куль. Лежит на улице.

Таблица X

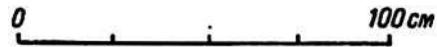
44

45

46

46. Лицо монголоидное. Голова выделена из монолита, показаны шея и плечи. Брови стилизованы, в ушах серьги с каплевидными подвесками. Правая рука согнута в локте под острым углом и держит перед грудью на ножке кубок. Левая — согнута под прямым углом и покоится на кинжале. Пальцы рук проработаны. Показаны облегчающие рукава одежды. Кинжал и сабля в ножнах с обоймами для подвешивания к поясу имеют одинаковые прямые рукояти без наверший с поперечными выемками для пальцев. Справа на боку показана треугольная с закругленными углами сумочка. Темно-серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 140×48×25 см.

С. Корумды, Иссык-Куль. Место находки не установлено. Лежит на улице.

Т а б л и ц а X I]

47. Лицо монголоидное, брови стилизованы, голова выделена из монолита. Волосы разделены прямым пробором и зачесаны назад. В ушах серьги с шаровидными подвесками. Правая рука согнута в локте под острым углом и держит двумя пальцами за ножку полусферический кубок. Кисть правой руки изображена с некоторой стилизацией. Манерно оттопырен мизинец. Левая — полусогнута в локте и покоится на рукояти сабли, охватывая ее. Сабля с коротким прямым перекрестием в ножнах с обоймами для подвешивания к поясу. Впереди, справа на поясе, висит двусоставной неясного назначения предмет (возможно, сумка для огня), а также оселок. Светло-серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 185×53×35 см.

С. Корумды, Иссык-Куль. Поле южнее села, в 0,5 км от дороги. Останец на пахотном массиве. Никаких следов сооружения не обнаружено.

48. Лицо монголоидное. Голова выделена из монолита, показаны плечи, шея намечена схематично. Брови стилизованы. В ушах серьги с каплевидными подвесками. Треугольные, вытянутые отвороты кафтана. Правая рука согнута в локте над прямым углом и держит перед грудью за ножку кубок. Кисть правой руки стилизована. На запястье — браслет. Левая — полусогнута и покоится на рукояти сабли. Сабля в ножнах с обоймами для подвешивания. Справа на поясе каптаргак и оселок. Темно-серый гранит (вероятно, валун). Техника точечная; все детали даны в слабом рельефе. 100×49×30 см.

Тургень-Аксу, восточная часть Иссык-Кульской котловины, 11-й км дороги на Сары-Джаз. Лежит на обочине дороги напротив километрового столба. Обследование прилегающего к дороге поля показало, что здесь находится распаханный ныне могильник. Несколько курганов с каменными округлыми насыпями (высота до 20 см, диаметр 5—6 м) еще сохранилось с западной стороны дороги, над террасой р. Тургень-Аксу. В 50 м к югу найдено еще одно изваяние (см. № 93), а на поле обнаружен останец с подпрямоугольной полуразрушенной во время пахоты оградкой из камней и вкопанным по самое лицо изваянием, обращенным лицом на восток.

49. Лицо монголоидное, голова не выделена из монолита, брови стилизованы. На схематично обозначенной шее изображено ожерелье либо борода. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит конической формы кубок на ножке. Левая — полусогнута в локте и опущена на кинжал или саблю. Пояс с округлой пряжкой. Кафтан с треугольными отворотами захватывается на левую сторону (правая поля сверху). Поверхность отворота заштрихована продольными и поперечными линиями. Светло-серый валун. Техника контурная. Все изображение, особенно туловище, дано с большой степенью абстракции. Некоторые детали (руки, кубок) трактованы в исключительно схематизированной манере. 133×43×35 см.

Р. Малый Кемши, южные склоны Заплайского Алатау. Поле на западной окраине поселка совхоза им. Ильича. Обследование поля не дало никаких результатов.

50. Лицо монголоидное, голова не выделена из монолита, брови стилизованы, в ушах серьги в виде ромбиков с удлинением в нижней части. Шея показана схематичной линией. Волосы разделены прямым пробором и спу-

Таблица XI

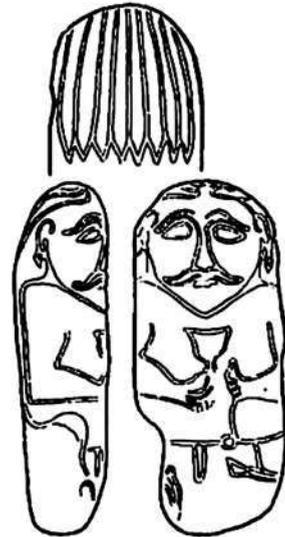
47

48

49

50

скаются на спину до пояса восемью узкими косами. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит двумя пальцами за ножку кубок с отогнутым наружу венчиком. Левая — согнута под прямым углом и прижата к груди. Если пальцы правой руки показаны с некоторой стилизацией, то кисть левой — чрезвычайно схематизирована. Пояс с прямоугольной пряжкой. Впереди, слева к поясу, подвешена сабля, справа — оселок. Темно-серый валун. Техника контурная. 95×38×23 см.

Р. Малый Кемин, ущелье Далпаран. До недавнего времени изваяние находилось в комплексе курганов и оградок на выходе ущелья в долину р. Малого Кемина. После распахки могильника оно вместе с другими изваяниями было вывезено в поселок совхоза им. Ильича, где находится и сейчас у здания конторы.

Т а б л и ц а XII

51. Лицо монголоидное, брови стилизованы, голова почти не выделена из монолита. Шея и плечи даны очень схематично. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит за ножку кубок с отогнутым наружу венчиком. Пальцы трактованы схематично, но с некоторой стилизацией. Левая рука опущена на ножны сабли. Серый гранит (валун). Лицо выполнено точечной техникой в плоском рельефе; руки и предметы изображены контуром. 90×50×25 см.

Сокулук, Чуйская долина. Обнаружено А. К. Абетековым.

52. Лицо монголоидное. Голова выделена из монолита, четко обозначены плечи и менее четко — шея. Брови стилизованы. В ушах серьги с каплевидными подвесками. Правая рука полусогнута в локте и прижата к животу раскрытой кистью. На запястье браслет. Левая — согнута в локте под прямым углом и покоится на рукояти меча, охватывая ее. Показан узкий, облегчающий рукав с обшлагом. Рукоять меча без навершия, с прямым, ромбовидным поперечным, перекрестием. На правом боку — каптарган с прочерченным на нем изображением клапана. Серый гранит (валун). Техника точечная; все детали даны в высоком рельефе. Объемная статуя. 102×50×28 см. Сокулук, Чуйская долина. Обнаружено А. К. Абетековым.

2. ИЗВАЯНИЯ С СОСУДОМ В ПРАВОЙ РУКЕ, БЕЗ ОРУЖИЯ

Центральный и Восточный Казахстан

Т а б л и ц а XIII

53. Лицо мужское, монголоидное. Брови стилизованы. Голова отделена от туловища углубленной бороздой, обозначающей шею и плечи. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью кубок на ножке. Левая — согнута под острым углом и раскрытой кистью прижата к груди. Пальцы рук показаны схематично. Техника точечная; все детали рельефны. 70×30 см.

С. Знаменское, Восточный Казахстан. Фото геолога Ю. А. Твердислова.

Т а б л и ц а XIV

54. Лицо мужское, монголоидное, брови стилизованы. Голова отделяется от туловища схематичной линией, изображающей шею и плечи. Правая рука показана схематично. В руке широкая чаша на поддоне или невысокой ножке. Вся фигура трактована в условно-схематичной манере. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны, грубы и схематичны. Прямоугольная стела, четырехгранная в сечении. 82×30×25 см.

Р. Курмельты, Восточный Казахстан. Обнаружено в 1910 г. В. И. Каменским. МАЭ АН СССР, колл. № 1817.

Таблица XII

Таблица XIII

51

52

53

55. Лицо мужское, монголоидное. Голова выделена из монолита, схематично показаны шея и плечи. Правая рука согнута в локте под острым углом и держит перед грудью, очевидно, сосуд. Левая — полусогнута. Фигура охвачена поясом с висящими на нем какими-то предметами. Техника точечная; все детали рельефны.

Баян-Аул, Северный Казахстан. Фото С. С. Черникова.

56. Лицо мужское, монголоидное. Голова изображена слитно с туловищем. Шея и плечи намечены неглубокой бороздой. Нижняя часть изваяния справа обломана. Правая рука согнута под острым углом и держит перед грудью полусферическую чашу. Левая — не прослеживается. Серый песчаник. Техника точечная; все детали рельефны. $74 \times 27 \times 10$ см.

Центральный Казахстан. Точное место находки не установлено. ИИАЭ АН Казахской ССР, Алма-Ата.

Семиречье и Южный Казахстан

57. Лицо монголоидное, с мягкими уточненными чертами. Головной убор цилиндрической формы с двумя изгибными валиками, обвивающими его снизу. В ушах серьги с шаровидными подвесками. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью круглодонную чашу. Указательный палец вычурно изогнут. На запястье браслет с круглым расширением посередине. Левая рука свободно опущена вдоль туловища, кисть отбита. Коричневый мелкозернистый гранит. Техника точечная. Отличается от других изваяний высокой тщательностью и мастерством отделки. Объемная статуя (Бернштам, 1941, табл. X 13; он же, 1950, табл. ХСV, 260). $150 \times 42 \times 30$ см.

Карабалты, Чуйская долина. ИМ Киргизской ССР, г. Фрунзе.

58. Лицо монголоидное, пол неясен. Голова выделена из монолита, показаны шея и плечи. Лицо обозначено контурной замкнутой линией. Детали лица были первоначально рельефными. Глаза, нос и уши сколоты. Поверхность сколов сильно патинизирована. Контурной линией показана правая рука, согнутая в локте под прямым углом и держащая перед грудью чашу неясной формы. Левая рука опущена вдоль передней части корпуса. Нижняя часть изваяния заключена в музейный постамент, который закреплен наглухо. Поэтому проследить форму нижней части фигуры не представляется возможным. Темно-серый гранит. Сочетание контурной и точечной техники. $118 \times 40 \times 20$ см.

Киргизская ССР. Размеры не установлены. МИУ, г. Ташкент.

Тянь-Шань

59. Лицо мужское, монголоидное. Брови стилизованы. Верхняя часть головы уплощена. Шея и плечи едва намечены. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью кубок (очевидно, за ножку). Левая рука (показана только кисть) прижата к животу. Серый песчаник. Техника точечная и контурная. $88 (108) \times 48 \times 23$ см.

Курменты, Иссык-Куль. Точно место находки неизвестно. Хранится во дворе школы пос. Светлый Мыс.

60. Лицо монголоидное, пол неясен. Брови стилизованы, шея и плечи едва намечены схематичной, углубленной линией. Согнутая в локте под прямым углом правая рука показана схематично. В руке круглодонная чаша. Слева заметна контурная линия, идущая от плеча вертикально, затем пересекающая фигуру по линии пояса. Светло-серый валун с крупнозернистой фактурой. Техника точечная; все детали рельефны. $71 \times 42 \times 25$ см.

Пржевальск, Таловый тупик, д. № 3; найдено в саду дома.

Таблица XIV

54

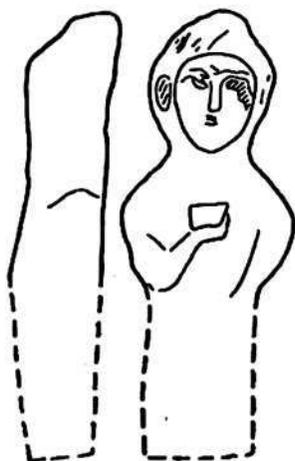
55

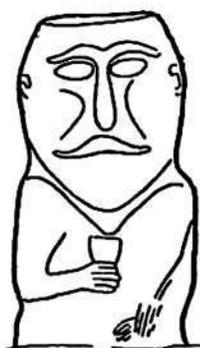
56

57

58

59

60

Таблица XV

61. Голова отбита. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью двумя пальцами за ножку кубок. Левая — тоже согнута, кисть сложена щепотью. Просторное, свободно ниспадающее одеяние с широкими отворотами и широкими рукавами. Правая нога сверху. Серая гранитная плита. Техника точечная; все детали рельефны. 65 (100)×70×17 см.

Иссык-Куль, Пржевальский район. ПГМ.

62. Лицо мужское, монголоидное. Брови стилизованы. Правая рука согнута под углом и держит за ножку кубок. Левая — согнута под прямым углом, кисть прижата к животу. На шее гривна. На груди треугольный вырез одежды. Рукава широкие, свисающие. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны и выполнены смягченными линиями. 80×48×32 см.

Каракол, Пржевальский район. ПГМ.

63. Лицо мужское, монголоидное. Брови стилизованы. В ушах серьги с каплевидными подвесками. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью двумя пальцами за ножку кубок с характерно выгнутыми краями. Левая — прижата к груди. Треугольные отвороты кафтана на углах имеют круглые шарики (пуговицы или бубенчики?). Правая нога кафтана сверху. Показаны края облегающих рукавов. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 150×41×25 см.

Узбек-Сай, побережье оз. Сон-Куль. Изваяние стоит, очевидно, на выходе сая к берегу озера, лицом на восток. Вокруг него небольшое углубление и несколько камней в беспорядке. Раскопками обнаружены остатки ограды, внутри которой найдены следы сожжения.

Таблица XVI

64. Физический тип и пол неясны. Глаза большие, брови стилизованы, нос удлинен. Голова выделена из монолита, схематично показаны шея и плечи. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью за ножку кубок. Левая — тоже согнута и прижата к животу. Схематично намечены отвороты одежды. Серый крупнозернистый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 88×36×20 см.

Иссык-Куль, Пржевальский район. ПГМ.

65. Лицо сбито, пол неясен. Голова смоделирована объемно. Четко показаны шея и плечи. На голове сложной формы прическа или головной убор. На шее гривна или ожерелье с ромбическим амулетом, свисающим на грудь посередине. Правая рука (показана четко только кисть) держит перед грудью полусферическую чашу на низком поддоне. На запястье руки висит браслет. Рукав широкий, свисающий. Левая рука не прослеживается. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны; изображение объемное. 90×47×27 см.

Иссык-Куль, ПГМ.

66. Физический тип и пол неясны. Глаза не прослеживаются. Брови стилизованы, левая — прослеживается с трудом. Голова выделена из монолита схематичной линией. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью кубок на ножке с полусферическим туловом и слегка отогнутым венчиком. Левая — согнута под прямым углом и прижата к животу. Обе руки показаны схематично. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны, но сильно выветрены.³⁶ 76×35×18 см.

Каракол, юго-восточная часть побережья оз. Иссык-Куль. ПГМ.

67. Физический тип и пол неясны. На голове «трехрогий» головной убор, в ушах серьги с подвесками в виде перевернутой буквы Ш. Ниже подбородка

³⁶ Это обстоятельство позволяет предполагать, что первоначально изваяние было установлено лицом на восток, поскольку в этом районе преобладающим является восточный ветер Сая-Таш.

Таблица XV

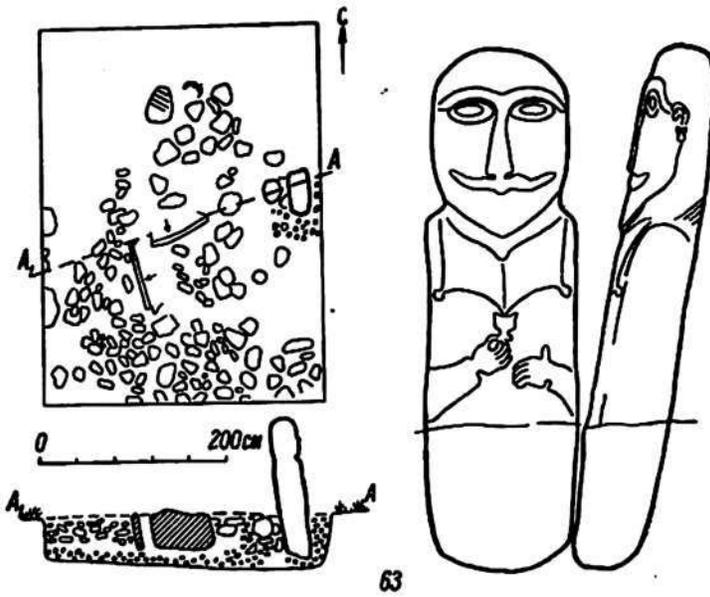
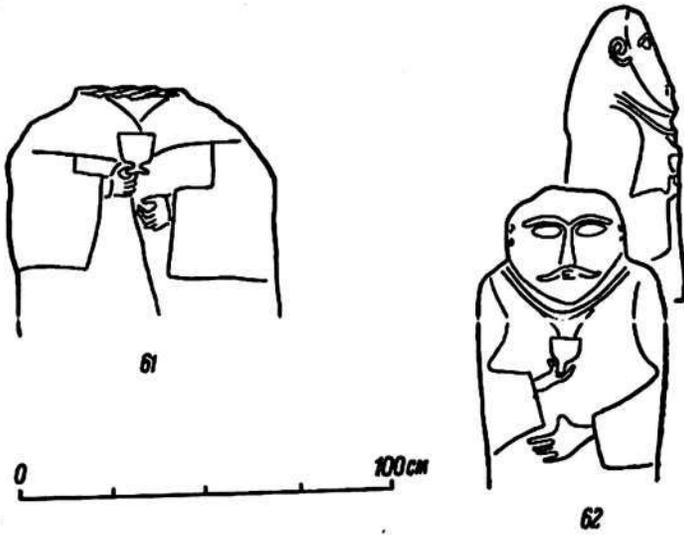
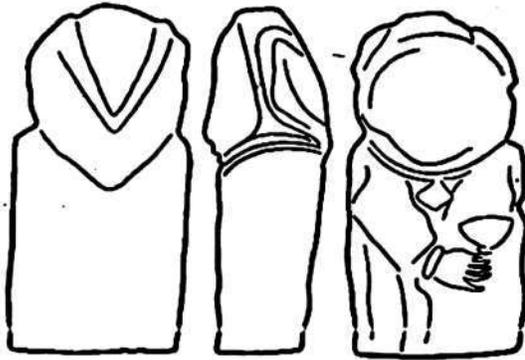

Таблица XVI

64

65

66

67

68

69

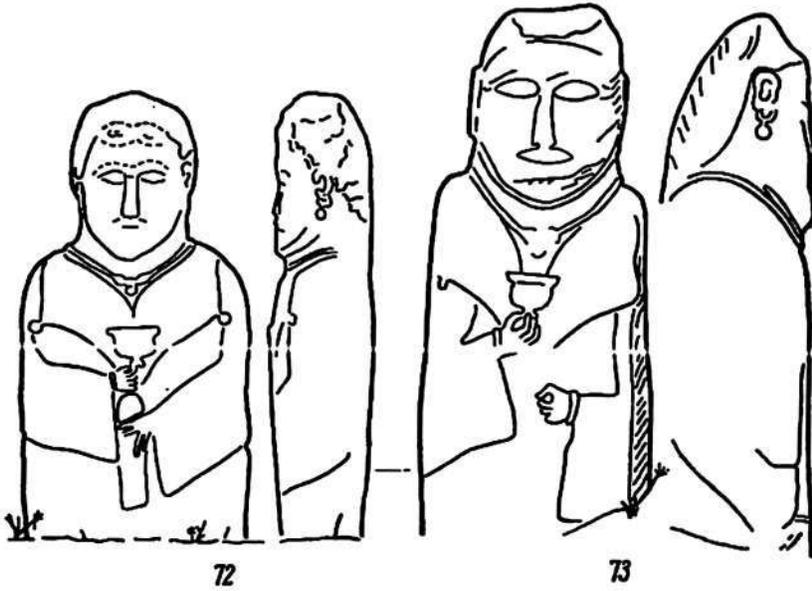
70

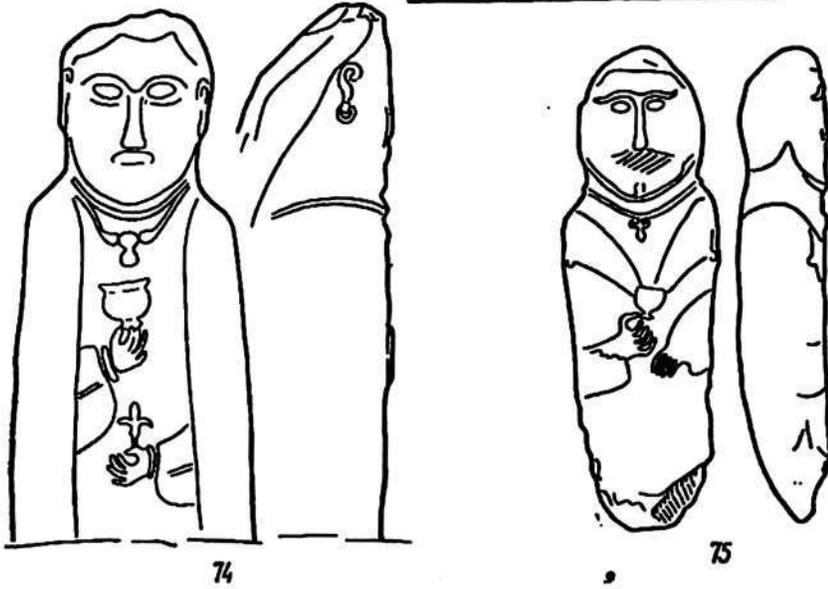
71

0 100cm

Таблица XVII

0 100cm

амулет ромбовидной формы. Правая рука согнута под прямым углом и держит треугольный предмет — кубок на ножке. Левая — прижата к груди. Темно-серый валун. Изображение нанесено пробитой по поверхности валуна контурной линией. 75×40×20 см.

Иссык-Куль, ПГМ.

68. Лицо монголоидное, пол неясен. Островерхий головной убор. На груди — треугольные отвороты кафтана. В ушах серьги в виде колечек с шаровидными подвесками. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью неясный предмет, вероятно сосуд. Левая — согнута в локте под прямым углом. Серый гранитный валун. Контурный врезной рисунок. Изображения рук чрезвычайно схематичны. 70×40×25 см.

Иссык-Куль, Пржевальский район, ПГМ.

69. Лицо монголоидное, пол неясен, голова выделена из монолита, брови сильно стилизованы. Правая рука согнута в локте под острым углом и держит перед грудью двумя пальцами за ножку кубок. Левая — прижата к животу ниже правой. Светло-серый крупнозернистый гранит. Сочетание рельефа (голова) и контурной (остальные детали) техники. 90×45×25 см.

Найдено на обочине дороги Ново-Вознесенка—Джиргалан (Иссык-Куль, восточная часть котловины) на 46-м км. Обследование прилегающего к дороге поля не дало никаких результатов.

70. Лицо мужское, монголоидное, голова почти не выделяется из монолита, схематично показаны шея и плечи. Правая рука согнута в локте под острым углом и держит перед грудью кубок на ножке. Левая — показана очень схематично прижатой к животу ниже правой, кисть не прослеживается. Серый крупнозернистый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 90×48×33 см.

С. Ново-Константиновка, Иссык-Куль. Место находки не установлено.

71. Лицо монголоидное, пол неясен. Изображения бровей стилизованы. На голове «треугольный» головной убор. Крайние лучи обрамлены каемкой. Правая рука (показана только кисть) держит перед грудью круглодонную чашу. Видны удлиненные треугольные отвороты одежды. На углу правого отворота — шарик (бубенчик или пуговица). Уплощенная стела; темно-серый гранит. Техника контурная. 80×35×20 см.

Далпаран, ущелье в долине р. Малого Кемина. Первоначально изваяние находилось на выходе ущелья в долину среди небольшого могильника из каменных курганов. Вывезено в пос. совхоза им. Ильича (Кеминский район, Киргизская ССР).

Т а б л и ц а XVII

72. Физический тип и пол неясны. На голове сложный головной убор или прическа, форма трудноразличима ввиду значительных повреждений верхней части головы. В ушах серьги с шаровидными подвесками. На шее гривна или ожерелье с амулетом. Широкие треугольные отвороты кафтана с бубенчиками или пуговицами на углах. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью за ножку кубок с отогнутой наружу крайней. На запястье — браслет. Левая — полусогнута в локте и прижимает к животу какой-то удлиненный предмет (свиток?). Рукава широкие, свисающие. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны и выполнены весьма тщательно. Объемная статуя. 100 (140)×57×28 см.

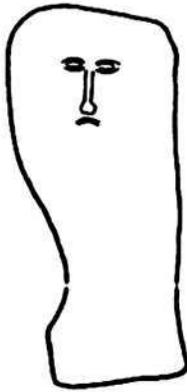
С. Кочп, Иссык-Куль.

73. Лицо мужское, монголоидное. Волосы зачесаны назад и свернуты на затылке в толстый жгут. В ушах серьги с шаровидными подвесками. На шее гривна с амулетом посредине. На груди широкие треугольные отвороты кафтана с пуговицами или бубенчиками на углах. Правая рука согнута под острым углом и держит перед грудью кубок на низкой ножке с рельефным бортиком. Левая — согнута под прямым углом и прижата к животу. Пальцы показаны четко, на запястьях браслеты. Рукава широкие, свисающие. Темно-

Таблица XVIII

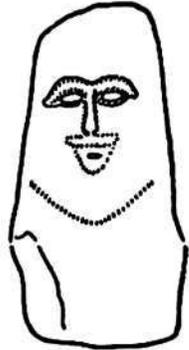
76

77

78

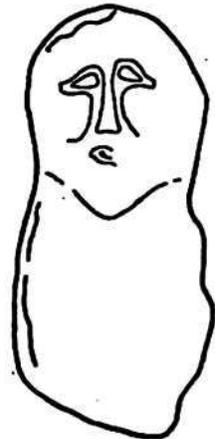
79

80

81

82

серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. Лицо и передняя часть повреждены совсем недавно. Объемная статуя. 145 (185)×55×37 см.

С. Кочи, Иссык-Куль.

74. Лицо мужское, монголоидное. Волосы зачесаны назад и свернуты на затылке в толстый жгут. В ушах серьги с висячими колечками. На шее гривна и ожерелье с амулетом посредине. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью за невысокую ножку кубок с отогнутой наружу закраиной. Левая — полусогнута и держит перед животом цветок (лилия?). Пальцы изображены с некоторым изяществом, на запястьях браслеты. Широкие, свисающие рукава. На плечах свободная мантия или плащ без рукавов. Ее *прямые, свисающие вертикально борта* закрывают боковые стороны изваяния. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. Объемная статуя. 140 (180)×55×40 см.

С. Таллы-Су, Иссык-Куль. Привезено с близлежащих полей.

75. Лицо мужское, монголоидное. Заметны края сбитых позднее усов, брови стилизованы. Голова выделена из монолита, показаны шея и плечи. Головной убор или прическа неясной формы. Уши не прослеживаются. На шее гривна или ожерелье с амулетом посредине. Амулет в виде тризубца с загнутыми вверх боковыми листочками. На груди широкие треугольные отвороты кафтана с пуговицами или бубенчиками на углах. Правая рука согнута под прямым углом и держит двумя пальцами перед грудью кубок на низкой ножке с прямыми стенками. Левая — полусогнута и свободно лежит на животе. Рукава широкие, свисающие. Серый крупнозернистый гранит. Техника точечная; все детали выполнены уплощенным рельефом. Объемная статуя. 108×40×30 см.

С. Тюп, Иссык-Куль. Обнаружено в 1954 г. Л. П. Зяблиным. Первоначальное местонахождение неизвестно. Музей кафедры археологии МГУ.

3. ИЗВАЯНИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ТОЛЬКО ЛИЦА ИЛИ ГОЛОВЫ ЧЕЛОВЕКА

Казахстан и Семиречье

Т а б л и ц а X V I I I

76. Лицо мужское, монголоидное. Голова выделена из монолита, намечены шея и плечи. На груди изображен треугольный вырез одежды. Красноватый песчаник. Техника точечная; все детали показаны в высоком рельефе. На спине тонкими контурными линиями изображено семь кос. 95×28×12 см. Центральный Казахстан, точное место находки не установлено. ИИАЭ АН Казахской ССР.

77. Физический тип и пол неясны. На уплощенной гранитной плите невысоким рельефом нанесено изображение человеческого лица. Техника точечная. 100×45×7 см.

Кегеты. Чуйская долина. Обнаружено в числе других восьми каменных изваяний. (Бартольд, 1897, табл. VII, 3). ГМЭ СССР, Ленинград.

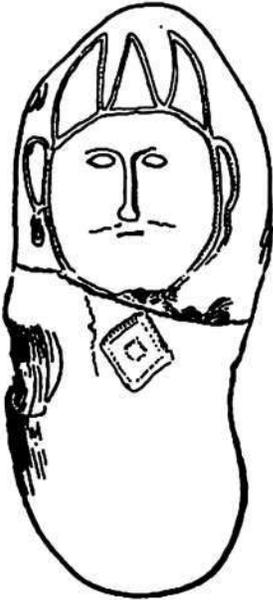
78. Лицо мужское, монголоидное, брови с некоторой стилизацией. Голова почти не выделяется из монолита, схематичной бороздкой показан овал лица. Темно-серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 70×30×15 см.

Р. Курмельты, Восточный Казахстан. Из коллекции В. И. Каменского. МАЭ АН СССР, Ленинград.

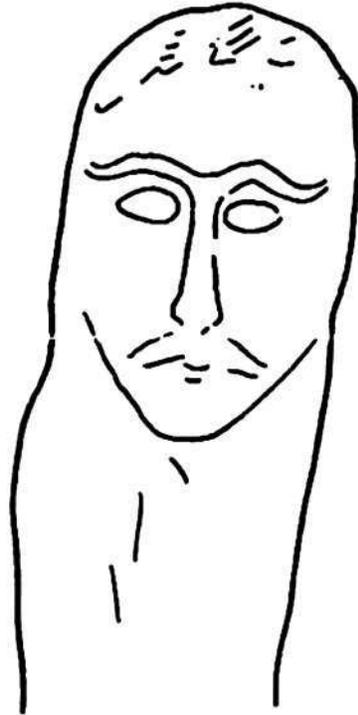
79. Лицо мужское, монголоидное, брови стилизованы. Голова не выделена из монолита и отграничена полукруглой линией. Темно-серый гранит. Техника точечная; уплощенный рельеф. 90×40×23 см.

Р. Курмельты, Восточный Казахстан. Из коллекции В. И. Каменского. МАЭ АН СССР, Ленинград, coll. № 1817.

Таблица XIX

83

84

86

80. Лицо мужское, монголоидное. Голова не выделена из монолита, шея изображена схематичной линией, одновременно обозначающей и бороду. Темно-серый песчаник. Техника точечная; изображение выбито на стеле. 138×25×8 см.

Южный Казахстан. Место находки не установлено. ЧГМ.

81. Физический тип и пол неясны. Голова выделена из монолита схематичной линией, обозначающей шею. Лицо рельефное (техника точечная). Размеры неизвестны.

Аягуз, Восточный Казахстан. Фото Н. Н. Пантусова, 1899 г. (Фотоархив ЛОИА).

82. Физический тип и пол неясны. Голова отделяется от туловища выемкой, обозначающей шею. Лицо рельефно (техника точечная). Размеры неизвестны.

Аягуз, Восточный Казахстан. Фото Н. Н. Пантусова, 1899 г. (Фотоархив ЛОИА).

Т а б л и ц а XIX

83. Физический тип и пол неясны. Голова изображена на гладкой поверхности валуна контурным рисунком. В ушах серьги в виде каплевидных подвесок. На голове «трехрогий» головной убор. Под подбородком — ромбовидный амулет. Размеры неизвестны.

Кегеты, Чуйская долина. Фото (Флоринский, 1896, табл. VI, 8).

84. Лицо мужское, монголоидное. Голова не выделена из монолита, но отграничена от туловища полукруглой бороздой, одновременно оконтуривающей нижнюю часть лица. 95×40 см.

Тополев мыс. оз. Зайсан, Восточный Казахстан. Фото С. С. Черникова.

85. Лицо монголоидное, пол неясен, брови стилизованы. Голова выделена из монолита, показаны плечи, схематично намечена шея. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 55×30×10 см.

Южный Казахстан. ЧКМ.

86. Лицо монголоидное, пол неясен. Голова выделена из монолита, схематично показаны шея и плечи. Техника точечная; все детали рельефны. Размеры не установлены.

Кегеты, Чуйская долина. Фото (Флоринский, 1896, табл. VI, 1).

Т а б л и ц а XX

87. Лицо монголоидное, пол неясен, брови стилизованы. Техника контурного рисунка, изображение нанесено на гладкой поверхности валуна. Размеры не установлены.

Кегеты, Чуйская долина. Фото (Флоринский, 1896, табл. VII, 7).

88. Лицо мужское, монголоидное, брови стилизованы, усы изогнуты. Голова не выделена из монолита и лишь отграничена от туловища полукруглой линией, обозначающей подбородок. Техника точечная; все детали рельефны. 85×36×? см.

Точное место находки неизвестно. Рисунок С. М. Дудина (Бартольд, 1897, табл. IX, 4).

Кегеты, Чуйская долина. Найдено Ф. В. Поярковым в 1885 г. ГМЭ СССР. Ленинград.

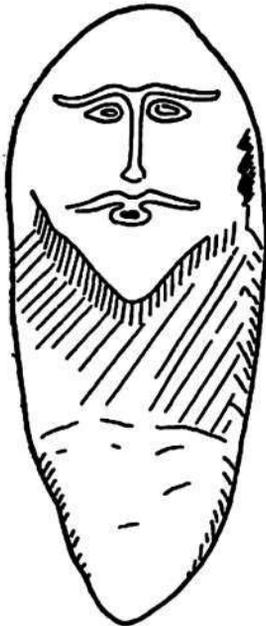
89. Лицо мужское, монголоидное. Брови стилизованы, голова слегка выделяется из монолита. Показаны широкие усы и клиновидная борода. Техника точечная; все детали рельефны. 124 (164)×40 см.

Ульке-2, могильник в Западном Казахстане, к востоку от Актюбинска. Известно по прорисовке, любезно представленной автору В. С. Сорокиным.

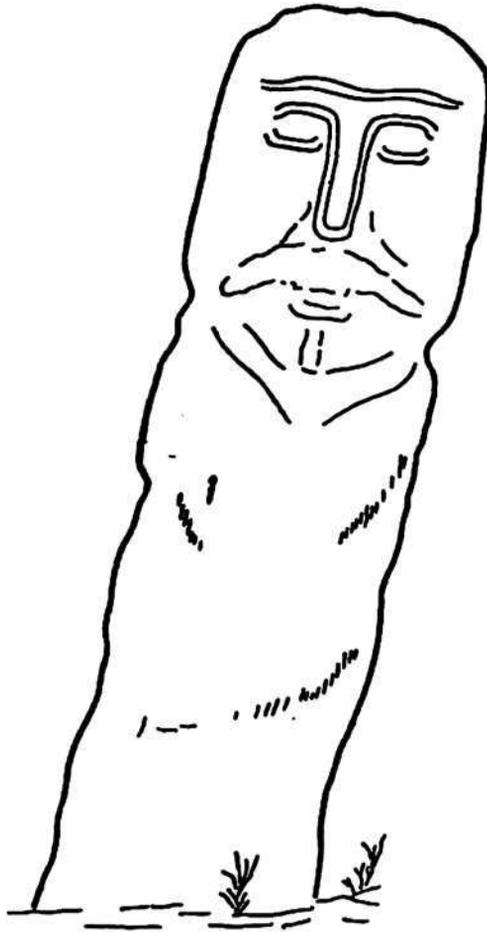
Таблица XX

87

88

89

Тянь-Шань

Таблица XXI

90. Лицо монголоидное, пол веясея. «Трехрогий» головной убор. В ушах серьги в виде колечек с массивными четырехлепестковыми подвесками. На шею гривна. Техника точечная; гранитная плита. 65 (105)×40×20 см.

Далпарай, долина р. Малого Кемпы (южные склоны хр. Купгей Ала-тау). Первоначально изваяние находилось на небольшом могильнике (Бернштам, 1940, стр. 193), который впоследствии был распахан, а изваяние в числе других вывезено к зданию конторы совхоза им. Илыча, где находится в настоящее время.

91. Лицо мужское, монголоидное. Брови стилизованы, в ушах серьги с шаровидными подвесками. Серый валун. Точечная и контурная техника. 70 (100)×50×25 см.

Далпарай. Находилось и находится там же, где и предыдущее.

92. Лицо мужское, монголоидное. Голова едва выделена из монолита. Лицо намечено рельефным валиком, который в верхней своей части образует нос, а в нижней — усы, бороду и рот. Серый песчаник. Техника точечная. 65×30×20 см.

Сусымыр (?), Тянь-Шань. Из раскопок А. К. Кибирова. ИМ Киргизской ССР, г. Фрунзе.

93. Лицо мужское, монголоидное. Передняя часть изваяния сильно повреждена, однако прослеживается стилизация бровей. Голова выделена из монолита, схематично показаны шея и плечи. На уровне пояса горизонтальная бороздка. Серый крупнозернистый гранит, техника точечная. 128×48×35 см. К данной группе это изваяние отнесено условно: передняя поврежденная часть могла иметь изображение рук и предметов.

Тургень-Аксу, 11-й км дороги на Сары-Джаз. Найдено на обочине дороги.

94. Лицо мужское, монголоидное, брови стилизованы. Голова выделена из монолита и смоделирована объемно; показаны шея и плечи. В ушах серьги с шаровидными подвесками. Треугольный вырез одежды. По линии пояса горизонтальная бороздка. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 160×43×25 см.

Тегирменты, Чоп-Кемпы. Место находки не установлено. Вывезено с поля к востоку от села.

95. Лицо мужское, монголоидное. Голова выделяется из монолита, схематичной бороздкой показана линия шеи и плечи. Серый гранит. Техника точечная; плоский рельеф. 80×33×20 см.

Иссык-Куль (западная часть). Место находки не установлено. ПГМ.

96. Лицо мужское, монголоидное. Голова отделена от туловища схематичной линией. Брови стилизованы. Островерхий головной убор. Темно-серый гранит. Техника точечная. 90×33×25 см.

Иссык-Куль, Пржевальский район. ПГМ.

97. Лицо мужское, монголоидное, брови стилизованы. Маленький островерхий головной убор. Подбородком ромбовидный амулет. Техника контурная; четырехгранный валун. 100×46×30 см.

Пржевальск. Находится в городском парке.

Таблица XXII

98. Лицо мужское, монголоидное, брови стилизованы, голова не выделена из монолита, показаны уши.

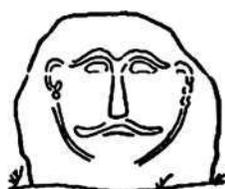
Темно-серый песчаник. Техника точечная; лицо рельефно. 110 (150)×45×15 см.

Сары-Булак (северо-западный берег оз. Соп-Куль). Стоит одиноко, лицом на восток. Никаких признаков бывшего сооружения на поверхности не видно.

Таблица ХХІ

90

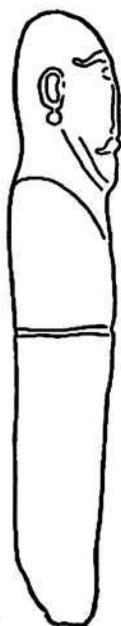
91

92

93

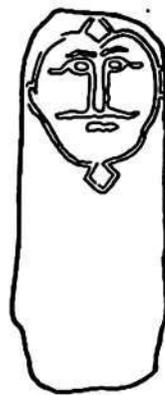
94

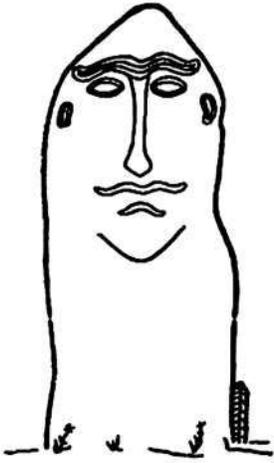
95

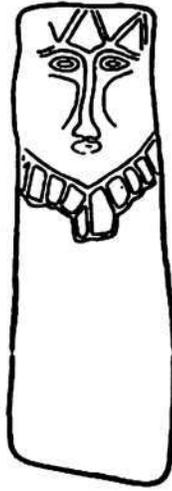
96

97

98

99

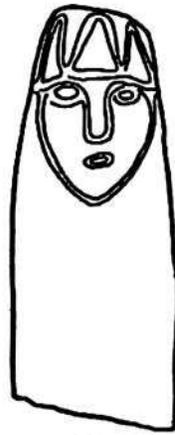
100

101

102

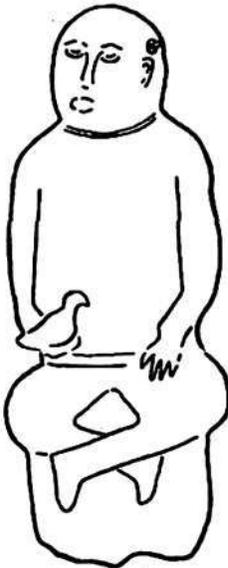

103

104

Таблица XXIII

105

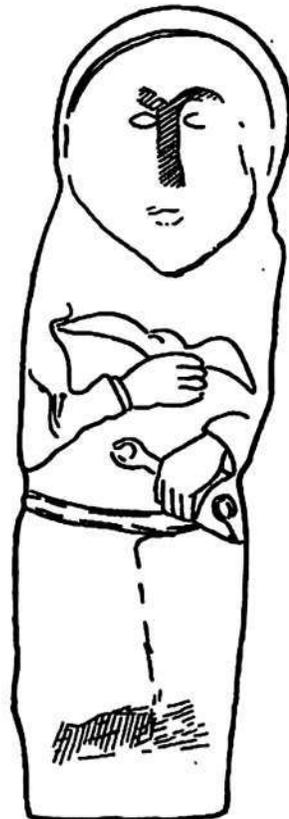
106

107

109

108

99. Лицо монголоидное, пол неясен. Голова не выделена из монолита, нижняя часть лица окошурена врезной линией. Изображения бровей стилизованы. На груди изображена непонятная фигура, состоящая из шести прямоугольников, прочерченных контурной линией (по три с каждой стороны) и двух пятиугольников между ними. Возможно, это изображение воротника одежды с отворотами. «Трехрогий» головной убор. Стела; серый гранит. Техника точечная; рельеф. 120×35×20 см.

Чоп-Тюбе, оз. Сон-Куль (восточный берег). Изваяние вместе со следующим обнаружено у разрушенной или раскопанной оградки.

100. Физический тип и пол неопределенные. Овал лица прочерчен контурной замкнутой линией. Нос и надбровья изображены рельефно. Удлиненный валун. 123×35×23 см. Местонахождение — см. предыдущее изваяние.

101. Лицо мужское, монголоидное. Голова не выделена из монолита, нижняя часть лица ограничена контурной линией. Брови стилизованы. Серый гранит; уплощенная стела. Техника контурная. 156×45×20 см.

102. Лицо мужское, монголоидное. Голова не выделена из монолита. Техника точечная; рельеф; стела. Серый крупнозернистый гранит. 117×25×20 см.

Чоп-Тюбе, оз. Сон-Куль (восточный берег). Оба изваяния обнаружены у разрушенной или раскопанной оградки.

103. Лицо монголоидное, пол неясен. Голова не выделена из монолита. «Трехрогий» головной убор. Серый крупнозернистый гранит; плита. Техника контурная. 110×40×15 см.

Кумду-Су, восточный берег оз. Сон-Куль. Обнаружено у разрушенной или раскопанной кем-то оградки, от которой осталось несколько плит. Положение оставшихся плит позволяет предполагать, что оградка была ориентирована сторонами по странам света.

104. Лицо мужское, монголоидное. Брови стилизованы, голова не выделена из монолита. Серый песчаник; четырехгранная стела. Техника контурная. Нижняя часть изваяния обломана. 62 (102)×28×28 см.

Сары-Булак, северо-западный берег оз. Сон-Куль. Обнаружено в том же месте, где в 1960 г. было найдено изваяние № 98.

4. ИЗВАЯНИЯ ЛЮДЕЙ С ПТИЦАМИ В РУКАХ

Т а б л и ц а ХХІІІ

105. Физический тип неясен; вероятно, мужчина. Голова выделена из монолита, показаны шея и плечи. На полусогнутой в локте правой руке сидит птица со сложенными крыльями. Левая рука свободно опущена на левое бедро. Ноги согнуты «калачиком». Сидячая фигура.

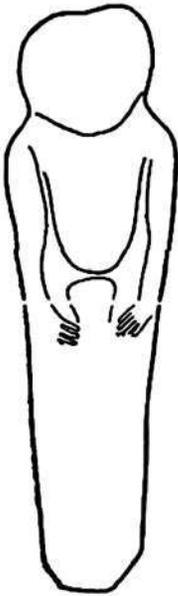
Алтын-Эмель, Семиречье. Фото (Флоринский, 1896, табл. IX, 11).

106. Лицо мужское, монголоидное. Голова выделена из монолита, показаны шея и плечи. В ушах серьги с шаровидными подвесками. Правая рука согнута под острым углом и держит перед грудью повернутую в профиль птицу со сложенными крыльями. Левая — полусогнута в локте и прижимает к животу прямоугольный предмет неясного назначения. Между руками на животе изображен рельефный кружок. Его назначение неясно. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 122×40×15 см.

Дегерес, Семиречье. Условия находки неизвестны. РКМ Казахской ССР, Алма-Ата.

107. Голова отбита, передняя часть изваяния повреждена. Правая рука согнута в локте под острым углом и держит перед грудью какой-то предмет (вероятно, сосуд). На локтевом сгибе изображена в профиль птица со сложенными крыльями. Левая — согнута в локте под острым углом и расположена выше правой, ее кисть отбита. Узкий пояс с пряжкой. Впереди — кинжал или сабля с прямой рукояткой с перекрестием, в ножнах, с обоймой для подвешивания к поясу. Нижняя часть изваяния тоже отбита. Серый гранит. Техника точечная. 60 (120)×50×10 см.

Таблица XXIV

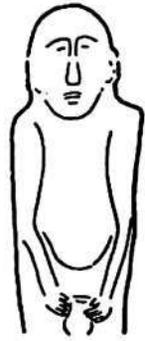
110

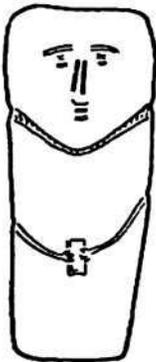
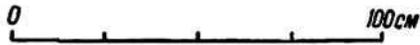
111

112

113

114

115

116

117

Кара-Балты, Чуйская долина. Место находки не установлено. (Бернштам, 1943, табл. VI, 13). ИМ Киргизской ССР, г. Фрунзе.

108. Физический тип и пол неясны. Голова отделяется от туловища схематично показанными плечами и шеей. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью птицу с раскрытыми крыльями. Показаны ушки рукава. Левая — полусогнута в локте и держит, вероятно, кинжал или нож с петлевидным навершием. Узкий пояс, пряжки не видно. Техника точечная.

Каркаралинск, Восточный Казахстан. Фото (Флоринский, 1896, табл. IX, 12).

109. Голова отбита. Правая рука согнута под прямым углом и держит перед грудью птицу, сидящую в профиль, со сложенными крыльями. Серый гранит. Техника точечная. 85×34×18 см.

Курдай, Чуйская долина (Бернштам, 1941, табл. X, 8). ГЭ.

5. ИЗВАЯНИЯ С СОСУДОМ В ОБЕИХ РУКАХ (МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ)

Семиречье, Центральный и Южный Казахстан

Т а б л и ц а XXIV

110. Лицевая часть головы сколота каким-то острым орудием. Поверхность камня в местах сколов покрыта патиной. Руки полусогнуты. В руках удлиненный, расширяющийся кверху сосуд. Темно-серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 155×45×13 см.

Южный Казахстан, место находки неизвестно. ЧКМ.

111. Физический тип и пол неясны. Руки согнуты под прямым углом и держат перед животом сосуд грушевидной формы. Уплощенный валун серо-голубого цвета. Техника контурная. 80×35×15 см.

Ешмен-Сай, Таласская долина, 4-й км к востоку от урочища Джаман-Ийин. Стояло лицом на восток в восточной стороне оградки из камней. Высота над землей — 45 см. Произведенные автором этих строк раскопки внутри оградки не дали никаких находок.

112. Лицо мужское, монголоидное. Руки согнуты в локтях перед животом и держат удлиненный сосуд неясной формы. Прямоугольная стела; серо-коричневый песчаник. Техника точечная; все детали рельефны. Поверхность изваяния сильно выветрена. 70×30×13 см.

Бекбо-Сай, Таласская долина, 1,5 км к востоку от входа в ущелье Беш-Тап. Изваяние стояло лицом на восток в восточной стороне подпрямоугольной оградки из камней, возвышаясь над уровнем почвы на 30 см. В восточной части оградки внутри к стенкам примыкало невысокое сооружение из камней, которое впоследствии развалилось. У восточной стороны оградки снаружи валялись две стелы из серого песчаника со схематичным изображением человеческой головы без проработки черт лица. Автором были произведены раскопки внутри оградки. В развале камней обнаружено два фрагмента керамики с гончарного круга и один лепной, а также зуб лошади.

113. Пол и физический тип неясны. Руки полусогнуты в локтях и держат круглодонный сосуд с шейкой и венчиком. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны, но грубы и схематичны. 88×35×12 см.

Семиречье. Место находки неизвестно. РКМ Казахской ССР, Алма-Ата.

114. Пол и физический тип неясны. Руки сложены на животе и держат удлиненный предмет, очевидно сосуд. Стела из темно-серого гранита. Техника контурная. Шея и плечи намечены неглубоко пробитой бороздой. 93×38×15 см.

Южный Казахстан. Место находки неизвестно. ЧКМ.

115. Пол и физический тип неясны. Руки, показанные схематично, держат перед животом широкогорлый сосуд баночной формы. На поверхности

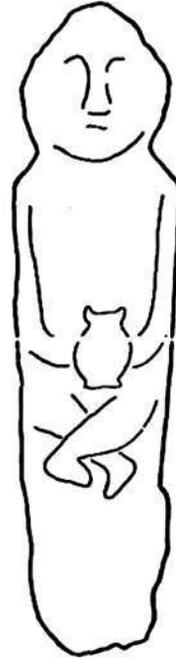
Таблица XXV

118

119

120

121

122

123

сосуда зигзагообразная линия. Валун, покрытый известковым налетом. Сочетание точечной и контурной техники. Контуром показан сосуд; остальные детали рельефны, но грубы и схематичны. 100 (?) × 45 (?) см.

Чуйская долина. Фото А. Н. Бернштама (Фотоархив ЛОИА АН СССР).

116. Лицо мужское, монголоидное. Голова выделена из монолита, схематично обозначена шея. Брови стилизованы. На месте рта сделано овальное углубление глубиной до 2 см. Руки согнуты под прямым углом в локтях и держат перед грудью сосуд усеченноконической формы. Техника точечная и контурная. Серый гранит, плита. 50 × 37 × 10 см.

Окрестности г. Фрунзе. Место находки не установлено. Музей школы № 10, г. Фрунзе.

117. Голова отбита. Сидячая фигура, по-видимому мужская. Руки согнуты в локтях под прямым углом и держат перед животом сосуд грушевидной формы с круглым дном и расширяющимся венчиком. Кисти рук переданы реалистично, на запястьях — браслеты. Ноги подогнуты «калачиком», фигура сидит на высеченном из того же монолита пьедестале.

Алма-Ата. Место находки не установлено. Фото (Бартольд, 1897, табл. X, 1).

Т а б л и ц а XXV

118. Физический тип и пол неясны. Рельефно показаны уши, намечены шея и плечи. На шее гривна. Руки неестественно изогнуты в запястьях и держат перед животом сосуд с расширяющейся кверху горловиной. Нижняя часть изваяния, возможно, обломана.

Бахты, Семиречье. Фото (Флоринский, 1896, табл. VIII, 9) и рисунок (Appelgren-Kivalo, 1931, стр. 70, рис. 345). Музей Томского университета.

119. Лицо мужское, монголоидное. Нос и брови выполнены одной рельефной Т-образной линией. Голова смоделирована отдельно от туловища, показаны шея и плечи. Руки прямые (показаны локтевые изгибы), кисти изображены очень схематично. В руках перед животом сосуд цилиндрико-конической формы. Заостренная внизу стела из серого крупнозернистого гранита. 120 × 25 × 8 см.

Семиречье. Место находки неизвестно (Веселовский, 1915, табл. VII, 28). ГЭ.

120. Признаки пола и физического типа неясны. Голова смоделирована отдельно от туловища, показаны шея и плечи. Руки изогнуты у кистей и держат перед животом сосуд с поддоном и венчиком, отогнутым наружу. Ноги сложены «калачиком». Уплощенный рельеф. 210 × 60 см.

Восточный Казахстан. Прорисовка (Appelgren-Kivalo, 1931, стр. 70, рис. 342).

121. Лицо монголоидное, очевидно мужское. Нос и брови выполнены одной рельефной Т-образной линией. Голова не выделена из монолита, а отделяется полукруглой линией подбородка. Руки изогнуты в локтях и держат перед животом сосуд цилиндрической формы. Уплощенная стела из красного песчаника. Задняя сторона не обработана. Техника точечная; все детали рельефны. 119 × 45 × 13 см.

Карабалты, Чуйская долина. Место находки неизвестно. ИМ Киргизской ССР, г. Фрунзе.

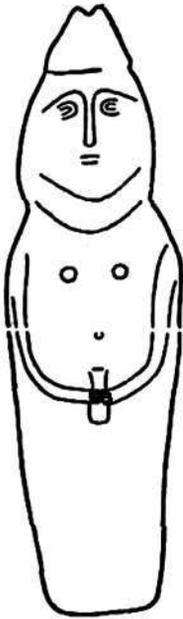
122. Лицо женское, физический тип неясен. Голова смоделирована отдельно от туловища, показаны плечи. Рельефными кружками изображена женская грудь. Руки полусогнуты и держат перед животом сосуд на поддоне.

Чуйская долина. Точное место находки неизвестно. Рисунок (Аничков, 1899).

123. Лицо женское, физический тип неясен. Голова смоделирована объемно, показаны плечи. Рельефными кружками изображена женская грудь. Рук не видно. Нижняя часть, видимо, обломана.

Мерке, Чуйская долина. Точное местонахождение неизвестно. Рисунок (Аничков, 1899).

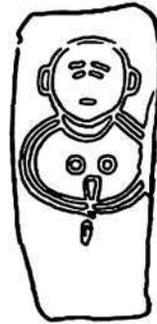
Таблица XXVI

124

125

126

127

128

129

Т а б л и ц а ХХVI

124. Лицо женское, монголоидное. Брови преувеличенно вздернуты и образуют с носом одну линию. Четко показаны шея и плечи. Руки изогнуты и держат перед животом удлинённый сосуд с шейкой и расширяющейся горловиной. Двумя рельефными кружками обозначена грудь. Ниже — круглой ямкой показан пупок. На голове конический, раздвоенный сверху головной убор. Техника точечная; все детали рельефны. 162×40×20 см.

С. Сергеевка Алма-Атинской области. Привезено учителем Л. Ф. Катургой; хранится в школе № 25 г. Алма-Аты.

125. Лицо женское, физический тип неясен. Брови и нос в виде рельефной буквы Т. Двумя кружками обозначена грудь. Темно-серый гранит. Детали лица рельефны; точечная техника; грудь выполнена контуром. 110×25×10 см.

Семпречье. Место находки неизвестно. ГЭ.

126. Лицо женское, физический тип неясен. Руки согнуты и держат перед животом удлинённый сосуд. Кружками обозначена женская грудь, ниже рук показан пупок или признак женского пола. Светло-коричневый песчаник, плита. Техника контурного резного рисунка. 80×37×15 см.

Северная Киргизия. Точное место находки неизвестно. ИМ Киргизской ССР, г. Фрунзе.

127. Лицо женское, монголоидное. Нос и брови переданы одной рельефной Т-образной линией. Голова не выделена из монолита, удлинённый головной убор. Шея и плечи показаны схематично. Руки изогнуты и держат перед животом сосуд усеченноконической формы. Двумя рельефными кружками показана женская грудь. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 100×35×30 см.

Алма-Атинская область. Место находки неизвестно. РКМ Казахской ССР, Алма-Ата.

128. Лицо женское, монголоидное. Изображения бровей стилизованы. Голова выделена из монолита, показаны плечи. Рельефными бугорками изображена грудь. Контурами показаны руки. Нижняя часть изваяния, видимо, обломана. Серый гранит. Техника точечная. 105 (145)×36×15 см.

Западный Казахстан. Точное местонахождение неизвестно. ОКМ.

129. Лицо женское, монголоидное. Брови и нос в виде рельефной буквы Т. Руки полусогнуты в локтях и держат неясный предмет перед животом (сосуд?). Двумя рельефными бугорками показана грудь. Техника точечная; все детали рельефны. 71×27×18 см.

Мерке, Чуйская долина. Найдено в 1887 г. И. В. Аничковым. МИУ, г. Ташкент.

Т а б л и ц а ХХVII

130. Пол и физический тип неясны. Голова выделена из монолита, показаны плечи. На груди виден вырез одежды. Руки согнуты в локтях и держат перед грудью чашу. Рукава широкие, свисающие. Техника точечная; рельеф. Изваяние изготовлено из валуна.

Кегеты, Чуйская долина. Точное местонахождение неизвестно. Рисунок С. М. Дулина (Бартольд, 1897, табл. VIII, 5).

131. Лицо мужское, монголоидное. Голова не выделена, но использована естественная антропоморфность камня. Руки согнуты в локтях и, вероятно, держат перед грудью сосуд. Сочетание контурной и точечной техники.

Кегеты, Чуйская долина. Фото (Флоринский, 1896).

132. Пол и физический тип неясны. Руки полусогнуты в локтях и держат перед животом удлинённый сосуд. Все изображение выполнено контуром на плоской каменной плите.

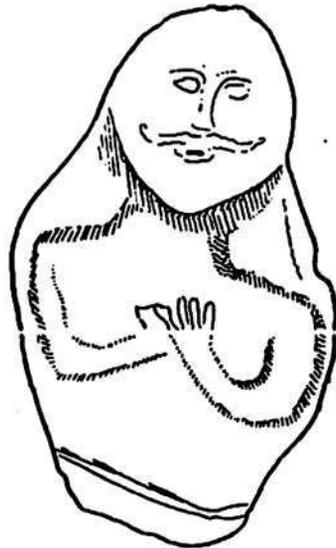
Семпречье. Место находки неизвестно. Фото (Пантусов, 1904, стр. 73, рис. 7).

133. Пол и физический тип неясны. Голова смоделирована отдельно от туловища, показаны шея и плечи. Руки опущены на живот и держат удлинённый сосуд цилиндрической формы. Техника точечная; все детали рельефны.

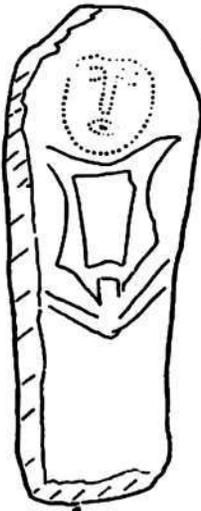
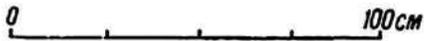
Таблица XXVII

130

131

132

133

134

Семиречье. Место находки неизвестно. Фото (Пантусов, 1904, стр. 73, рис. 7).

134. Лицо женское, монголоидное. Нос и брови выполнены в едином Т-образном рельефе. Рельефными кружками показана грудь. Руки полусогнуты и держат перед животом сосуд неясной формы. Изображение рельефное.

Мерке, Чуйская долина. Точное местонахождение неизвестно. Рисунок (Аничков, 1899).

Тянь-Шань

Т а б л и ц а XXVIII

135. Лицо мужское, монголоидное. Голова не выделена из монолита, шея обозначена схематичной линией, одновременно изображающей и клиновидную бороду. Руки полусогнуты в локтях и держат перед грудью широкую полусферическую чашу на тонкой ножке. На груди показаны треугольные отвороты кафтана. Темно-серый валун. Лицо изображено в слабом рельефе; руки показаны контуром. 100×35×23 см.

Точное место находки установить не удается ввиду противоречивых данных: в публикации (Бернштам, 1941, табл. X. 1) указано — Чуйская долина, в фотоархиве ЛОИА — Иссык-Куль. Каракол. Отдел Востока ГЭ.

136. Лицо монголоидное, пол неясен. Верхняя часть головы заострена, брови стилизованы. Голова почти не выделяется из монолита. Схематичной линией обозначена шея. Руки согнуты в локтях под прямым углом и держат перед грудью кубок на ножке. Темно-серый гранит. Голова выполнена точечной техникой, рельефно; руки изображены контурными линиями. 92×40×15 см.

Ново-Константиновка, Пржевальский район. Привезено с поля в районе села. Точное место находки не установлено.

137. Лицо мужское, монголоидное. Голова выделена из монолита глубокой бороздой, обозначающей шею и плечи. Руки сложены на груди. Место соприкосновения рук повреждено. Вероятно, здесь был изображен сосуд. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны; руки изображены контурными линиями. 148×25×13 см.

Сары-Булак, Иссык-Куль. Обнаружено Л. П. Зяблиным не на месте первоначальной установки.

138. Лицо мужское, монголоидное. Голова выделена из монолита, намечены шея и плечи. Брови стилизованы, показана нижняя часть головного убора (верхняя часть головы повреждена). Руки показаны чрезвычайно условно, сложенными на груди. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 145×35×20 см.

Тюп, Иссык-Куль. Обнаружено Л. П. Зяблиным не на месте первоначальной установки.

139. Голова отбита. Правая рука согнута в локте и держит за вертикальную ручку кубок на поддоне. Левая — поддерживает этот кубок снизу. На запястьях обеих рук браслеты. На фигуре изображена мантия, накинутая на плечи, или короткий плащ без рукавов. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 100 (130)×53×23 см.

Турасу, Иссык-Куль. Найдено на современном мусульманском кладбище, где изваяние использовано вторично в качестве надгробного обелиска.

140. Голова отбита. Руки согнуты в локтях под прямым углом и держат перед грудью сосуд неясной формы (вероятно, подобный предыдущему кубок с вертикальной ручкой). На запястьях обеих рук браслеты. На фигуре просторная одежда в виде мантии или плаща без рукавов. В нижней части изваяние пересекают две параллельные горизонтальные линии. Серый гранит. Техника точечная; изображение рельефное. 113 (143)×45×30 см.

Турасу, Иссык-Куль. Найдено там же, используется в качестве надгробного обелиска.

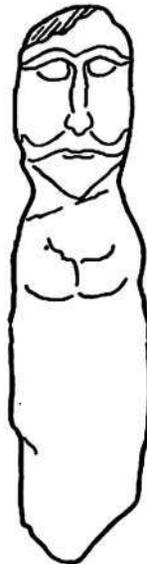
Таблица XXVIII

135

136

137

138

139

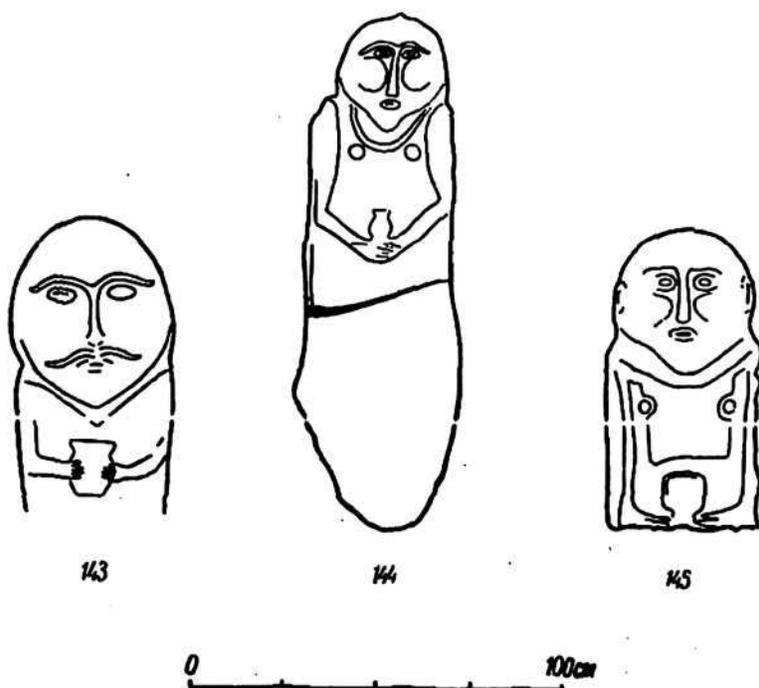
140

141

142

141. Лицо монголоидное, пол неясен. Голова выделена из монолита, брови и нос выполнены в едином Т-образном рельефе. Глаза показаны врезаемыми черточками. Руки согнуты в локтях и держат перед грудью кубок на ножке. Щеки изображены в виде рельефных кружков. Нижняя часть изваяния справа сколота. Серо-зеленый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 100×35×18 см.

Кок-Булак, северо-западный берег оз. Сон-Куль. Изваяние обнаружено на правобережной террасе одноименного ручья среди развала камней (могила, ограда?).

142. Лицо монголоидное, пол неясен. Голова смоделирована отдельно от туловища, показаны шея и плечи. Лицевая сторона головы повреждена. Руки полусогнуты в локтях и держат перед животом сосуд цилиндрической формы. Темно-серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 113×40×25 см.

Джае, урочище в верховьях р. Чон-Кемина. Изваяние стоит, очевидно, не на месте первоначальной установки, на второй надпойменной террасе левого берега, рядом с небольшим могильником из каменных набросок округлой формы. Оно подперто камнями и использовано в качестве репера при каких-то изыскательских работах.

Таблица XXIX

143. Лицо мужское, монголоидное, брови стилизованы. Голова выделена из монолита, намечены плечи. Узким мысом обозначен вырез одежды. Руки согнуты в локтях перед грудью и держат сосуд баночной формы с отогнутым наружу венчиком. Техника точечная; рельеф.

Иссык-Куль. Точное местонахождение неизвестно. Фото (Фотоархив ЛОИА).

144. Лицо женское, монголоидное. Голова выделена из монолита, схематично показаны шея и плечи. На шее полукруглая гривна. Руки полусогнуты в локтях и держат перед животом сосуд в форме кринки с подлоном. Место соприкосновения рук повреждено. Рельефными кружками показана грудь. Серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 138×38×30 см.

Кок-Булак, северо-западный берег оз. Сон-Куль, Тянь-Шань. Изваяние и его обломанная нижняя часть обнаружены среди могильника из разнотипных курганов.

145. Лицо женское, монголоидное, нос с надбровьями в виде рельефной буквы Т. Руки вытянуты вдоль туловища и неестественно согнуты в кистях. В руках сосуд неясной формы. Рельефными бугорками показана грудь. Темно-серый гранит. Техника точечная; все детали рельефны. 80×40×15 см.

Кок-Булак, северо-западный берег оз. Сон-Куль, Тянь-Шань. Изваяние валяется у выхода ущелья к берегу озера. По свидетельству местных чабанов, оно нигде не привезено. Очевидно, его первоначальное местонахождение было здесь же.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Постоянное увеличение объема материала, которым приходится пользоваться археологу, заставляет думать о более совершенных и быстродействующих методах его обработки при помощи средств кибернетики (Устинов, 1961; Gardin, 1956, 1960; M. Ascher, R. Ascher, 1963). В процессе работы над данной книжкой была предпринята попытка представить описание каменных изваяний в виде машинного «языка». Записав при помощи этого «языка» исходную информацию на одном из видов машинной «памяти», например на перфокартах, можно всякие технические операции, производимые с материалом (классификацию по заданным условиям, различного рода подсчеты, статистические комбинаторные и информационные задачи), задавать машине, которая выполнит их значительно быстрее, точнее и тем самым высвободит время для более сложной творческой работы, не поддающейся пока алгоритмизации.

Все изваяния описываются при помощи сравнительно небольшого набора признаков. Большинство признаков используется при описании почти каждой фигуры (например, пол, антропологический тип, изобразительный канон, техника изображения, высота и т. п.), некоторые другие используются реже (например, положение на местности, ориентировка и т. п.).

Расположим этот известный нам перечень признаков в произвольном, удобном для нас порядке и поставим каждому признаку во взаимнооднозначное соответствие какую-нибудь цифру, но так, чтобы цифра, обозначающая признак А, отличалась от всех остальных цифр, обозначающих другие признаки Б, В, Г и т. д., своим значением либо местом на перфокарте.

Местонахождение	№ колонки	№ позиции
1. Лист топографической карты	1—2	0—9
2. Квадрат топографической карты	3—4	0—9
3. № памятника по картотеке	5—9	0—9
4. № объекта по картотеке	10—13	0—9
5. № вещи в данной коллекции	14—16	0—9
Признаки		
6. Пол:		
неясный	17	0
мужской	17	1
женский	17	2
7. Физический тип:		
неясный	18	0
монголоидный	18	1
европеоидный	18	2
8. Брови:		
неясные	19	0

Признаки	№ колонки	№ позиции
волнистые	19	1
прямые	19	2
9. Руки:		
неясно	20	0
стилизованы	20	1
без стилизации	20	2
10. Голова:		
не выделена из монолита	21	0
выделена из монолита	21	1
11. Головной убор:		
нет	22	0
есть	22	1
12. Прическа:		
неясно	23	0
1 коса	23	1
5 кос	23	5
6 кос	23	6
7 кос	23	7
8 кос	23	8
13. Изобразительный канон:		
неясно	24	0
1—6-я группы	24	1—6
14. Серьги:		
неясно	25	0
капельвидные	25	1
паровидные	25	2
III-образные	25	3
15. Шейное украшение:		
неясно	26	0
есть	26	1
нет	26	2
16. Форма сосуда:		
неясно	27	0
кубок на ножке	27	1
кубок с петлевидной ручкой	27	2
чаша	27	3
чаша на поддоне	27	4
грушевидный	27	5
17. Одежда I:		
неясно	28	0
правая пола сверху	28	1
левая пола сверху	28	2
18. Одежда II:		
неясно	29	0
широкая	29	1
узкая	29	2
19. Одежда III:		
рукава неясно	30	0
широкие	30	1
узкие	30	2
20. Пояс:		
неясно	31	0
есть	31	1
нет	31	2
21. Количество блях на поясе	32—33	0—9
22. Сабля:		
неясно	34	0

Признаки	№ колонки	№ позиции
есть	34	1
нет	34	2
с петлевидным навершием	34	3
23. Кинжал:		
неясно	35	0
есть прямой	35	1
нет	35	2
есть угловой	35	3
24. Каптаргак:		
неясно	36	0
есть	36	1
нет	36	2
25. Браслет:		
неясно	37	0
есть прямой	37	1
есть с ромбовидным щитком	37	2
нет	37	3
26. Техника:		
объем	38	0
уплощенный рельеф	38	1
рельеф и контур	38	2
контур	38	2
27. Повреждения:		
голова отбита	39	0
голова повреждена	39	1
правая рука повреждена	39	2
левая рука повреждена	39	3
обе руки повреждены	39	4
изваяние обломано	39	5
повреждена передняя часть	39	6
изваяние разбито	39	7
28. Высота I: № интервала вариационного ряда	40	1—9
29. Высота II (в см)	41—43	0—9
30. Ширина (в см)	44—45	0—9
31. Толщина (в см)	46—47	0—9
32. Положение на местности:		
неизвестно	48	0
у оградки	48	1
без оградки	48	2
33. Ориентировка:		
неизвестна	49	0
В	49	1
З	49	2
Ю	49	3
С	49	4
СВ	49	5
СЗ	49	6
ЮЗ	49	7
ЮВ	49	8
34. Количество балбалов	50—52	0—9

Таким образом, мы построили дескриптивную иерархическую классификацию признаков, в которой каждый признак и подпризнак будет иметь свое условное, т. е. кодовое, обозначение. Создание такого кода уже решает проблему представления материала на «языке» цифр, понятном любой вычислительной машине. Материал, записанный при помощи набора цифр, может теперь фиксироваться в любом виде долговременной машинной па-

мяти. Наиболее удобным видом долговременной памяти представляются стандартные 80-колоночные перфокарты. При работе с перфорационными машинами можно на каждый предмет пробить отдельную перфокарту. Перфокарты удобны в хранении и последующей обработке не только на перфорационных, но и на электронных вычислительных машинах (ЭВМ).

При помощи перечисленных признаков можно описать любое изваяние из нашей серии. Возьмем для примера изваяние № 2 и «проанкетировав» его, имея перед собой перечень признаков и их кодовых обозначений и представив себе, что мы сидим за перфоратором — устройством для пробивки перфокарт.

Колонки для признаков местонахождения не пробиваем, они оставлены в резерве для того времени, когда будут созданы Генеральная картотека археологических памятников СССР и единая археологическая карта СССР.

Исмер изваяния — 002 пробивается в 14, 15 и 16-й колонках.

Пол — мужской — пробиваем 1 в 17-й колонке. Антропологический тип — монголоидный — пробиваем 1 в 18-й колонке. Брови прямые — 2 в 19-й колонке, руки стилизованы — 1 в 20-й колонке, голова выделена из монолита — 1 в 21-й колонке, головного убора нет — 0 в 22-й колонке и т. д. по всем «рамкам анкеты». Заполненная перфокарта на изваяние № 2 имеет следующий вид (рис. 21 на стр. 64).

На перфокарты были записаны сведения о всех 367 камешных изваяниях, учтенных в данной работе. В порядке эксперимента все статистические и комбинаторные задачи, решавшиеся в работе вручную, были повторены на счетно-перфорационных машинах С80-5 и Т5-М.³⁷ Прикидка расхода времени при ручной и машинной обработке материала показала, что первая относится ко второй как 50 : 1. При работе с электронной вычислительной машиной (ЭВМ) должен быть использован несколько иной способ записи исходной информации (Устинов, 1964), а скорость обработки несоизмеримо увеличится. Естественно, что такие небольшие объемы материала, как использованный в данной работе, нерационально вводить в ЭВМ. Применение ЭВМ оправдано, когда материал измеряется тысячами единиц, которые нужно сопоставить между собой по многим признакам.

³⁷ Эксперимент производился на машинно-счетной станции Главной астрономической обсерватории АН СССР в Пулкове под руководством Б. А. Стругацкого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Н. А. 1858. Краткое описание надгробного памятника Козу-Курпечь между Семипалатинском и Капалом. ИВОРАО. ч. I. вып. 2. СПб.
2. Абрамов Н. А. 1858а. О памятнике Кузы-Курпечь и относящемся к нему местном предании. ИАО, т. I, вып. 4, СПб.
3. Агеева Е. И. и А. Г. Максимова. 1959. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. Тр. ИИАЭ АН КазССР, сер. археол., т. 7. Алма-Ата.
4. Альбаум Л. И. 1960. Балалык-тепе. Ташкент.
5. Альбаум Л. И. 1960а. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов». КСИМК, 80, М.—Л.
6. Авичков И. В. 1897. О каменных бабах в окрестностях Мерке. ПТКЛА, год III, Ташкент.
7. Авичков И. В. 1899. Поездка к каменным бабам около Мерке Русский Туркестан, т. I, прилож. к газ. «Русский Туркестан», Ташкент.
8. Артамонов М. И. 1961. Антропоморфные божества в религии скифов. Археологический сборник, вып. 2, Л.
9. Артамонов М. И. 1962. История хазар. Л.
10. АКК, 1960. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата.
11. Арциховский А. В. 1930. Курганы вятичей. М.
12. Баранов Е. 1899. Козу-Курпечь и Баян-Слу. «Нива». февраль. Ежемесячн. лит. прилож.
13. Бартольд В. В. 1897. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. ЗАН, сер. VIII, т. I. Вып. 4. СПб.
14. Беленцкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. В кн.: «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». М.
15. Бернштам А. Н. 1940. К исторической топографии Чуйской долины. ВДИ, № 2, М.
16. Бернштам А. Н. 1941. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе.
17. Бернштам А. Н. 1943. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам БЧК. Фрунзе.
18. Бернштам А. Н. 1947. Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, № 2.
19. Бернштам А. Н. 1950. Очерк истории культуры древнего Семиречья по археологическому материалу. МИА, № 14, М.—Л.
20. Бернштам А. Н. 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, М.—Л.
21. Бернштам А. Н. 1954. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. В кн.: По следам древних культур, М.
22. Бернштам А. Н. и Ю. А. Заднепровский. 1958. Западно-туркский каганат. «Очерки истории СССР», III—IX вв. М.

23. Бернштам А. Н. 1959. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. Труды КАЭЭ, т. III, Фрунзе.
24. Бичурин Н. Я. 1950—1953. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, тт. I—III, М.—Л.
25. Бичурин Н. Я. 1960. Собрание сведений по исторической географии Средней и Восточной Азии. Чебоксары.
26. Богданова Н. А. 1961. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму. СА, № 2, М.
27. Валиханов Ч. Ч. 1961. Следы шаманства у киргизов. Собр. соч., т. I, Алма-Ата.
28. Ван дер Варден Б. Л. 1960. Математическая статистика, М.
29. Веселовский Н. И. 1915. Современное состояние вопроса о каменных бабах или «балбалах». Одесса.
30. Вяткина К. В. 1959. Археологические памятники в Монгольской Народной Республике. СЭ, № 1, М.
31. Гайдукевич В. Ф. 1937. Боспорские города Тиритака и Мирмекский. ВЛИ. № 1. М.
32. Глязбург В. В. 1960. Краеведческие материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников. VI Международный конгресс антропологов и этнографов. Париж.
33. Гребнев Л. В. 1960. Тувинский героический эпос. М.
34. Грач А. Д. 1955. Каменные изваяния Западной Тувы. Сб. МАЭ, т. XVI, Л.
35. Грач А. Д. 1958. Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-ула. КСИЭ, XXX, М.—Л.
36. Грач А. Д. 1961. Древнетюркские изваяния Тувы. М.
37. Груми-Гржимайло Г. Е. 1926. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Л.
38. Грязнов М. и Е. Шнейдер. 1929. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, т. IV, вып. II, Л.
39. Грязнов М. П. 1941. Древняя бронза Минусинских степей. Бронзовые кельты. Тр. ОИПГ Гос. Эрмитажа, т. I. Л.
40. Грязнов М. П. 1950. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми данными. СА, XII, М.—Л.
41. Гумилев Л. В. 1959. Алтайская ветвь тюрко-тугю. СА, № 1, М.
42. Городцов В. А. 1923. Первобытная археология, т. I, М.
43. Городцов В. А. 1927. Типологический метод в археологии. Рязань.
44. Диков Н. Н. 1958. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ.
45. Дьяконов М. М. 1947. Бронзовая пластика первых веков Хиджры. ТОВГЭ, т. IV, Л.
46. Дьяконов М. М. 1954. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. В кн.: Живопись древнего Пянджикента, М.
47. Евтюхова Л. А. 1941. Каменные изваяния Северного Алтая. Труды ГИМ, вып. XVI, М.
48. Евтюхова Л. А. 1948. Археологические памятники снисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
49. Евтюхова Л. А. 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, М.—Л.
50. Елагина Н. Г. 1959. Скифские антропоморфные стелы. СА, № 2, М.
51. Ефименко П. П. 1926. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. МЭ, т. III, вып. I, Л.
52. Заднепровский Ю. А. 1960. Археологический памятник южной части Ошской области. Фрунзе.
53. Зяблин Л. П. 1955. О «татарских» курганах. СА, XXII, М.
54. Зяблин Л. П. 1959. Курганы Семиречья и их отношение к происхождению киргизов. Труды КАЭЭ, т. III, Фрунзе.

55. История Киргизии, т. I. 1956. Фрунзе.
56. История Киргизии. 1957. Уч. пос. для ср. школы. Фрунзе.
57. Итс Р. Ф. 1958. О каменных изваяниях в Синьцзяне. СЭ, № 2, М.
58. Кадырбаев М. К. 1959. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, сер. археол., т. 7. Алма-Ата.
59. Казакевич В. А. 1930. Намогильные статуи в Дариганге. Л.
60. Каллаур В. А. 1898. О каменных бабах в Таласе. ПТКЛА, год III. Ташкент.
61. Кавивец В. И. 1955. Курган раннего бронзового века у с. Первомаевки на Херсонщине. КСИА, вып. 5, Киев.
62. Кастанье И. А. 1910. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург.
63. Кибиров А. К. 1955. О некоторых птогах археологического обследования Сусамыра. Труды ИИ АН Киргизской ССР, вып. 1, Фрунзе.
64. Кибиров А. К. 1957. Работы Тянь-Шаньского археологического отряда. КСИЭ, XXVI, 1957, М.
65. Киселев С. В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
66. Киселев С. В. 1962. Каменная черепаха, «бежавшая» из Каракуму. МАС, М.
67. Колосовский В. И. 1901. В Каратавских горах Чимкентского уезда, ПТКЛА, 6.
68. Клеменец Д. А. 1895. Отчет о путешествии в Монголию. Изв. АН, т. III, № 3, СПб.
69. Корзухина Г. Ф. 1950. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, XIII, М.—Л.
70. Костров Н. А. 1854. Список каменным изваяниям, находящимся в Миусинском округе Енисейской губернии. Вестник ИРГО, X, отд. V, СПб.
71. Кузнецов Б. И. 1961. Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных». Л.
72. Кызласов Л. Р. 1951. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. Изв. АН КазССР, сер. археол., вып. 3, Алма-Ата.
73. Кызласов Л. Р. 1959. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (к вопросу о происхождении киргизского народа). Труды КАЭЭ, т. III, Фрунзе.
74. Кызласов Л. Р. 1959а. Исследования на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. Труды КАЭЭ, т. II, М.
75. Кызласов Л. Р. 1960. Тува в период тюркского каганата. Вестник МГУ, № 1, история, М.
76. Кызласов Л. Р. 1960а. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). УЗТНИЯЛИ, вып. VIII, Кызыл.
77. Кызласов Л. Р. 1960б. Таштыкская эпоха. М.
78. Кызласов Л. Р. 1960в. Новая датировка енисейской письменности. СА, № 3.
79. Кызласов Л. Р. 1964. Рецензия на книгу А. Д. Грача «Древнетюркские изваяния Тувы». СА, № 1.
80. Кызласов Л. Р. 1964а. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей. СА, № 2, М.
81. Кюнер Н. В. 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.
82. Латышев В. В. 1893. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, СПб.
83. Левшин А. 1832. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. СПб.
84. Лукин Б. В. 1958. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент.
85. Максименков Г. А. 1960. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов. СА, № 1, 1960.

86. Малов С. Е. 1951. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л.
87. Малов С. Е. 1952. Енисейская письменность тюрков. М.—Л.
88. Малов С. Е. 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л.
89. Манас. 1960. Эпизоды из киргизского народного эпоса. М.
90. Маргулан А. Х. 1951. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Изв. АН КазССР, сер. археол., вып. 3, Алма-Ата.
91. Маргулан А. Х. 1957. Культура племен и народностей Казахстана в VI—XII веках. В кн.: История Казахской ССР, т. I. Алма-Ата.
92. Массон М. Е. 1949. О происхождении некоторых каменных надмогильников Южного Туркменистана. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад.
93. Массон М. Е. 1951. Уникальный надмогильный лицевой памятник из долины Ангрена. Изв. АН КазССР, сер. археол., вып. 3, Алма-Ата.
94. Массон М. Е. 1953. Ахангеран. Ташкент.
95. МАР, № 34, 1914. СПб.
96. Мелиоранский П. М. 1898. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. ЖМНП, июнь, СПб.
97. Мелиоранский П. М. 1902. Два серебряных сосуда с енисейскими надписями. ЗВОРАО, т. 14, СПб.
98. Мелюкова А. И. 1952. Каменная фигура скифа воина. КСИИМК, вып. XLVIII, М.
99. Мерперт Н. Я. 1955. Из истории оружия племен Восточной Европы. СА, XXIII, М.—Л.
100. Миллер А. А. 1925. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. ИРАИМК, т. IV, Л.
101. Миллер А. А. 1934. Археологические разведки. ИГАИМК, вып. 88, Л.
102. Мустафи В. А. 1898. Каменные бабы. ПТКЛА, год III, Ташкент.
103. Низами. 1953. Искандер-намэ, т. I. Баку.
104. Орбели И. А. и К. В. Тревер. 1935. Сасанидский металл. Л.
105. Окладников А. П. 1954. Олений камень с реки Иволга. СА, XIX, М.—Л.
106. Паллас П. С. 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, полов. I, СПб.
107. Пантусов Н. Н. 1889. Памятник Козу-Кердечь и Баян-Солу. ПТКЛА, год IV, Ташкент.
108. Пантусов Н. Н. 1889а. Каменные бабы в станице Сергиопольской Лепсинского уезда. ПТКЛА, год IV, Ташкент.
109. Пантусов Н. Н. 1901. Из заметок о путешествии по Алтын-Эмельской волости. Изв. общ. арх., ист. и этногр. при Казанском университете, XVII, Казань.
110. Пантусов Н. Н. 1904. Заметки о древностях Семиреченской области. ИАК, вып. 12, СПб.
111. Пещерева Е. М. 1959. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л.
112. Потапов Л. П. 1953. Очерки истории алтайцев. М.—Л.
113. Поярков Ф. В. 1898. Из арх. экскурсий по Пишпекскому уезду и по берегу оз. Иссык-Куль. Памятная книжка Семиреч. обл. Стат. комитета на 1898 г., т. 2. Верный.
114. Плато Карпини. 1957. История монголов. М.
115. Плетнева С. А. 1958. Печенег, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, М.
116. Радлов В. В. 1899. Атлас древностей Монголии. СПб.
117. Радлов В. В. и П. М. Мелиоранский. 1897. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. Труды Орхонской экспедиции, т. IV, СПб.

118. Распопова В. И. 1960. Гончарные изделия Чуйской долины. Труды КАЭЭ, т. IV, М.
119. Рацек В. Н. 1947. Этнографические и археологические наблюдения в высокогорных районах Памира и Тянь-Шаня. ИВГО, № 4, М.—Л.
120. Руденко С. И. и А. Глухов. 1927. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, т. III, вып. 2, Л.
121. Словцов И. Я. 1881. Путевые заметки, веленные во время поездки в Кокчетавский край. Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО, кн. 3, СПб.
122. Смирнов Я. И. 1909. Восточное серебро. СПб.
123. Смирнов А. П. 1946. Куйбышевская каменная баба. КСИИМК, XII, М.—Л.
124. Спицын А. А. 1898. К вопросу о каменных бабах. ЗИРАО, т. X, вып. 1—2, СПб.
125. Спицын А. А. 1904. Шаманские изображения. СПб.
126. Спицын А. А. 1928. Археологические заметки. Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, Л.
127. Сэр-Оджав Н. 1962. Археологические исследования в Монгольской Народной Республике. Монгольский археологический сборник. М.
128. Терехова Н. Н. 1959. Погребальные конструкции эпохи Хань. СА. № 3, М.
129. Тереножкин А. И. 1952. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища. КСИА, вып. 1, Киев.
130. Тигенко Г. Т. 1955. Каменная стела из с. Первомаевки. КСИА, вып. 5, Киев.
131. Токарев С. А. 1964. Ранние формы религии. М.
132. Тревер К. В. 1947. Сасанидский серебряный кубок из Урдозского ущелья в Северной Осетии. ТОВГЭ, т. IV, Л.
133. Третьяков П. Н. 1931. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6—7, А.
134. Уваров А. С. 1871. Сведения о каменных бабах. Труды 1-го археологического съезда. М.
135. Урбах В. Ю. 1963. Математическая статистика для медиков и биологов. М.
136. Устинов В. А. 1961. О применении электронной математической машины в исторической науке. «Вопросы истории», № 8, М.
137. Устинов В. А. 1964. Применение вычислительных машин в исторической науке. М.
138. Философский словарь. 1963, М.
139. Флоринский В. М. 1896. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, ч. II, вып. 1, Томск.
140. Хейердал Т. 1961. Аку-Аку. М.
141. Хлобыстина М. Д. 1962. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л.
142. Членова Н. Л. 1962. Об оленных камнях Монголии и Сибири. Монгольский археологический сборник. М.
143. Шер Я. А. 1961. Погребение с конем в Чуйской долине. СА, № 1, 1962, М.
144. Шер Я. А. 1963. Иконография древнетюркских изваяний. Известия АН Киргизской ССР, сер. общ. наук, т. V, в. I (история), Фрунзе.
145. Шер Я. А. 1963а. Об одном древнетюркском изваянии. СА, № 2, М.
146. Шер Я. А. 1963б. Памятники алтайско-орхонских тюрок на Тянь-Шане. СА, № 4.
147. Швецова М. 1898. Алтайские калмыки. Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО, кн. XXIII, Омск.
148. Штернберг Л. Я. 1936. Первобытная религия. Л.
149. Щепинский А. А. 1958. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА. № 2, М.

150. Я д р и н ц е в Н. М. 1890. Каменные могилы и каменные бабы в Монголии и Сибири. Труды VIII археологич. съезда в Москве, т. IV, М.
151. Я д р и н ц е в Н. М. 1892. Предварительный отчет об исследованиях по рр. Толе, Орхону и в Южном Хангае. Труды Орхонской экспедиции. т. I, СПб.
152. Я к у б о в с к и й А. Ю. и О. Г. Б о л ь ш а к о в. 1958. Народы Средней Азии под властью халифата. В кн.: История СССР, III—IX вв.
153. Я к у н и н а Л. П. 1959. Женский образ в косторезном искусстве якутов и «каменная баба», ГИМ. Уч. Зап. Якутского НИЯЛИ. т. II, Якутск.
154. A a l t o P. 1958. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. . . ISFOu, 60, Helsinki.
155. A r p e l g r e n - K i v a l o H. 1931. Alt-Altäische Kunstdenkmähler. Helsinki.
156. A s c h e r M., A s c h e r R. 1963. Chronological Ordering by Computer. American Anthropologist, vol. 65, № 5, Menasha.
157. C h a v a n n e s E. 1903. Documents sur les Tou-kiue occidentaux. SPb.
158. E r k e s E. 1957. Geschichte Chinas. Berlin.
159. G a r d i n J. C. 1956. Le fichier mécanographique de l'outillage, Beyrouth.
160. G o d a r d Y., G o d a r d A., H a c k i n J. 1928. Les antiquités bouddhiques de Bamiyan. Paris—Bruxelles.
161. G r a n ö J. G. 1909. Archäologische Beobachtungen. JSFO, vol. XXVI, Helsinki.
162. G r a n ö J. G. 1910. Über die geographische Verbreitung und die Formen der Altertümer in den Nordwestmongolei. JSFO, vol. XXVIII, Helsinki.
163. G y l l e n s v ä r d. 1958. T'ang gold and silver. Stockholm.
164. H a r v a U. 1933. Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker. Helsinki.
165. H e i k e l H. J. 1918. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki.
166. J i s l L. 1960. Vorbericht über die archäologische Erforschung des Kül-Tegin-Denkmal durch die Tschechoslowakisch-Mongolische Expedition des Jahres 1958. Ural-Altäische Jahrbücher, b. XXXII, h. 1—2, Wiesbaden.
167. J i s l L. 1960a. Mongolei. Kunst und Tradition. Praha.
168. J u l i e n S. 1857. Memoires sur le contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648 par Hiouen-Thsang, et du chinois en français par Stanislas Julien, vol. 1—2, Paris.
169. K a h l o G. 1959. Der zweite Erdkreis der Alten. WZKMU, 9 Jahrg. h. 5.
170. K o t w i c z W. 1928. Kilka uwag o t. zw. babach kamiennych. Lwow.
171. K o t w i c z W. et A. S a m o i l o w i t c h. 1928. Le monument turc d'Ikhe-Khuchotu en Mongolie centrale. Rocznic Orientalistyczny. t. IV, Lwow.
172. K o t w i c z W. 1937. Quelques remarques encore sur les statues dites «baba» dans les steppes de l'Eurasie. Rocznic Orientalistyczny, t. XIII, Lwow.
173. L a s z l o G. 1955. Etudes archeologiques sur l'histoire de la société des avars. Archaeologia Hungarica, XXXIV. Budapest.
174. L e C o q A. von. 1929. Steine mit Menschen- und Tier-Darstellungen aus der Mongolei. Ostasiatische Zeitschrift, heft 5.
175. L i p s Jul. 1961. Vom Ursprung des Dinge. Leipzig. (Русский перевод: Ю. Липс. Происхождение вещей. М., 1954).
176. L i u M a u - t s a i. 1958. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'u-kü). Wiesbaden.
177. M ü n s t e r b e r g O. 1912. Chinesische Kunstgeschichte, t. II, Berlin.
178. P a s s e k T. et B. L a t y n i n. 1929. Sur la question des kamennye baby. ESA, IV, Helsinki.

179. P o s t a B. 1905. Archacologische Studien auf Russischen Boden. Budapest.
 180. P u m p e l l i R. 1905. Explorations in Turkestan. Washington.
 181. R a d l o f f W. 1895. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung, CIIб.
 182. S a l m o n y A. 1940. Notes on a «kamennaya baba». Artibus Asiae. vol. XIII, 1/2.
 183. S i r e n O. 1929. Historie des arts anciens de la Chine, v. 2, Paris et Bruxelles.
 184. S P A. 1938. A Survey of Persian art, IV, London—New-York.
 185. S t e i n A. 1907. Ancient Khotan. London.
 186. В а н Ц з ы - ю н ь. 1956. Синцзянское искусство резьбы по камню (кит. яз.). «Вэньцзянкао цзыляо», № 8, Пекин.
 187. Л и Ч ж а н. 1962. Краткое сообщение о разведках могил с каменными бабами в районе Алтая (кит. яз.). «Вэньцзян», № 7—8.
 188. Х у а н В э н ь - б и. 1960. Археологические открытия в провинции Синцзян. обследованные в Или (кит. яз.). «Каогу», № 2, Пекин.
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БМ	— Барнаульский музей.
ВЧК	— Большой Чуйский канал.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
ГМЭ СССР	— Государственный музей этнографии народов СССР.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж.
ЖМНИ	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗАН	— Записки Академии наук.
ЗИРАО	— Записки императорского Русского Археологического Общества.
ЗИРГО	— Записки императорского Русского Географического Общества.
ИАК	— Известия Археологической Комиссии.
ИАО	— Известия Археологического Общества.
ИВГО	— Известия Всесоюзного Географического Общества.
ИВОРАО	— Известия Восточного отделения Русского Археологического Общества.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИ	— Институт истории АН Киргизской ССР.
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры.
ИРГО	— Императорское Русское Географическое общество.
ИИАЭ	— Институт истории, археологии и этнографии.
ИМ	— Исторический музей.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР.
КСИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии.
КАЭЭ	— Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии.
МАР	— Материалы по археологии России.
МАС	— Монгольский археологический сборник.
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР.
МГУ	— Московский государственный университет.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МИУ	— Музей истории Узбекистана.
МТУ	— Музей Томского университета.
МЭ	— Материалы по этнографии.

- ОИПК — Отдел истории первобытной культуры.
 ПГМ — Пржевальский городской музей.
 ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
 РКМ — Республиканский краеведческий музей.
 СА — Советская археология.
 СМ — Семипалатинский музей.
 СЭ — Советская этнография.
 ТОВГЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
 УЗТНИИЛИИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
 ЧКМ — Чимкентский краеведческий музей.
 EAZ — Ethnographisch-archäologische Zeitschrift.
 ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
 ISFOu — Journal de la Societe Finno-ougrienne.
 WZKMU — Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität.
-

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
Глава 1. Общая характеристика каменных изваяний, их распространение и классификация	11
Глава 2. Происхождение древнетюркских изваяний	31
Глава 3. Хронология	38
Изваяния I типа	40
Изваяния II типа	44
Глава 4. Семантика	47
Проверка существующих гипотез	49
Семантика изваяний I типа	55
Семантика изваяний II типа	58
Глава 5. Некоторые особенности стиля древнетюркской скульптуры	65
Заключение	70
Приложение I	74
1. Мужские изваяния с сосудом в правой руке и с оружием на поясе	74
2. Изваяния с сосудом в правой руке, без оружия	96
3. Изваяния с изображением только лица или головы человека	106
4. Изваяния людей с птицами в руках	114
5. Изваяния с сосудом в обеих руках (мужские и женские) . .	116
Приложение II	126
Литература	130
Список сокращений	137

Яков Абрамович Шер
КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ СЕМИРЕЧЬЯ

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР
Редактор издательства **Д. И. Тихонов**
Художник **М. О. Разулевич**
Технический редактор **Р. А. Самареева**
Корректоры **И. С. Дементьева, Э. В. Коваленко**
и **И. М. Медведева**

Сдано в набор 7/X 1965 г. Подписано к печати
11/I 1966 г. РИСО АН СССР № 2802. Формат
бумаги 60×90^{1/16}. Бум. л. 4^{2/8}. Печ. л. 8^{1/4}=8.75 усл.
печ. л. Уч.-над. л. 8.79. Изд. № 2802. Тип. зак. № 384.
М-27506. Тираж 1700. Цена 56 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1
1-я тип. издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЕ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
129	1 снизу	Б. А. Стругацкого.	Б. Н. Стругацкого.

Я. А. Шер.

55 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»